

63.4 (6к4)

405235Д

В74

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**ВОПРОСЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

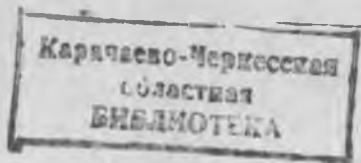
**ВОПРОСЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ НАРОДОВ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

Редакционная коллегия:

В. И. Марковин (ответ. ред.), **Х. Х. Биджиев**

В сборник включены статьи, отражающие работу археологов сектора истории за последние годы, — результаты раскопок средневековых памятников, вопросы материальной и духовной культуры, этнической истории, а также международных связей населения Карачаево-Черкесии в средние века.

405235

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник посвящен исследованиям древностей Карачаево-Черкесии. За последние годы здесь развернулись большие работы. По сути дела памятники самого широкого хронологического диапазона стали привлекать внимание археологов: от курганов эпохи бронзы до склеповых построек позднего средневековья. В данном томе публикуется лишь незначительная часть добытых материалов, связанных с местным средневековьем.

Открывается сборник статьей Г. Е. Афанасьева, посвященной экономическим связям в раннем средневековье. Автор намечает направления торговых путей, многие из которых скрещивались в Хумаре. Важность упомянутого городища настолько, что вот уже несколько лет оно служит одним из важнейших археологических объектов, исследуемых специалистами. В трех статьях (Х. Х. Биджиева, А. В. Гадло и Х. Х. Биджиева) освещены итоги раскопок Хумаринского городища в 1975 и 1977 гг.

Большая статья Х. Х. Биджиева «Погребальные памятники Карачая XIV—XVIII вв.», является частью его монографического исследования, посвященного памятникам Карачая XIV—XVIII вв., написанного под руководством С. А. Плетневой, которой автор выражает свою глубокую благодарность за помощь в процессе работы над темой.

Небольшая заметка В. И. Марковина знакомит читателей с новой группой наскальных рисунков, обнаруженных в окрестностях аула Кумыш.

Небольшая рецензия Е. П. Алексеевой и И. М. Шаманова об археолого-этнографическом сборнике (вып. 1), изданном Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом в 1974 г., завершает данный том.

**К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КИСЛОВОДСКОЙ
КОТЛОВИНЫ — МАЛОКАРАЧАЕВСКОГО РАЙОНА
(Вторая половина V — первая половина VIII вв.)**

Первым исследователем, обосновавшим гипотезу о существовании в средневековье торгового пути, проходившего по долине Подкумка, был А. И. Дьячков-Тарасов, посвятивший специальную работу этому вопросу.¹ Главное внимание автор уделяет участку пути от золотоордынского города Маджар до Сухуми. Этот торговый путь шел из Маджар по р. Куме до устья Подкумка, затем вверх по течению Подкумка к Рим-горе до его истоков. Здесь, пересекая перевал Кум-баши, тропа спускалась в Маринское ущелье, а недалеко от Хумары — в долину Кубани. Затем вверх, вдоль течения Кубани, Теберды и Гоначхира, через Клухорский перевал до Сухуми. А. И. Дьячков-Тарасов отметил, что оживленная торговая связь способствовала «созданию, кроме города в урочище Хумара, многочисленных поселений... в ущелье Теберды, а равно и поселений в ущелье Подкумка».² Гипотезу А. И. Дьячкова-Тарасова развил в дальнейшем П. Г. Акритас. По его мнению, в районе Хумара скрещивались четыре дороги: одна — из Геленжика, другая из Сухуми, третья — из Маджар, четвертая, идущая от Каспия через предгорья Северного Кавказа.³ Последний путь автор рассматривает более подробно, подкрепляя свою точку зрения рядом поселений, находящихся на этом маршруте. В целом интересная работа П. Г. Акритаса в то же время не лишена недостатков. Одним из наиболее существенных — является хронологические различия между памятниками, образующими, по мнению П. Г. Акритаса, звенья единого торгового пути. Вместе с тем, существование в раннем средневековье такого пути, проходившего по долине Подкумка, на наш взгляд, не подлежит сомнению и подтверждается как письменными источниками и топонимикой района⁴, так и археологическими данными.

Любопытные сведения о торговых путях в рассматриваемом районе приводит византийский автор VI в. Менандр, описывая возвращение на родину византийского посла Зимарха вместе с турецкими посланниками и хорезмийскими купцами. Как отмечает Н. Пигулевский, «Путь, которым возвращались византийские послы, шел по берегам Аральского моря, северному берегу Каспия, с переправой через Волгу, а затем по Северному Кавказу...⁵. Поднимаясь вверх по Кофину (Кубани)⁶, в Аланию, посольство особенно опасалось враждебного племени оромухов. «Князь аланский, — пишет Менандр, — предупредил Зимарха, чтобы он не ехал по дороге Миндиммианов, потому что близ Свании находились в засаде персы. Он советовал римлянам возвратиться домой по дороге, называемой Даринской. Зимарх, узнав об этом, послал по дороге Миндиммианской десять носильщиков с шёлком, чтобы обмануть персов и заставить их думать, что шёлк послан наперед и что на другой день явится он сам. Носильщики пустились в путь, а Зимарх, оставив влево дорогу Миндиммианскую, на которую он полагал, персы сделают нападение, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию»⁷. Ю. С. Гаглойти отождествляет миндиммианцев с мисимианами⁸, которые локализуются в верховьях Кодора и севернее Апсилии. Ближайшим к Сванетии перевалом в верховьях Кубани является Нахар, выводящий в верховья Кодора, т. е. к мисимианам. Видимо, здесь и устроили персы засаду, о чем заблаговременно узнал Зимарх и отправил по этой дороге носильщиков. Сам же Зимарх взял правее и отправился по Даринской дороге в Апсилию. Этим перевалом был скорее всего Клухор. Такой же точки зрения придерживается В. А. Кузнецов, полагающий, что Даринская дорога — это путь из Сухуми через район Кисловодска на Нижнюю Волгу и в города Средней Азии⁹.

Интересно отметить, что Бургустанский хребет первоначально назывался Даринским и можно предположить, что в нем сохранилось древнее название пути (иранское даруп: дард I дчип: дачд¹⁰ в значении держать, контролировать, т. е. путь, находящийся под контролем аланов).

Для выяснения традиционных путей передвижения в рассматриваемом районе представляет интерес рассказ константинопольского монаха Епифания об апостольской миссии на Кавказе. Приведем интересующий нас отрывок из рассказа Епифания: «отсюда достигли страны Сусании (Сванетии по грузинскому источнику — Г. А.)... Великий же Андрей с Симоном удалились в Аланию и прибыли в город Фуст. Здесь они сотворили много знамений и чудес, очень многих просветили и научили и устремились в Авазгию, вступив в Севастополь великий...»¹¹ Эти

данные позволили В. А. Кузнецову локализовать аланский город Фуст и продвижение миссии на Северном Кавказе¹².

Важные сведения о дорогах в Аланию находим у византийского летописца Феофана, рассказывающего о деятельности Льва Исавра в начале VIII в. подстрекавшего алан к нападению на абазгов. «Прибывши в Лазуку, — пишет Феофан, — он спрятал свои деньги в Фазисе, и с немногими туземцами пошел в Дафилию и, перешедши кавказские горы, пришел в Аланию»¹³. Поскольку арабы в начале VIII в. владели всей Абазгией, Лазикой и Иберией, надо полагать, что Лев из Фазиса пошел в Аланию не по долине Риона, а более скрытым путем, по Ингури через перевал Донгузорун или Бечо в ущелье р. Баксана. По мнению Ю. Кулаковского, Лев попал в Аланию через Апсилию¹⁴. Обратный путь «оруженосца» лежал в Апсилию, где в горах скрывался византийский отряд. Так как «дорога в римскую землю» оказалась закрытой, Лев с пятьюдесятью аланами «обходом перешел снега кавказские и в мае месяце нашел своих». В это время арабы занимали «железную крепость» — Тсахар¹⁵, локализуемую на г. Пскал (левый берег Кодори), Лев Исавр решил овладеть ею, что и успешно совершил с помощью апсидов.

Таким образом, переход Льва Исавра через Кавказский хребет проходил на участке верховьев Кодора. Наиболее удобным для этого является Клухорский перевал, который, по-видимому, аланы и называли «дорога в римскую землю», но он был закрыт. Другой подходящей дорогой был перевал Нахар, покрытый снегами. Вероятно, его и упоминал Феофан, говоря о переходе в мае месяце через снега и выходе в Апсилию. Следовательно, продвижение Льва Исавра на Северном Кавказе проходило на участке между долиной Баксана и Кубанью, т. е. в принципе повторяло маршрут, описанный Елифанием.

Таким образом, можно полагать, что рассмотренные пути из Закавказья на Северный Кавказ были традиционными. Именно поэтому «аланы, желая узнать страну Авазгов», сказали Льву: «эти люди, как мы уже говорили тебе, пришли взять тебя и ты пойдешь в Авазгию: мы имеем с ними сообщение и наши купцы всегда ходят туда (разрядка наша — Г. А.)»¹⁶.

Археологические материалы, полученные при исследовании более чем 40 могильников V—VIII вв. района Кисловодской котловины — Малокарачаевского района, позволяют наметить основные торговые направления и предметы импорта. Имеющиеся в нашем распоряжении данные определяют три важнейших направления: среднеазиатско-китайское, закавказско-иранское и византийско-причерноморское.

СРЕДНЕАЗИАТСКО-КИТАЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В 1958 г. краевед Е. Б. Виноградов нашел в окрестностях Кисловодска на южном склоне Глухой (Змеиной) балки, на территории поселения, ориентировочно датированного нами VI—IX вв., серебряную монету. По определению М. Е. Массона, это хорезмская монета была «выпущена после середины VIII в., но до того, как появились дирхемы, чеканившиеся по древнему образцу с проставлением арабскими буквами имен арабских наместников, что впервые произошло при Абу-л Аббасе Фадл'е сыне Сулеймана (783—787)¹⁷. Иной точки зрения придерживается Б. И. Вайнберг, считающая, что эта монета принадлежит чекану хорезмского правителя Шаушафара второй четверти VIII в.

В Пятигорском музее краеведения хранится фрагмент старинного китайского зеркала. Он был найден в начале XX в. археологом-любителем В. Р. Апухтиным около г. Пятигорска. Края зеркала имеют традиционную форму цветка лотоса, а центральная часть оборотной стороны зеркала занята изображением летающего в облаках дракона. Согласно определению М. И. Моложатовой, сделанной по нашей просьбе, эта форма в отливке зеркал появилась, как новинка, в эпоху династии Тан (VII—X вв.), а затем повторялась в период Сун (X—XIII вв), Судя по фрагменту, зеркало датируется династией Тан.

Сведения Менандра о согдийских купцах, присоединившихся к Зимарху при его возвращении через Северный Кавказ в Византию, подтверждаются археологическими источниками¹⁸. Так, А. А. Иерусалимская, исследуя остатки шелковых тканей из Хасаутских могильников, приходит к выводу о их китайском, согдийском¹⁹ и византийском происхождении. В одной из усыпальниц Мошевой балки был похоронен, по мнению того же автора, китайский купец. Китайская бусинка с иероглифами найдена в Апсилии. Значительный приток среднеазиатских товаров на Северный Кавказ объясняется неудачными переговорами согдийских послов с Хосровом I о продаже шелка в Иране в результате чего шелковый путь между Согдом и Византией стал проходить через Северный Кавказ²⁰.

ЗАКАВКАЗСКО-ИРАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

На связи с сасанидским Ираном указывают прежде всего монеты Каада I (499—531 гг.), Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.), Хормизда IV (579—590 гг.) и Хосрава II Парвиза (591—628 гг.), найденные в катакомбах №№ 1, 20, 113, 115 мо-

ильника № 1 в Мокрой балке. Кроме того серебрянная монета Кавада I (479—531 гг.) найдена в скальном могильнике в долине Эшкакона²¹, а монета Хосрава II Парвиза (590—628 гг.) — в катакомбном могильнике № 2 у Лермонтовской скалы (П. А. Рунич относит ее ко времени правления Хосрова I)²². Все они имеют отверстия для подвешивания и использовались у местного населения в качестве украшений.

Контакты с сасанидским Ираном и Закавказьем подтверждаются находками гемм в виде сплюснутых полушарий с отверстием для подвешивания. Одна из них была найдена в катакомбе № 83 Мокрой балки. Сделана она из горного хрусталя и имеет на щитке знак в виде стрелы и черточки. Вторая гемма, также хрустальная, происходит из катакомбы № 3 Бермамытского могильника и имеет изображение головы оленя. Аналогии таким изображениям нам неизвестны. В крупнейшем своде сасанидских гемм Эрмитажа подобных изображений нет, хотя сама форма гемм довольно редка для Ирана в III нач. VI вв., но часто встречается в VI—VII вв.²³. Исследование гемм из Самтавро позволило М. И. Максимовой и М. Н. Лордкипанидзе предположить, что существовал местный центр их изготовления²⁴. К этому мнению присоединяются М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова²⁵. Не исключена возможность, что найденные в Кисловодске геммы могли принадлежать кому-то местному Закавказскому производственному центру, хотя такое предположение требует конкретного обоснования, чего имеющийся в настоящее время материал дать не может.

Спорное происхождение имеет и каменный перстень из катакомбы № 1 в Мокрой балке. Описывая хрустальные, халцедоновые и гагатовые перстни из Рейнской области, Хенкель отмечает их близость с египетскими периода зарождения христианства и считает их римско-восточным импортом²⁶. Близкий перстень, но с резьбой на щитке, хринится в ГИМе²⁷. В процессе раскопок в Самтавро с 1939 по 1948 гг. найдено четыре каменных перстня. Один из них имеет монограмму, аналогичную монограммам перстней Британского музея²⁸. На этом основании М. И. Максимова считает перстень византийским и датирует VI в.²⁹ Три других перстня М. Н. Лордкипанидзе считает сасанидским и вслед за Хенкелем датирует их III—IV вв.³⁰. К сожалению, перстень из Мокрой балки не имеет изображений, что затрудняет определение его происхождения, однако, его связь с предметами сасанидско-византийского круга несомненна.

Сердоликовые инкрустированные бусины из катакомб №№ 5, 114, Мокрой балки и могильника на Георгиевском плато по характеру орнамента близки бусам из Чми и Архона. Подоб-

ные бусы Г. Бек датирует VII—XI вв. и считает, что они изготовлялись в Иране³¹. С берегов персидского залива и Индийского океана через Закавказье или Среднюю Азию поступали в рассматриваемый район раковины каури, использовавшиеся как амулеты.

ВИЗАНТИЙСКО-ПРИЧЕРНОМОРСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Постоянные контакты с Византией способствовали попаданию на Северный Кавказ византийских монет и изготовлению с них индикаций. В Мокрой балке были найдены монеты Юстина II и Тиберия (578 г.), Маврикия (582—602 гг.), Фоки (602—610 гг.) — катакомбы №№ 113, 114, серебряные индикации, покрытые с лицевой стороны позолотой, сделанные с монет Фоки (602—610.), Ираклия и Ираклия Константина (623—641 гг.) — катакомбы №№ 15, 117. При исследовании могильника у подсобного хозяйства им. Луначарского в катакомбе № 22, найдено 11 золотых индикаций, сделанный с серебрянной гксограммы Ираклия и Ираклия Константина (613—641 гг.)³². В камерах №№ 40, 48 скального могильника № 1 в Джаге обнаружены серебряные индикации (Покрыты с лицевой стороны позолотой), сделанные с солида Ираклия, Ираклия Константина и Ираклиона (632—641 гг.). В камере № 42 того же могильника находилась золотая индикация с солида византийского императора Константа II и Константина (659—668 гг.), а в камере № 26 — золотая индикация с солида Константина IV (668—669 гг.)³³. Из катакомбного могильника № 2 у Лермонтовской скалы происходит серебрянная с позолотой индикации, сделанные с солида Константа II (641—648 гг.)³⁴. В 1958 г. на территории строящейся мебельной фабрики в г. Кисловодске был найден клад, состоящий из нескольких десятков медных монет. К сожалению, он был разграблен и в нашем распоряжении оказалась только одна монета — медный фоллис Юстиниана I (525—565 гг.).

С византийским влиянием связан найденный на Рим-горе каменный крест VIII в. с греческой надписью³⁵. Могильники района Кисловодска дают целый ряд стеклянных византийских сосудов. Так, в камере № 31 Джагинского могильника № 1 найден полусферический сосуд зеленоватого стекла, в катакомбе № 10 могильника № 2 у Лермонтовской скалы находились конический клубок, полусферический сосуд, флакон, рюмка и стакан в виде усеченного конуса³⁶. Фрагменты стеклянных сосудов найдены в целом ряде могильников рассматриваемого района. Стек-

лянным сосудам IV — V вв. из Причерноморья была посвящена специальная статья Н. П. Сорокиной³⁷. Их анализ позволил Н. П. Сорокиной предположить, что стаканы с округлыми стенками связаны с сирийским экспортом, хотя некоторые варианты изготовлялись и на Боспоре. Остродонные конические кубки свидетельствуют, по мнению Н. П. Сорокиной, о египетском экспорте. Что касается усеченно-конических стаканов, то «стаканы этого типа из всего позднеантичного мира получили наибольшее распространение в Причерноморье»³⁸. Нам кажется довольно убедительной точка зрения Н. П. Сорокиной, что стеклянная посуда попадала на Северный Кавказ из приморских центров Восточного Причерноморья. Это подтверждается и стеклянными сосудами, обнаруженными в памятниках цебельдинской культуры³⁹. Вместе с тем, трудно согласиться с автором, что находки стеклянных сосудов на Северном Кавказе «вряд ли отражают регулярные торговые связи», а «попадали туда случайно». Ведь Н. П. Сорокина рассмотрела только сосуды из Гиляча, не касаясь других памятников и других категорий вещей — свидетелей торговых связей с Византией.

В одной из камер Эшкаконских могильников найден бронзовый перстень с вырезанным на щитке изображением богоматери с младенцем⁴⁰. Металлические перстни с христианской иконографией характерные для раннесредневековой Византии⁴¹. Точная аналогия эшкаконскому перстню нам не известна, но его связь с Византией несомненна.

Византийское происхождение имеет позолоченная овально-рамчатая пряжка с подвижным овальным щитком и с инкрустацией в виде креста, найденная в катакомбе № 212 Мокрой балки. Близкие пряжки известны в Шапкинском могильнике в Абхазии⁴² и в гепидских древностях (454 — 568 гг.)⁴³. Следует отметить, что большинство пряжек из могильников рассматриваемого района носит общепричерноморский характер⁴⁴, так что трудно определить в какой период их следует связывать с импортом, а когда возникает местное производство по привозным образцам.

Стеклянные глазчатые, полосатые и мозаичные бусы представлены большими сериями во всех раннесредневековых могильниках. Исследование подобных бус позволило установить их связь с причерноморскими производственными центрами, хотя некоторые типы стеклянных бус, возможно, изготовлялись в VII в. и на Северном Кавказе⁴⁵. Ближневосточные бусы доставлялись скорее всего из Ассирии через Клухорский перевал, где они также отмечены в большом количестве⁴⁶.

Египетское происхождение имеют найденные в Мокрой бал-

ке фигурки скарабея и Беса, часто встречающиеся в Восточной Европе⁴⁷. Бусы из янтаря указывают на торговые связи через Северное Причерноморье с Поднепровьем.

Рассматривая экономические связи раннесредневекового населения в хронологическом отношении, следует отметить, что комплексы 450—550 гг. дают массу предметов византийского происхождения (стеклянные сосуды, пряжки и т. д.), в то же время мы не встречаем иранских изделий. Это вероятно следует объяснить преобладающей византийской ориентацией населения в период византийско-персидских войн.

Предметы иранского экспорта (каменные бусы, раковины каури, геммы, перстень) появляются около 550—625 гг. В это время в Византийской империи происходит подъем народных движений и восстаний в провинциях⁴⁸, что вероятно, положительно сказалось на отношениях алан с Ираном. Подавляющее большинство византийских и сасанидских монет попадает на Северный Кавказ в 625—700 гг., когда заметно улучшается положение Византии и начинается полоса побед над Ираном. Любопытно, что более 90% янтарных бус найдено в комплексах 550—700 гг., ясно указывая на время наибольших контактов Кисловодской котловины с Северным Причерноморьем.

Г. Е. Афанасьев. К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины — Малокарачаевского района (Вторая половина V — первая половина VIII вв.).

¹ А. И. Дьячков-Тарасов. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. «Новый Восток», т. 28. М., 1930.

² Там же, с. 155.

³ П. Г. Акритас. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа. УЗ КБНИИ, т. XVI. Нальчик, 1959, с. 203.

⁴ Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич. К вопросу о происхождении названия Рим-горы — Боргусанта. В печати ВВ.

⁵ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.-Л., 1951, с. 207.

⁶ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1961, с. 136.

⁷ Менаандр. Продолжение истории Агафиевой. Византийские историки, СПб., 1860, с. 383.

⁸ Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1964, с. 144.

⁹ В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, сс. 149—151.

¹⁰ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том 1. М.-Л., 1958, с. 345.

- ¹¹ С. В. Петровский. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью. ЗООИД, т. XXI. Одесса, 1898, с.
- ¹² В. А. Кузнецов. Указ. соч., сс. 149—151.
- ¹³ Летопись византийца Феофана. В переводе с греческого В. И. Иболоенского и Ф. А. Терновского. ЧИОДР. М., 1887, кн. 1, с. 286.
- ¹⁴ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям византийских и классических писателей. Киев, 1899, с. 50.
- ¹⁵ З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой, Абхазии. Сухуми 1959, с. 91.
- ¹⁶ Летопись византийца Феофана..., с. 287.
- ¹⁷ Г. Е. Афанасьев. На караванной тропе. Альманах «Ставрополье». Ставрополь 1973, № 3, с. 76.
- ¹⁸ А. А. Иерусалимская. О Северо-кавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, № 2, сс. 55—73.
- ¹⁹ А. А. Иерусалимская. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтов. Народы Азии и Африки, 1967, № 3, с. 123.
- ²⁰ Н. Пигулевская. Указ. соч., с. 207.
- ²¹ А. П. Рунич. Скельні могильники у верхів'ях р. Ешакон. на Північному Кавказі. «Археологія». Київ, вып. 16, 1975, сс. 65—76.
- ²² А. П. Рунич. Могильник № 2 у Лермонтовской скалы около Кисловодска. АО 1973. М., 1974, с. 126.
- ²³ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963, сс. 16—112.
- ²⁴ М. И. Максимова. Геммы из некрополя Мхцеты-Самтавро. Вестник гос. музея Грузии, т. XVI-B, 1950; М. Н. Лордкипанидзе. Каталог гемм, найденных в Самтавро. Тбилиси, 1954.
- ²⁵ М. Е. Массон, Р. А. Пугачевская. Оттиски парфяских печатей из Нисы. ВДИ, 1954 № 4.
- ²⁶ Herkel, die römischer Fingerringe der Rheinläng, Berlin 1973, p. 250.
- ²⁷ А. А. Захаров. Геммы Государственного исторического музея. М., 1928.
- ²⁸ Dalton Franks Begust catalogue of the figner rings. London, 1712.
- ²⁹ М. И. Максимова. Указ. соч., с. 262.
- ³⁰ М. Н. Лордкипанидзе. Указ. соч., сс. 86—91.
- ³¹ Н. С. Веck. Etched carnelian leags. The antignories jornal, vol. 13, № 9, 1933.
- ³² А. П. Рунич. Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска.
- ³³ Э. В. Ртвеладзе, А. П. Рунич. Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска. ВВ, т. 32, 1971, сс. 219—222.
- ³⁴ А. П. Рунич. Могильник № 2..., с. 126.
- ³⁵ И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, с. 6; В. В. Латышев. Кавказские памятники в Москве. ЗРАО, н. с., т. II, СПб., 188, с. 44.
- ³⁶ Отчет А. П. Рунича в ИА АН СССР за 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 4684.
- ³⁷ Н. П. Сорокина. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. СА, 1971, № 4, сс. 85—101.
- ³⁸ Там же, с. 99.
- ³⁹ Ю. Н. Воронов. К истории экономических связей в IV—VII вв., КСИА, 138. М., 1973, сс. 74—78.
- ⁴⁰ А. П. Рунич. Скельни..., сс. 65—76.
- ⁴¹ O. M. Dalton. Byzantine art and archalogy. Okford, 1911, p. 540.
- ⁴² Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельской долины. М., 1975, рис. 21-3.

⁴³ D. Csallany. Archäologische Danzmäler der Jepiden im mitteldonanbecken (454—568 u. r.) Budapest, 1961, Fat. ss. XI.

⁴⁴ В. Б. Деопик Ковалевская. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3; Ее же. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв., СА, 1959, № 3.

⁴⁵ Р. А. Бахтадзе, В. Б. Деопик. Химико-технологический анализ бус Северного Кавказа. МИА, 114. М., 1963, сс. 148—151.

⁴⁶ Ю. Н. Воронов. Тайна..., сс. 81—83.

⁴⁷ В. К. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 97.

⁴⁸ История Византии, т. I. М., 1967, с. 358.

РАСКОПКИ ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА В 1975 ГОДУ

Летом 1975 года Объединенная экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института и исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова продолжила начатые в 1974 г. исследования городища, расположенного вблизи аула Хумара на плато Калез Карачаево-Черкесской АО (рис. 1). Тогда на городище были исследованы лишь два участка, окружающей его валообразной насыпи (раскопы «А» и «Б»), под которой открылись остатки башен и стен VIII—X вв. На раскопе «А» были так же расчищены остатки святилища. Ряд шурфов внутри городища позволили установить, что в VIII—X вв. нарастание культурного слоя внутри его территории, ограниченной стенами, шло крайне неравномерно, и, по-видимому, большая часть огражденной стенами площади, не было постоянно заселена¹.

В полевом сезоне 1975 г. экспедиция предполагала, опираясь на результаты предшествующего года, расширить масштабы своих исследований. Было намечено сосредоточить основные силы на раскопе «А», расположенном в северо-восточной части городища. Здесь предполагалось доследовать линию обороны, идущую с севера на юг — от вершины так называемой «цитадели», которая в виде холма замыкает городище на севере, к балке Шугара, ограничивающей городище на юго-востоке. Этот участок представлял для раскопок большой интерес. Во-первых, в связи с тем, что здесь, вблизи открытой в 1974 г. башни, можно было ожидать наличие въезда на городище (крепостных ворот). во-вторых, в верхней северной оконечности стены могла быть обнаружена сохранившаяся часть оборонительных сооружений «цитадели» (здесь они должны соединиться со стеной). Кроме того, предполагалось именно отсюда начать изучение культурных напластований внутри городища, поскольку только здесь был обнаружен хорошо выраженный и сравнительно мощный, до 1 м, культурный слой.

Помимо работ на раскопе «А», намечалось продолжить выявление границ обжитой площадки внутри городища, а также начать планомерные поиски связанного с городищем могильника. Указанные исследования предполагалось провести одновременно с работами по консервации остатков стен и башен, которые были вскрыты в 1974 г.

Работы на старом раскопе «А» начаты с его расчистки от растительности и восстановления старой системы ориентиров, затем к нему были прирезаны три новых участка: «А-1», «А-2», «А-3» (рис. 2), скоординированной с квадратной сеткой той части раскопа, которая исследовалась в 1974 году.

Участок «А-1» подходит к раскопу 1974 г. с запада. Общая площадь его 54 кв. м, протяженность по линии В-3 — 6 м, а вдоль стены (по линии С-10) — 9 м (рис. 2).

Еще раскопками, проходившими в 1974 г. вдоль внутренней линии стены (протяженностью ее — 22 м), удалось получить представление о характере культурных напластований, имевшихся вблизи ее основания. Установлено, что непосредственно под слоем дерна залегает пласт, состоящий из целых и разрушенных каменных блоков, который представляет период развала и разборки стены. Ниже зафиксирован второй пласт, состоящий из угольно-золистых прослоек, насыщенных обломками керамики и костями животных. Он характеризует период интенсивного заселения городища. Еще была прослежена прослойка извести, щебень и каменные обломки от обтески строительного материала. Этот пласт соответствует периоду строительства оборонительных сооружений вокруг плато, на котором разместилось городище.

Работы на участке «А-1» позволили достигнуть глубины 1 м от уровня современной дневной поверхности. Однако абсолютная глубина участка с его северной и южной части различна: около северного края она равна 1 м, а возле южного — 1,80 м (от репера «0»). Это объясняется общим подъемом с севера на юг.

Работы на участке «А-1» затронули в основном только верхний пласт. Как было установлено, начинаясь около стены, тянется он к западу на расстоянии 4—5 м. Его мощность колеблется в пределах 0,80—1,00 м, а далее к западу, внутрь городища, этот пласт несколько уменьшается и с отметки «4-й метр» быстро выклинивается. На расстоянии от 4-го до 7-го метра (от стены до западного борта раскопа) прослеживается мощный пласт гумуса (до 0,75—0,50 м), который в верхней части сильно разрыхлен многолетней перепашкой.

После изучения завала открылся доступ к исследованию на

относительно широкой площадке культурных отложений периода интенсивного заселения внутренней территории пласта. Так, в северной части участка «А-1» были расчищены фрагментарные следы турлучной постройки, погибшей в пожаре. Они представляли отдельные скопления крупных кусков турлука, горелой относительно плотной белесой глины, мелкой гальки и осколков камней, а также скопления небольших песчанниковых плиток со следами пребывания в огне (образовались в результате растрескивания крупных кусков песчанистого плитняка), перемешанные с частицами угля и золой. Пятно прокаленное и остатки сгоревшей постройки прослежены в юго-восточной части раскопа в виде изогнутой полосы, имеющей у основания (около западного края) ширину 1,40 м, а около северного — 0,40 м. Длина полосы около 4 м, глубина залегания от уровня дневной поверхности — 0,80—0,90 м (рис. 2).

Керамика, найденная в гумусе и среди каменного завала, образовавшегося при разрушении стены, аналогична керамике, собранной при расчистке пятна с остатками постройки. Датировается она, без исключения, в пределах VIII—X., но предпочтительнее по ряду признаков относить ее к концу IX — первой половине X вв. Это посуда, судя по обломкам, представляет типичные и многократно описанные формы, характерные для памятников салтово-маяцкой культуры Нижнего Подонья, Восточной Таврики, степного Ставрополя. Поздними признаками в этом комплексе является преобладание амфор с зонами мелко частного рифления, а также некоторое огрубление кухонной керамики, что выражается в характере керамического теста, в ее более грубых формах. Орнаментация кухонных горшков к указанному времени, как видно, начинает утрачивать единообразие и четкость вместо ровных рядов гребенчатого рифления поверхности, сочетающегося с разными зонами волнистых линий в верхней части корпуса, появляются редкие теряющиеся зоны горизонтального рифления и одиночные неровные волнистые линии, неравномерно распределяющиеся по тулову сосуда (рис. 3). Новым в керамическом комплексе памятника явились фрагменты двух лепных сосудов баночкой (?) формы, несколько напоминающие кочевническую (гузскую — 9) керамику Саркела². Оба фрагмента найдены на уровне подошвы каменного завала и по своему местонахождению позволяют предполагать, что они относятся к самому позднему периоду обитания в границах крепостных стен.

Нижняя южная площадь участка «А-1» не дала, за исключением отдельных аморфных пятен золистого грунта, явно выраженных следов обитания. Хотя отчасти это может быть объ-

снено, что ненарушенный древний культурный пласт в этой части залегает ниже, чем в северной части. Следует отметить относительно высокую насыщенность керамикой и костями животных слоя, лежащего непосредственно ниже каменного завала.

В толще самого завала южной стенки раскопа были найдены каменная ступка полусферической формы, грубо высеченная из местного песчаника. Его размеры: диаметр—50 см, высота—35 см, глубина—20 см, диаметр полости—10 см.

Участок «А-2» был прирезан с востока к раскопу «А» 1974 г. и разбит параллельно линией оборонительной стены на расстоянии 10 м от нее. Здесь после снятия дернового покрова и завала, образовавшегося в результате разрушения святилища, открылась площадка, ограниченная с востока крутым склоном, переходящим в обрыв к балке Шугара. Она представляет участок подошвы холма «цитадели» (рис. 4). Поверхность площадки имела спад в направлении З-В (от основания восточной стены святилища в сторону края балки), разница в уровнях крайних точек площадки составляла 0,60—0,45 м.

Работы на участке «А-2» привели к открытию каменной кладки, которая прослеживается в направлении север-юг, параллельно большой оборонительной стене, открытой ранее (рис. 4). Протяженность расчищенного участка—9,20 м. От него в направлении на восток отходит другая, перпендикулярная ей кладка, которая прослежена на протяжении 4,70 м. Первая кладка уходит в борт раскопа и, судя по рельефу местности, продолжается в северо-восточном направлении по подножью прилегающего холма, в виде слабо выраженного вала. Вторая кладка обрывается почти на краю плато. Она как бы перегораживает движение вдоль края плато в обход оборонительных сооружений, опоясывающих городище (рис. 4).

От обеих кладок сохранился только нижний ряд камней. Максимальная ширина первой кладки—1,10 м, второй—0,85 м. Они возведены без фундамента, на поверхности культурного слоя, оставшегося в этой части плато от поселения более ранней эпохи. Подобно большой оборонительной стене обе кладки следовали рельефу, и, видимо, возводились непосредственно на грунте, освобожденном от дерна, без предварительной нивелировки или углубления площадки под ними. Камни, из которых возводились кладки, подобраны менее тщательно, чем камни оборонительной стены. В их основании уложены крупные блоки из нестойкого крошащегося песчаника. Строители стремились уложить камни в два панцирных ряда с забутовкой между рядами, но

вместо этого своеобразно: панцирные блоки оказались

так тесно прижатыми друг к другу, что места для обычной забутовки почти не осталось, ее заменили землей или крупными обломками песчаниковых плит. Описанные стены положены без связующего раствора, уложенные в них лицевые блоки имеют следующие средние размеры: 0,50x0,39x0,25 м, 0,85x0,40x0,20 м.

Характер обработки камня, использованного в обеих кладках, размеры блоков и то обстоятельство, что на одном из камней второй кладки обнаружен знак—тамга, аналогичный знакам, которые встречаются на камнях большой оборонительной стены (имеет вид трезубца, средний выступ которого втрое короче боковых). Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что камни для основной оборонительной линии и камни для стен, представляемых этими двумя кладками, заготавливались одновременно. Интересно, что тамга обнаружена на самом нижнем крайнем (последнем) камне второй кладки, пересекающей окраину плато. Об одновременности постройки большой оборонительной стены и описанных участков указывают также положение их подошвенных камней: и в том, и другом случаях они лежат на более раннем культурном слое, чем VIII—X вв. Слой, датируемый обломками посуды VIII-X вв. начинается несколько выше подошвы и, как правило, не содержит значительных включений керамики нижнего слоя.

После удаления завала возле первой кладки, обозначился проход в стене шириной в 1,00 м. С восточной стороны проход в стене оказался прикрытым дополнительной стенкой, которая образовала перед ним полуовальное помещение, имевшее выход на юг к стене, шедшей в направлении запад—восток. Пристройка перед проемом в стене служила вероятно сторожкой, возникла она позже возведения первой и второй стен. Ее основание лежит на 0,25 м. выше подошвы стен. Пристройка была сложена из плитняка, размеры камней: 0,32x0,40x0,15x0,30x0,10 м. Ее стена имела ширину 0,50—0,60 м, она была сложена из двух рядов камня, относительно плотно пригнанных, без забутовки, на глинисто-землистом растворе (рис. 4).

Анализ строительных остатков, вскрытых на участке «А-2», дает основание предполагать, что помимо основной линии оборонительных сооружений, представленной мощными стенами и башнями, городище имело еще одну линию обороны. Она служила своеобразной протейхизмой—передовой оборонительной стеной, которая должна была затруднять доступ к основной стене, закрывая проход вдоль нее по краю плато и преграждая к ней путь со стороны нагорья. Эта стена имела проход (калитку), которая служила для выхода из периболы к верховью балки Шугара, где проходила дорога, идущая с нагорья вниз в до-

лину Кубани. Снаружи калитка была замаскирована пристройкой, которая затрудняла доступ внутрь городища и, таким образом, играла важную роль в общей оборонительной системе крепости.

При расчистке стен и помещения перед калиткой был снят культурный слой мощностью от 0,25 до 0,50 м (до основания кладок). При этом было обнаружено 143 фрагмента и 280 обломков костей, что соответствует средней насыщенности культурного слоя, отложившегося в VIII-X вв. в районе оборонительных сооружений.

Ниже остатков VIII—X вв на участке «А-2» обнаружен пласт более ранней эпохи, но он в 1975 г. не прокапывался. Отдельные фрагменты керамики из него дают основание датировать его в пределах IV—VII вв. н. э. При расчистке подошвы стены, идущей в направлении север-юг, найдена бронзовая фибула, относящаяся к нижнему пласту. Керамика, собранная здесь же, по качеству глиняного теста и характеру формовки близка керамике раннего горизонта городища Адиух и посуде, извлеченной из могильников IV—VII вв. (Байтал-Чапкан, Гилляч и др.)

Интересны результаты предварительных работ в районе святилища. Между северной стеной башни и южной частью святилища был заложен шурф, ориентированный по линии восток — запад (его размеры — 2x1 м), доведенной до — 1 м. Шурф показал, что материк на данном участке залегают на глубине — 1 м. Здесь обнаружен культурный слой, также дающий материал, ориентировочно датируемый периодом IV—VII вв.

Собранная керамика представляет столовые и кухонные формы, характеризующиеся обилием серебристой слюдяной примесью в сравнительно хорошо отмоченной глином тесте. Часть керамики оказалась лепной, другая — гончарной (сделана на медленном круге — ?). Многие образцы покрыты лощением, которые обычно покрывали все тулово сосудов и часто не только снаружи, но и изнутри. Горшки в этом слое, как правило, имеют прямой, слегка отогнутый наружу, венчик, верхний край которого иногда орнаментирован различными типами насечек. Этот же орнаментальный мотив встречается также и на самом тулове сосудов, но ниже венчика. Насечки встречаются и на ручках сосудов, которые часто имеют уплощенную или почти квадратную в сечении форму. Отдельные фрагменты ручек в месте их прикрепления к горловине несут зооморфные черты. Среди этой группы встречен обломок сосуда с ушком для подвешивания. Он заложен и по форме типичен для данной группы посуды. Обломок подобного сосуда известен с

городища Кызыл-Кала⁴. Такая керамика хорошо известна в салтово-маяцкой культуре VIII—X вв. и в печенежских памятниках, но позднего времени. Можно думать, что форма сосудов с внутренними ушками возникает на Северном Кавказе рано.

При расчистке участка вдоль северной стены святилища, около его восточного угла был обнаружен небольшой зольник (диаметр — 0,30 см, мощность — 0,11 см), состоящий из чистой золы и золисто-землистой супеси: Среди этой массы было найдено железное кресало простой эллипсоидной формы. Можно предполагать, что зольник образовался в результате выброса золы из святилища. Вновь проведенная зачистка внутренней площадки в центре святилища показала, что на ней, без сомнения, разжигался огонь, но который однако не представлял собой простого костра, так как камни, ограждающие площадку, не имеют следов действия прямого и сильного огня. Вместе с тем, в земле, заполнявшей площадку, были видны небольшие красноватые и серовато-белесые остатки золы. Невольно возникает предположение, что на площадке священный огонь возжигался в специальных курильницах или на особых жертвенниках. Угли — зола, после совершения ритуала, регулярно выносились за пределы святилища и сыпались в одном месте — около его северо-восточного угла.

При исследовании святилища была сделана попытка получить более определенное представление об участке, находящемся между квадратом, где возжигался огонь и восточной стеной. Это место соответствует айвану в зороастрийских храмах. К сожалению, его конструкцию не удалось изучить. Весь камень, покрывающий площадку, оказался разрушенным, а его блоки утратили свою первоначальную форму, что могло произойти по ряду причин: 1. Площадка (айваном) могла подвергаться усиленному действию ветров и дождевых потоков. 2. На площадке могли концентрироваться молящиеся, и, следовательно, выстилающий ее камень мог разрушиться от хождения по нему. 3. Наконец, в более позднее время здесь была проложена дорога, это, пожалуй, основное, что разрушило айван святилища. Нам однако удалось вновь подтвердить прежнее наблюдение: что вход в святилище был расположен в ее южной части площадки и что в святилище вела лесенка, имевшая несколько ступеней (ее ширина 1,15 м). Оказалось так же, что айван был действительно вымощен песчаниковыми плитами, вероятнее всего, с восточной стороны, он был открыт, а с северной, проходила галерея в виде навеса.

Приступая к работе на участке «А-3», мы не оставляли надежды обнаружить проход в крепость со стороны плато, который мы первоначально искали к северу от башни.

На участке «А-3» в общей сложности удалось обследовать марш стены протяженностью 27 м (рис. 5). Полной расчистке с внешней стороны подвергся участок протяженностью 11 м — от угла башни до современной грунтовой дороги (ее ширина — 4,74), пересекающей валообразную насыпь (рис. 6).

Здесь скрытые участки стены, хорошо прослеживались, так как гумусный пласт и дерн на полотне дороги оказались уничтоженными и верхние края сохранившихся лицевых блоков выступали на поверхности.

Следующий исследованный отрезок стены протяженностью 11,25 м идет от дороги по направлению к краю плато. Здесь также полного раскрытия стены произвести не удалось. Направление и характер кладки были выявлены при помощи траншеи шириной — 1 м. Она была доведена до глубины — 1,50—1,60 м; в результате чего зачищены участки стены высотой 1—1,60 м от уровня современной дневной поверхности (4—5 рядов кладки).

На всем обследованном участке никаких признаков ворот — прохода внутрь крепости к югу от башни обнаружить все же не удалось.

Остановимся на исследовании башни. Основание башни, представляло собой правильный прямоугольник со сторонами: 7,60 м и 11,20 м⁵. Падение южной стороны башни в восточном направлении отчетливо выявилось после ее зачистки. Поскольку несущим конструкцию являлся юго-восточный угол, основание которого оказалось ниже всех других точек сооружений, именно в его направлении и ощущался общий сдвиг массива башни. Создалось впечатление, что верхние этажи башни могли упасть именно в этом направлении.

При расчистке завала около основания башни в юго-западном углу были найдены два камня (пиленный песчаник), составляющие квадратную плиту высотой 0,42 м, толщиной 0,15 м. В середине ее имелось круглое отверстие диаметром 0,15 м, назначение его не совсем ясно, хотя, возможно, что это составная плита являлась частью обрамления бойничной конструкции верхнего этажа. Основание башни оказалось сплошь заполненным крупными песчаниковыми блоками, образуя довольно монолитную платформу. Однако, по аналогии с башней, открытой на раскопе «Б» еще в 1974 г., можно предполагать, что над основанием подобной кладки возвышалось помешение, в котором находилась стража и откуда велось наблюдение за подходами к крепости.

Отходящий от башни к югу отрезок оборонительной стены с

внешней стороны сохранился на высоту до 2,20—2,10 м (7—8 рядов кладки).

Сложен он из хорошо подобранных блоков, которые подгонялись в сравнительно недлинные ряды в 2—3 м. В целом стена производит впечатление весьма монументальной и тщательной постройки, однако при ближайшем рассмотрении выявляется нерегулярный характер кладки, ее сбивчивость и небольшая протяженность ровных рядов. Отчасти нерегулярный характер кладки был связан с необходимостью вести стену по неровному понижающемуся в южном направлении рельефу. Строители не пытались заглубить стену или создать для нее достаточно длинное, сnivelированное ложе, они вели кладку непосредственно по рельефу, по ходу решая, возникающие перед ними конструктивные задачи, связанные с понижением склона. Ширина стены на всем исследованном участке к югу от башни одинакова — 5 м. (рис. 6).

На поверхности стены и в пазах между швами встречаются довольно много следов известковой обмазки (штукатурки). Разрушенная и осыпавшаяся с поверхности стены и выпавшая из швов известь (известковый раствор) придает характерный белесый оттенок грунту вблизи от стены. Местами пазы между камнями были промазаны довольно тщательно. Иногда удается выявить 2—3 слоя обмазки на одном участке стены. Известковый раствор, использовавшийся древними строителями, как правило, очень хрупкий, рассыпчатый, нестойкий. В нем явно низок процент примесей, обычных для строительных растворов этого времени: песка, щебня, галечника, нет толченой керамики. Применялся раствор весьма ограниченно: главным образом для промазки швов в нижних рядах кладок и для оштукатуривания стен снаружи. Местами кладка производит впечатление выполненной насухо, без применения связующего материала (рис. 5).

На отрезке стены, расчищенном к югу от дороги, и на двух блоках второго сверху ряда, удалось обнаружить два знака (один из них находится на расстоянии 1,80 м от конца траншеи). Знаки представляют вырезанные в камне равнобедренные треугольники (длина основания около 0,20 м), обращенные вершинами вверх. У обоих треугольников линия основания выражена нечетко, от вершин вверх отходят прямые линии, приблизительно равные половине стороны треугольника. На камнях со знаками имеются обильные следы известкового раствора, частично закрывающие их. Несколько блоков, с вырезанными на них знаками, найдены в завале при расчистке стены и башни. Сре-

ди знаков наиболее распространен знак в виде трезубца, средний зубец которого несколько короче двух крайних (рис. 7).

На камнях 5-го и 4-го рядов кладки (на высоте от 1,26 до 1,70 м) на остатках известкового раствора, сохранившегося фрагментарно на поверхности стены, так же обнаружены знаки, нанесенные красновато-коричневой охрой. Следы охры на известковой обмазке начинают встречаться в 6 м, по длине стены если двигаться вдоль нее от угла, и, возможно, продолжатся к югу, где стена понижается, спускаясь вдоль склона. На отрезке стены в районе между 7 и 8 метрами от угла знаки имеют удовлетворительную сохранность. Они образуют скопление, в котором удается четко выделить горизонтально расположенный знак в виде двустороннего двузубца, затем несколько выше, знак в виде широкой буквы «Н» с расходящимися концами вертикальной линий, и знак, напоминающий крест. Описанные знаки, по видимому одновременны: они начертаны на поверхностном слое штукатурки. Под ними прослеживаются еще слои, на которых также имеются нанесенные охрой знаки, и, возможно, даже целые композиции. Так, правый крайний знак на нашем рисунке является знаком более нижнего пласта. Его очертания выступили сквозь верхний слой в виде красноватого пятна. Попытка расчистить его привела к раскрытию части непонятного знака (рис. 7).

Обследование поверхности стен и башни после открытия знаков показало, что отдельные, слабо различимые пятна — остатки подобных изображений сохранились и на восточной стене башни, и на других участках оборонительной стены ближе к углу башни. К сожалению, штукатурка сохранилась здесь исключительно плохо: она почти везде осыпалась и распылилась, что привело к разрушению знаков. Характер зафиксированных нами изображений позволяет предполагать, что в основном наносились знаки, подобные тамгам на блоках, из которых сложены стены крепости. Любопытно, что тамгообразные знаки на стенах крепости возобновлялись после ее ремонта и новой побелки, и наносились на одни и те же места.

Одной из конструктивных особенностей стен крепости, которая должна быть отмечена при ее характеристике, является наличие водоотводов, идущих из внутренней территории крепости за ее пределы. Водоотводы (водостоки) встречены в двух местах и расчищены с внешней стороны крепости. Первый водосток открыт к северу от башни в 15 м от нее, второй к югу — в 3,60 м. Выходы обоих водостоков однотипны. Это отверстия, образуемые двумя параллельными блоками нижнего ряда кладки, сверху они перекрыты плитами второго ряда кладки. Ширина водоотвода 0,20—0,25 м, высота 0,40—0,45 м.

Расчистка сооружений верхнего горизонта (оборонительные стены, башня, завал к западу от стены) дала сравнительное небольшое количество находок. Среди них основное место занимают фрагменты круглодонных амфор VIII—X вв., которые могли принадлежать не менее 5—6 различным типам, представляющим различные керамические центры Северного Причерноморья. Кроме фрагментов амфор в собранном материале представлены кухонные горшки салтовского типа с рифлением, сосуды для хранения припасов (они напоминают большие пифособразные горшки) с рифлением и витым «венчиком»; двух — и трех — ручные корчаги, орнаментированные врезными волнистыми линиями; сероглиняные и желтоглиняные и лощеные столовые сосуды.

Интересен фрагмент светло-оранжевой амфоры с характерной примесью в тесте мелкого песка и желтовато-золотистой слюды (тип фаногарийской античной глины). На нем сохранился тамгообразный знак в виде трезубца, подобный знакам, встреченным на стенах крепости.

Амфорный материал надежно подтверждает датировку VIII—X вв. н. э. оборонительных сооружений второго периода жизни на плато Калез у аула Хумара.

Работы 1975 года на Хумаринском городище, таким образом, привлекли к получению новых данных как об этом памятнике, так и о тех исторических процессах, которые имели место в эпоху раннего средневековья в Верхнем Прикубани.

К частным выводам, касающимся только данного памятника, следует отнести изменение представлений о топографии древнего поселения. Неудачные поиски въезда на городище со стороны нагорного плато заставили нас обратить внимание на остатки древней дороги, которые сохранились в самом, казалось бы, неподходящем для нее месте — на крутом склоне у выхода балки Шугара в ущелье, ведущее от Скалистого хребта в долину Кубани. Старая дорога перекрыта в верхнем ее отрезке упавшей скалой, которая затрудняет теперь подъем по ней на плато городища. Наблюдения показали, что дорога образовала несколько маршей, каждый из которых на всем его протяжении находился под наблюдением и под обстрелом со стен, которые подведены в этом месте к самому краю обрыва. Предполагаемый теперь нами путь на городище подобен дорогам—въездам, которые известны среди крепостей близких нашему памятнику: Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Чуфут-Кале и др.

Новым является и наблюдение о том, что крепостные укрепления V—X вв. возведены на культурном слое более раннего поселения. После работ Е. П. Алексеевой на городище сущест-

говало мнение, что укреплению VII—X вв. предшествовало поселение кобанского периода⁶. Это мнение казалось бы, подтвердили также и материалы работ 1974 г. Однако после исследований полевого сезона 1975 г. мы можем констатировать, что в верховье балки Шугара располагалось не только поселение кобанской эпохи, но и более позднее поселение, ориентировочно датированное IV—VII вв. Следовательно, создатели крепостных укреплений являются наследниками культур предшествующего времени.

Новым фактом, дополняющим прежние представления о системе оборонительных сооружений на городище, явилось открытие остатков протейхизмы. Получены также первые данные о характере жилого строительства внутри крепостных стен. Вместе с этим подтвердилось ранее сделанное наблюдение, что только часть, огражденной стенами территории, была заселена и в силу этого застроена стабильными, очевидно, турлучными жилищами.

Обнаруженные группы тамгаобразных знаков на внешней стене крепости открывают новые перспективы для изучения социальной организации и этнических связей строителей и обитателей Хумаринского укрепления в VIII—X вв. Тамгаобразные знаки, нанесенные охрой в сочетании с тамгаобразными граффитами на керамике и хорошо известными тюркскими надписями, найденные на городище в начале 60-х годов, уже сейчас представляют значительный фонд для исследования.

Новые находки подтверждают важность и перспективность дальнейшего изучения Хумаринского укрепления, городища и его окрестностей.

¹ Х. Х. Биджиев А. В. Гадло. Исследования в Карачаево-Черкесской автономной области. АО 1974 года. М., 1975, сс. 98—99.

² С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи. МИА, вып. 75. М.-Л., 1959, с. 230.

³ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях р. Кубани. МИА, № 23, М.-Л., 1951, с. 279, рис. 6.

⁴ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, с. 69.

⁵ В отчете 1975 г. «О раскопках на Хумаринском городище» вкралась ошибка. Там не точно указаны размеры основания башни: длина—11, 10, ширина 7,75 м.

⁶ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, сс. 53—54.

Рис. 1. Общий вид Хумаринского городища и цитадели с востока

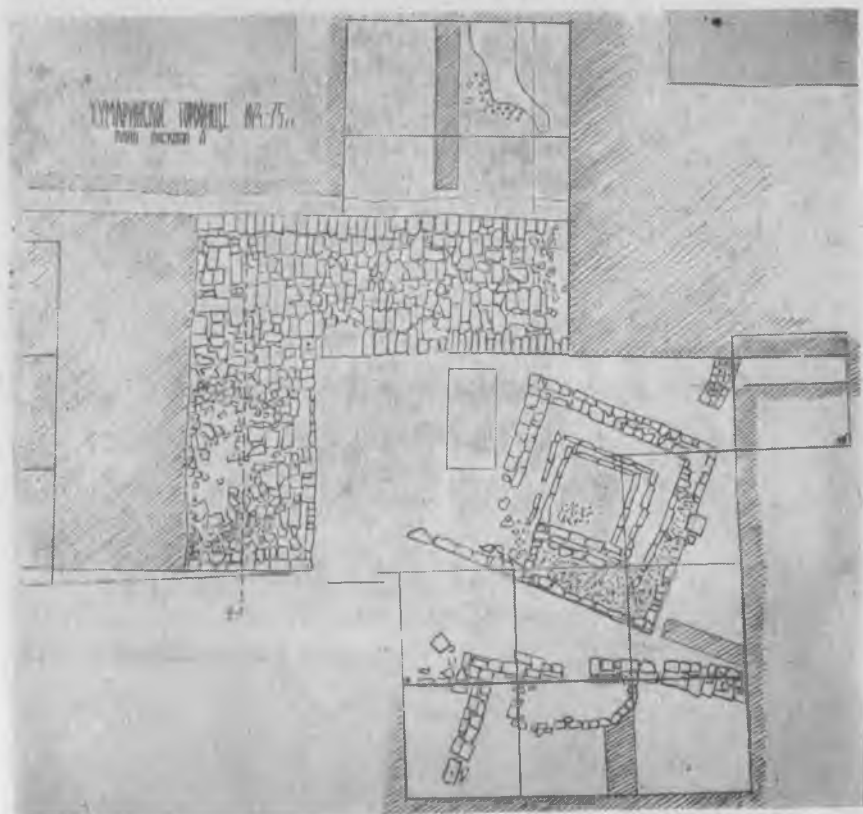

Рис. 2. Северо-восточная часть раскопа «А»

Рис. 3. Фрагменты керамики из раскопа «А»

ПЛАН И РАЗРЕЗ СООРУЖЕНИЯ №2
РАЙОН № 103

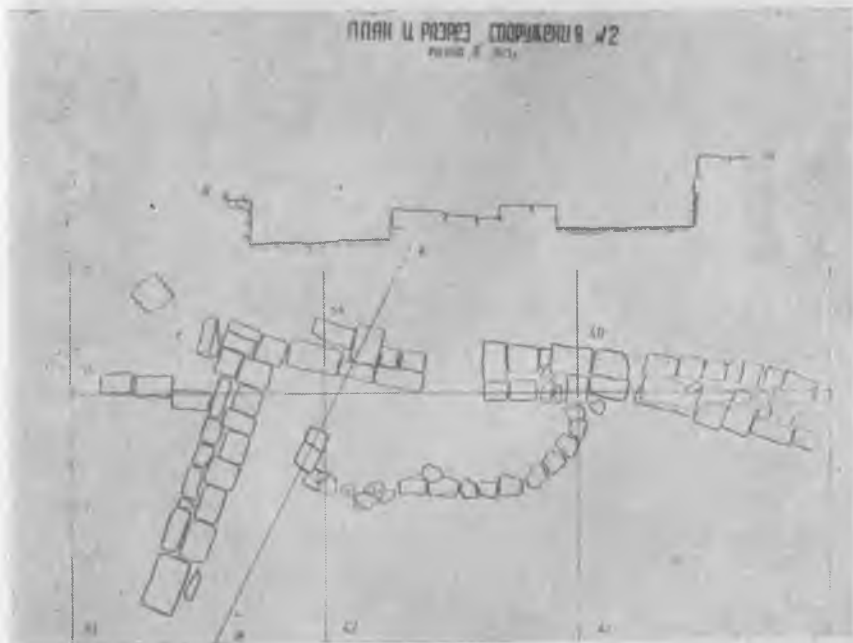

Рис. 4. План и разрез сооружения на участке А-2

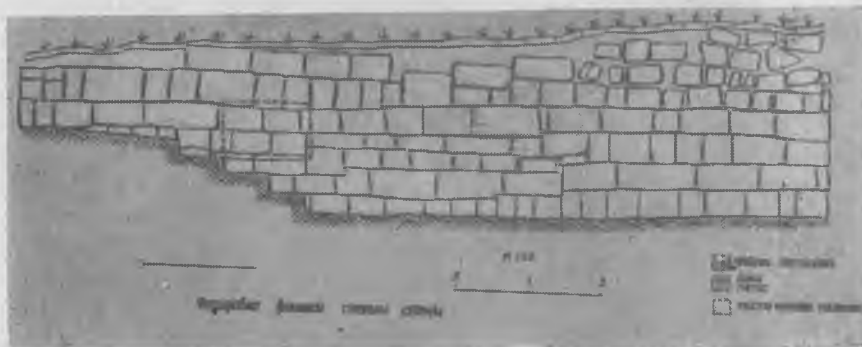

Рис. 5. Фасировка стены башни и городища

Рис. 6. Южная стена башни и часть восточной стены городища
после расчистки

Рис. 7. Знаки на блоках стены

Рис. 8. Фрагменты амфор с тамгами

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ХУМАРА в 1977 ГОДУ

(Предварительная публикация)

В 1977 году экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института продолжала раскопки Хумаринского городища, расположенного возле аула Хумара, на вершине плоского плато Калез. При возобновлении работ было решено продолжить исследования оборонительной системы древнего поселения и начать изучение культурного пласта внутри городища.

Для раскопочных работ в 1977 г. были выбраны два участка на его территории (раскопы № 1, А), (рис. 1.).

Раскоп № 1

Основные силы экспедиции были сосредоточены на этом первом участке, расположенном на юго-западном склоне курганобразного холма, принимаемого всеми исследователями за цитадель городища. Холм представляет собой крутое курганобразное возвышение высотой в 43 м. Он имеет плоскую круглую вершину, на которой действительно находятся остатки цитадели. Холм-цитадель расположен на самом узком перешейке плато, он ограничен с севера и с юга балками Инал и Шугара. Крепостная стена, которая опоясывает всю территорию поселения по периметру, перерезает с двух сторон (с севера и с юга) перешеек у самого подножья холма и поднимается по склону к его вершине, т. е. стены смыкаются на вершине у цитадели (рис. 1). Остатки стены, проходящей по северному и южному склонам холма, прослеживаются в виде валообразной насыпи. Участок, избранный для раскопок, расположен между северной и южной валообразными насыпями. Общая площадь раскопа — 400 кв. м. Он расположен на высоте 33 м (южный борт) от дневной поверхности. Его северный край находится на 4 м ниже вершины цитадели. Поверхность раскопа неровная, что объясняет

ся общим падением с северной стороны к югу холма-цитадели. Южный угол раскопа ниже «0» точки репера на 3,00 м, восточный—0,60 м, северный — 3,00 м. Самым низким является западный угол раскопа, он расположен на 4,50 м ниже от «0» репера (рис. 2). Выбор указанного участка в качестве объекта исследования диктовался тем, что без изучения цитадели невозможно воссоздать ясную картину всей оборонительной системы древнего поселения. Несмотря на то, что Хумаринское городище является объектом изучения в течение 5 — 6 сезонов, до сих пор на территории цитадели значительных раскопок не производилось, хотя она представляет большой интерес, ибо является главным узлом в сложной оборонительной системе памятника. Более того, именно в юго-западном склоне цитадели были найдены в 1960 г. древнетюркские рунические надписи. При выборе этого участка для раскопа также учитывалось то, что в конце 50-х — начале 60-х годов поселение, и особенно цитадель, сильно пострадали во время разборки камня местным совхозом для строительства ферм, когда по склону холма к ее вершине была проложена дорога, и вся цитадель была превращена в карьер по добыче великолепного строительного камня¹. Вследствие хищнической разборки, цитадель потеряла первоначальный вид: на самой верхней части края цитадели оказались сильно обнаженными, в профиле стали хорошо видны куски дерева, щебень, каменные блоки. Причем больше всех пострадал юго-западный склон холма цитадели, т. е. участок, где был разбит раскоп «I». Чтобы не потерять ни одного элемента из общей схемы крепостного строительства, было решено начать с расчистки и изучения именно тех участков, которые уже подвергались разрушению. Работа в раскопе сводилась, главным образом, к расчистке сохранившихся остатков оборонительной архитектуры от каменного завала, образовавшегося по мере разрушения стен. Завал состоял, главным образом, из щебня, больших каменных блоков и строительных остатков. Завал образовался во время разборки камня в начале 60-х годов.

В восточной части раскопа открыта часть наружной оборонительной стены поселения. До начала раскопок она представляла собой валообразную насыпь, которая по склону холма поднималась к ее вершине. Еще раскопками 1974 г. у подножья холма было выяснено, что под валообразной насыпью находятся остатки оборонительной стены. В 1974 г. участок этой стены (раскоп «А») был расчищен сверху, а также с внешней и внутренней стороны. В 1977 г. в раскопе «I» нами открыт участок этой же стены с внутренней стороны (со стороны поселения) на протяжении 9,30 м. Максимальная сохранность ее остатков в высо-

ту — 3 м (12 рядов кладки). Все пространство к западу от стены, начиная от ее основания и до ее верхнего ряда кладки, представляло собой развал, содержащий большие каменные блоки, битый камень, щебенку и строительный мусор. Продукты разрушения образовались в течение длительного времени — со времени, когда городище было покинуто и до настоящего времени. Судя по количеству упавших камней и щебня, стена до разрушения имела значительную высоту, и внушительный вид. Поставлена она была без фундамента на невыровненную поверхность склона. Разность уровней подошвы стены на исследованном участке (в северной и южной точках) с внутренней стороны достигает 3,40 м.

Стена сложена из хорошо отёсанных прямоугольных блоков. Она состоит из двух панцирных рядов — внешнего и внутреннего. Кладка их выполнена на известковом растворе. Как выше отмечалось, стена сверху не была расчищена, но судя по отдельным ее участкам, которые нами были обнажены, промежуток, между внутренним и внешним панцирями также оказался сложенным из таких же блоков. Уложены они без раствора. Блоки, использованные в кладке, хорошо обработаны и в большинстве своем они имеют форму крупных квадратов. Их размеры не стандартны, колеблются в пределах: 1,20x50x60 м; 100x0,40x0,35 м; 10x0,55x0,30 м; 0,70x0,40x0,50 м; 0,60x0,30x0,35 м и т. (рис. 3).

На северной стороне раскопа открыта и исследована также часть оборонительной стены поселения. Как выше отмечалось, западная стена, как и восточная, поднимается к вершине цитадели. Протяженность открытого участка 6 м. Стена сохранилась максимально на высоту 3,40 м. От разрушения уцелело лишь 9 рядов кладки (восточная часть). Для постройки западного участка стены были применены отесанные квадраты местного песчаника. Эта стена открыта только с южной стороны. При сооружении ее панцирных рядов использован известковый раствор в качестве скрепляющего материала. Пространство между панцирными рядами уложено такими же крупными блоками, как и сами ряды, но только без скрепляющего раствора.

Указанная стена также не имела фундамента, склон под ее основанием не был отnivelирован. Нижние ряды камней оказались уложенными на уплотненную поверхность глинистого ската (по склону холма). Подошва восточного угла стены на 1,40 м превышает уровень основания ее западного угла (рис. 4).

На одном из блоков западной стены обнаружена древнетюркская руническая надпись. Выполнена она твердым предме-

том и состоит из 8 рун (рис. 5). Камень, на котором высечена надпись, в центральной части имеет трещину и поэтому одну из рун трудно восстановить. Остальные знаки хорошо сохранились. Как известно, такие надписи на памятнике случайно были обнаружены еще в 1961 году.

В центральной части раскопа (квадраты 10—15) открыты и расчищены остатки другой стены. Она располагалась по периметру холма, следуя его изгибу (рис. 6). Восточный конец ее плотно примыкает к восточной стене поселения, а другой конец — к западной стене городища. Причем концы этой стены просто примыкают к основной стене поселения, без следов какой-либо перевязки. Общая длина открытой стены с востока на запад — 24 м. Открытый участок ее представляет собой часть особой оборонительной стены цитадели, которая располагалась по периметру холма. Она построена с учетом его рельефа, но в настоящее время сильно разрушена. Относительно хорошо сохранилась стена лишь в северной (квадраты — 2,15) части. Ее максимальная высота на этом участке — 3 м (11 рядов кладки). Ширина стены, судя по восточному углу — 2,64 м. На остальных участках стена сохранилась лишь в виде 1—3 рядов кладки. Причем, судя по открытому юго-восточному участку, сохранились только блоки от кладки панцирного ряда. Блоки остальных рядов ее кладки целиком разобраны. И все же можно сказать, что стена была сложена из хорошо отесанных больших каменных квадров местного песчаника (размеры их 1,20x0,60x0,70 м; 1,00x0,40x0,65 м и т. д.). Из больших блоков сооружены не только панцирные ряды (здесь камни уложены на известковом растворе), но и пространство между ними. Камни панцирных рядов отличаются более тщательной обтеской, кладка их осуществлена более аккуратно, чем в межпанцирном пространстве, где блоки уложены без раствора (рис. 8).

На восточном конце стены камни нижнего ряда кладки выступают на 6 — 7 см из плоскости, чем камни второго ряда стены. В свою очередь, камни следующего второго ряда кладки также выступают на 6 — 7 см по отношению к кладке третьего ряда, но и камни третьего ряда опять-таки также выступают на 6—7 см из плоскости стены. Причем в первом ряду (снизу) блоки положены в ряд короткими сторонами, во втором ряду — длинными, в третьем — снова короткими, в следующем длинными и т. д. Таким методом достигалась поперечная перевязка швов кладки. Однако не во всех участках стены соблюдается

такая техника связи камней. Так, северная часть стены сооружена в основном по такому же принципу, хотя не во всех рядах стены он строго соблюден (рис. 6). Вследствие этого на отдельных участках стены отсутствует поперечная перевязка швов (рис. 6). Описываемый участок стены построен без фундамента, но камни нижнего ряда уложены на выровненную материковую поверхность. Здесь очевидно, прежде чем начать строить стены, склон холма был выровнен во всех тех местах, где должна была пройти стена. Планировка поверхности склона была проведена тщательно и достаточно квалифицированно. В результате этого, основание стены в различных участках идет на одном уровне за исключением северного угла стены. Здесь, на месте соединения стены цитадели с наружной стеной поселения, поверхность материка ниже, по сравнению с другими участками, на 0,40—0,60 м.

Итак, открытая стена является остатками юго-западной части мощной оборонительной стены — цитадели, возведенной вокруг холма. Сооруженная между двумя концами наружной стены поселения, она плотно закрывала доступ к цитадели с территории поселения.

В середине стены, от отметки 8,5 м до отметки 14,65 м, отсутствуют следы какой-либо кладки. Здесь, на протяжении 6 м, вообще нет ни одного каменного блока. Можно предположить, что здесь отрезок стены был разобран до основания. Однако, планировка городища и его оборонительных сооружений, дают основание полагать, что в этом месте находился проход к цитадели с территории поселения. Правда, нам в процессе исследования не удалось уловить какие-нибудь твердые признаки существования здесь ворот. Единственное, в указанном месте материк имеет более темный цвет, чем в других участках. Помимо этого, здесь же, в процессе расчистки развала на уровне материка, были найдены куски дубовых обожженных бревен. Возможно, прокаленность материка и наличие кусков бревен подтверждают факт, что здесь в древности были сооружены ворота (рис. 6).

Такое предположение оправдано еще и тем, что с территории поселения к цитадели можно проникнуть только преодолев стены. Следовательно, если не в этом месте, то где-то на другом участке стены должны были бы находиться ворота. Однако такое предположение надо исключить, ибо во всех остальных местах сохранились нижние ряды кладки стены. Скорее в упомянутом участке и находился проход к цитадели, ведущий в нее с территории поселения. Судя по открытым участкам, стены были

побелены белой известью. На южной части стены на двух блоках найдены два рисунка в виде скачущих всадников.

К северу от указанной стены открыты остатки еще одной стены. Она представляет собой ряды ступенчатой кладки по склону холма. Она, вероятно, начиналась от уровня основания нижнего ряда кладки первой стены и поднималась по склону цитадели вверх (рис. 8). Кладка этой стены также осуществлена из тесанных блоков без скрепляющего раствора и по следующему принципу: в нижнем ряду блоки уложены в ряд длинными сторонами, во втором ряду — короткими, в третьем — снова длинными и так далее, чередуясь, причем блоки лежат не плашмя, а уложены на бок. Всего здесь открыто шесть рядов кладки высотой в 2 м. Пока нами расчищен небольшой участок стены, поэтому трудно сказать что-либо большее о ней. Возможно, она является второй (внутренней) оборонительной стеной цитадели, построенной впритык к первой стене. Здесь найдены отдельные знаки, высеченные на каменных блоках. Наибольший интерес представляет рисунок, сделанный на лицевой стороне одного из блоков (размеры блока 69x31x21). На нем изображены две человеческие фигуры на фоне горы (очень стилизованно), напоминающей по своим контурам вершины Эльбруса. Фигуры изображены в полный рост и, по-видимому, исполняют какой-то танец (рис. 7).

В процессе расчистки архитектурных остатков на территории цитадели сделано немного находок. Главным образом, найдены обломки различной керамики, но они очень выразительны. Это фрагменты красноглинянных амфор яйцевидной формы с зонами рифления, горшки черного и серого цвета, обломки красноглинянных стройных кувшинов с плоскими ручками. Они все по многочисленным аналогиям датируются VIII—X вв. н. э.³ Следовательно, крепостные сооружения цитадели в исследованных участках возникли в VIII в. и функционировали до X в. Такой датировки не противоречит и сама техника кладки крепостных стен цитадели. Она уже была отмечена на других участках памятника, исследованного нами в 1974 — 1975 гг., найденные тогда материалы тоже относятся к VIII—X вв. н. э.

Важным результатом раскопок этого года является открытие катакомбного могильника, расположенного на городище. Он находится на южном склоне цитадели. Пока исследована одна катакомба, в 2 м к югу от предполагаемых ворот цитадели (квадраты 20, 21). Она была вырыта в твердом материковом грунте. Сооружение состояло из дромоса и погребальной камеры. Дромос вырыт на пологом склоне холма с южной стороны камеры. Основная часть дромоса разрушена. Видимо, она была

герерыта совсем недавно, в 60-е годы во время прокладки дороги к цитадели, поэтому трудно судить о размерах дромоса. Ширина устья дромоса — 0,84 м. Вход в камеру был закрыт большим камнем. На глубине 0,7 м от основания дромоса, на той же стене, имеется ступенька (высота ее — 0,80 м, ширина—0,40 м). Погребальная камера в плане имела овальную форму. Пол у нее ровный и находится ниже дна дромоса на 1,22 м. Глубина камеры 6,20 м (абсолютная глубина от «0» точки репера — 7,70 м). Размеры камеры 1,80x1,40 м. На дне камеры расчищено парное захоронение. Из-за плохой сохранностей покойников невозможно детально восстановить погребальный обряд. Судя по сохранившимся костям, покойники лежали головой на восток. Дно камеры подсыпано мелом и красной краской. В дромосе (у входа в камеру) найдены чернолощенный кувшин плохой сохранности и горшок.

При покойниках найдены следующие предметы :

- 1) каменный брусок (длина 0,12 м, ширина—4 см);
- 2) стеклянный сосуд плохой сохранности;
- 3) серебряная пряжка от ремня;
- 4) три серебряные накладки от ремня;
- 5) серебряная бляшка от ремня;
- 6) сердоликовые граненые и бронзовые бусы (24 штуки);
- 7) обломки проволочного кольца или серьги из серебра;
- 8) остатки кожи.

Найденные в захоронении вещи имеют много аналогий в аланских могильниках и относятся к VII в. н. э.⁴.

Раскоп «А»

Второй участок, избранный для раскопок, находится на северо-восточной части поселения у подножья цитадели. Здесь еще в 1974 году был заложен раскоп (раскоп «А»), который раскапывался в течение 1974—1975 гг.

Работами 1974 — 1975 гг. на раскопе «А» были открыты остатки четырехугольной башни, святилище и часть крепостной стены, сооружённой вокруг поселения, а также остатки турлучной постройки. Тогда же была проложена траншея вдоль внутренней линии крепостной стены, ориентированная, как и стена, по линии С—Ю. Раскопки траншеи показали, что в этом участке поселения имеется мощный культурный слой, насыщенный разнообразной керамикой и костями животных.

Учитывая, что к западу от раскопок 1974 — 1975 гг. существует хорошо выраженный культурный слой, этот участок был выбран в качестве объекта исследования в 1977 году. Он фактически явился непосредственным продолжением площадки, исследо-

ванной в 1974—1975 гг., но более углубленной к западу, внутрь городища (рис. 9).

Общая площадь участка 90 кв. м, его протяжённость по линии восток—запад — 6 м, вдоль стены, по линии север—юг—15 м. Вся площадь раскопа была исследована до материка, представляющего собой твердую глину желтого цвета. Материк залегал на глубине 1,30—1,45 м от уровня современной дневной поверхности. Абсолютная глубина раскопа (от «0» точки репера) в его южной и северной частях различна: у южного борта она равна 3,00 м, около северного — 1,50 м. Это объясняется общим падением с севера к югу склона городищенского холма, в нижней части которого разбит раскоп «А».

На всей площади раскопа культурный слой делится на пласты (горизонты), различающиеся по структуре, цвету и насыщенности различными предметами. Верхний пласт залегает сразу же под слоем дёрна и состоит из щебня и целых и разбитых каменных блоков (рис. 9). Его мощность колеблется в пределах 0,40 — 0,70 м. К западу, внутрь городища, культурный слой несколько уменьшается и у западной стены раскопа совсем исчезает (рис. 9). Этот пласт соответствует периоду разрушения и разборки оборонительной стены (она проходит здесь с восточной стороны раскопа), когда, естественно, выбирали обработанные большие блоки, а битые камни и щебень выбрасывали, вследствие чего образовался толстый слой битого камня. За исключением отдельных случайных фрагментов керамики в этом пласте почти никаких находок не было. Следует, правда, отметить найденный в квадрате 10 на глубине 0,30 м железный наконечник стрелы ромбовидной формы. (рис. 10—1).

Непосредственно под развалом зафиксирован второй пласт, состоящий из углисто-золистых прослоек, насыщенных фрагментами различной керамики и костями животных (рис. 9). Мощность его колеблется в пределах 0,60 — 1,64 м. Этот пласт относится к периоду интенсивной жизни на территории поселения (внутри основных оборонительных стен). Он хорошо датируется многочисленными фрагментами керамики VIII—X вв. н. э. Здесь представлены почти все формы и типы керамики, известные в инвентаре салтово-маяцкой культуры VIII—X вв. н. э. (амфоры, горшки, кувшины и т. д.). Ниже этого слоя зафиксирован еще один слой, содержащий фрагменты керамики черного и серого цвета и уголь, с мощностью до 0,15 — 0,20 м. Этот слой отделяется от второго строительным мусором (битые камни, щебень, известь), образовавшийся в процессе строительства стены вокруг городища. Самый нижний слой, вероятно, возник еще до постройки крепостных стен. Керамические находки этого слоя

отличаются от керамики VIII—X вв. н. э., найденной в верхних горизонтах раскопа, они аналогичны обломкам посуды, найденной в катакомбе (раскоп «I») и хорошо известны по инвентарю памятников IV—VII вв. н. э. Карачаево-Черкесии (Байтал-Чапкан, Кумыш, Гиляч). Керамика указанного типа в 1974 г. была найдена в шурфе, заложенном с внешней (восточной стороны) стороны крепостной стены. Она позволяет датировать нижний слой IV—VII вв. н. э. Открытие катакомбного могильника и слоя VI—VII вв. н. э. подтвердили мнение, высказанное нами еще в 1975 году о существовании в раннем средневековье на месте городища аланского поселения, которое занимало значительную территорию. Причем, как показали результаты осмотра окрестности, основная часть его располагалась к востоку от цитадели за пределами городища. Здесь хорошо прослеживаются следы аланского поселения на площади более 5 га.

Яма № 1.

У северного борта раскопа на глубине 1,20 м от дневной поверхности (абсолютная глубина от «0» репера — 1,40 м) обнаружена хозяйственная яма конусовидной формы. Она вырыта в твердом материковом грунте, дно ее тщательно выровнено. Размеры ямы: диаметр устья — 1,00 м, диаметр дна 1,20 м, глубина — 0,40 м.

Яма заполнена большим количеством костей животных вперемешку с углями, золой и битой керамикой. Среди керамики преобладают кухонные горшки с линейно-волнистым орнаментом на тулове и насечками на венчике, и красноглиняные амфоры, а также парадные кувшины, т. е. вся эта керамика аналогична найденной в других участках раскопа.

Яма № 2.

В 3,2 м к югу от первой ямы, в квадрате № 4 расчищена вторая яма. Она, как и предыдущая, была вырыта в твердом материковом грунте, близка ей по форме, имела тщательно выровненное дно (рис. 9). Размеры ямы: диаметр устья — 1,25 м, диаметр дна — 1,63 м, глубина — 0,70 м. Была наполнена костями животных и битой керамикой. В заполнении попадаются также следы угля и золы. У самого ее устья была найдена красноглиняная амфора. Керамика, собранная из заполнения этой ямы (фрагменты горшков, амфор, кувшинов), аналогична керамике, найденной в яме № 1 и во втором пласте раскопа.

Яма № 3.

Третья яма открыта в 3,3 м к юго-западу от ямы № 2, в квадрате № 6, на глубине 2,40 м от «0» репера. Она вплотную примы-

кает к западному борту раскопа. Внутри нее наклонно лежал большой тесанный каменный блок. Очевидно, он упал в яму, во время разрушения оборонительной стены.

Яма также имеет конусовидную форму, и вырыта в материковом грунте. Размеры её: диаметр устья — 1,30 м, диаметр дна 1,70 м, глубина — 0,63 м. Она тоже была заполнена костями животных и битой керамикой вперемешку с углями и золой. Обломки горшков, амфор, кувшинов, найденные в ней, аналогичны керамике других участков раскопа и предыдущих хозяйственных ям.

Все три хозяйственные ямы были заброшены и превращены в мусорные еще раньше, чем перестало существовать поселение.

В 0,62 м к востоку от западного борта раскопа (квадрат № 8), на глубине 1,70 м от дневной поверхности, открыты остатки очага открытого типа. Он имеет тарелкообразную форму и немного углублен в землю. Очаг обложен камнями различных размеров. В нем прослежены слои золы с углями и битой керамикой, мощностью до 10 — 15 см (абсолютная глубина залегания очага от «0» репера 2,75 м). В 0,50 м к юго-западу от очага, на той же глубине, расчищена зольная куча, наполненная обломками керамики и костями животных (диаметр пятна — 0,90, толщина — 7—10 см), (рис. 9). Можно предположить, что это — отбросы, вынесенные из описанного очага. Видимо, золу и угли из очага собирали в одну кучу.

Полуземлянка. Наибольший интерес представляет остатки полуземлянки, расчищенные в юго-восточной части раскопа (кв. 7—10). Она открыта на глубине 3 м от «0» репера. Полуземлянка имеет в плане четырехугольную форму с закругленными углами, в землю углублена на 1,00 м. Длина ее по линии север-юг (по основанию) — 4,10 м, ширина 3,50 м (рис. 9).

Пол у нее глинобитный, плотно утрамбованный. Вход в жилище находился в западной стене, он имел ступеньки, сделанные на материковом грунте. Вдоль северной, западной, южной стен полуземлянки открыты ямки (гнезда) от столбов или колышков, вбитых в пол (рис. 9). Все ямки примерно имеют одинаковый размер и глубину (диаметр — 13 — 15 см, глубина — 0,35—0,40 м). В центральной части полуземлянки открыта еще одна ямка. Она по размеру больше чем предыдущие ямки и обложена небольшими камнями. Диаметр ее — 0,20 м, глубина — 0,50 м (рис. 9). В ней, видимо, был установлен центральный столб, предназначенный служить основной опорой кровли жилища.

С южной стороны центральной ямки жилища расчищено пятно обожженной глины. В плане оно имеет чашеобразную форму (размеры 1,00x1,00 м). В середине его находится небольшое

овальное углубление, заполненное золой и угольками (размеры углубления: диаметр — 0,40 м, глубина — 5—6 см) (рис. 9). Судя по их наличию здесь находится очаг полужемлянки. Это был очаг открытого типа и имел самую несложную конструкцию. Наконец, под западной стеной полужемлянки, открыта хозяйственная яма (по счету в раскопе № 4). Она имеет в плане форму конуса и вырыта в материковом грунте, обнаружена на глубине 3 м от «0» репера. Заполнение ямы состоит из чернозема вперемешку с костями животных, битой керамики, угольков и золы. Размеры ямы: диаметр устья—1,15 м, диаметр дна—1,30 м, глубина — 1,20 м. Представляется, что эта яма относится к более раннему времени, чем полужемлянка, тем более что обнаруженные в яме обломки керамики одинаковы с керамикой нижнего слоя раскопа и катакомбного захоронения. Это позволяет думать о том, что яма имеет прямое отношение к аланскому поселению, предшествовавшему городищу.

Наиболее массовым материалом из раскопа 1977 года является керамика, которая служит основным датированным материалом. Она хронологически делится на два периода. Керамика, собранная из нижнего слоя раскопа «А», относится к первому периоду. Сюда же по форме и фактуре можно отнести керамику из катакомбы. Керамика, собранная на верхних слоях раскопа «А», относится ко второму периоду. Раскоп № 1 (цитадель) оказался беден находками, в частности, керамикой. Но и эти находки идентичны керамике, найденной в заполнении полужемлянки, в хозяйственных ямах и в верхних слоях раскопа «А». Поэтому их можно объединить и хронологически отнести к одному периоду.

Керамика первого слоя представлена обломками чернолощенных горшков и кувшинов. Они характеризуются обилием серебристой слюдяной примеси в тесте, а также сравнительно хорошим качеством глины. Наиболее хорошо представлены обломки горшков черного цвета со слабо отогнутым венчиком, верхний край которого орнаментирован насечками. Аналогичный декор встречается также на тулове и на ручках сосудов.

Среди керамики, собранной в этом слое, встречаются также обломки чернолощенных кувшинов со слабо отогнутым венчиком и шаровидным туловом, по которому иногда проходит орнамент в виде вертикальных лощеных линий или налпнных сосков. В целом керамика нижнего слоя имеет многочисленные аналогии в инвентаре памятников (поселение, могильники) Карачево-Черкесии IV — VII вв. н. э. Так, аналогичная керамика происходит из нижнего слоя городища Гиляч, Учкурка, Адиух. Идентичная керамика известна из катакомбных могильников

Байтал-Чапкан IV — V вв. н. э., Кумыш-Башы V—VII вв. н. э. и т. д. Исходя из хорошо датированных многочисленных аналогий, керамику первого слоя можно датировать IV—VII в. н. э., Следовательно, и слой, содержащий ее, можно отнести к этому же времени. Напомню, что это предшествовало возведению крепостных сооружений и цитадели на территории Хумаринского плато.

Наиболее богато представлена керамика второго периода. Слой, соответствующий этому периоду, буквально был насыщен фрагментами различной керамики. Кухонная керамика, главным образом, представлена многочисленными обломками горшков черного или темно-серого цвета. Их обломки составляют около 30 проц. всей керамики, найденной в 1977 году. Судя по фрагментам (целых горшков не найдено), горшки имели различные размеры. Но по форме и фактуре они отличаются друг от друга только в деталях, имеют яйцевидную и шарообразную форму, небольшое плоское дно и едва отогнутый венчик. Стенки их часто имеют нагар и сажу, так как употреблялись для приготовления пищи. Характерной особенностью этих сосудов является орнамент на тулове в виде линейно-зональных, горизонтально-линейных, линейно-волнистых полосок.

Имеются горшки, тулова которых покрыты сплошным рифлением, (горизонтальное рифление, волнистые линии, пучки волнистых линий) ряды отпечатков гребня (рис. 10). У некоторых экземпляров венчики тоже орнаментированы косой насечкой, наколами штампа или гребенчатой волной (рис. 10). Горшки описанного типа в целом нехарактерны для инвентаря средневековых памятников Карачаево-Черкесии. Они являются обязательной находкой в инвентаре памятников салтово-маяцкой культуры⁶.

По мнению С. А. Плетневой, которая специально и основательно занималась средневековой археологией Юго-Восточной Европы, эти горшки датируются VIII—X вв. н. э. и характерны для степных болгарских городищ и поселений указанной культуры⁷. Столовая керамика представлена обломками кувшинов серого или серо-желтого цвета. Обычно они изготовлены из плотного, хорошо отмученного, теста. Как правило, имеют яйцевидное или шаровидное тулово и снабжены носиком—сливом. Ручки прикреплены к тулову и к изогнутому венчику. Некоторые экземпляры орнаментированы вертикальными или горизонтальными полосами лощения, проходящими по их корпусу (рис. 11). Кувшины указанного типа хорошо представлены в аланских памятниках Северного Кавказа VIII—X вв. н. э. Такие сосуды

также хорошо известны на обширной территории салтово-маяцкой культуры⁸.

Наряду с описанной посудой, в составе керамики в небольшом количестве попадаются обломки высокогорлых кувшинов с небольшим дном и плоской ручкой, которая, как правило, прикреплялась к средней части горла и к плечу. Они изготовлены из плотного теста, черепок в изломе имеет кирпично-красный цвет. Судя по фрагментам, их горло и верхняя часть тулова украшались орнаментом в виде врезанных линий. Описанные кувшины также известны в памятниках салтово-маяцкой культуры⁹.

После кухонных горшков, в процентном отношении, самым массовым материалом является красноглиняные привозные амфоры яйцевидной формы. Среди их обломков встречаются много экземпляров с зонами мелкого и частного рифления по плечикам и верхней части тулова (рис. 12). Все найденные типы амфор имеют прямые аналогии в материале салтово-маяцких памятников Нижнего Подонья и Крыма¹⁰. Эти находки хорошо датируются в рамках VIII — середины X в. В составе керамики также встречаются, но в небольшом количестве, крупные пифособразные серо-глиняные сосуды с венчиком треугольного сечения, изготовленные из плотной, хорошо обработанной, глины, а также пифособразные горшки с витым венчиком и рифленой поверхностью тулова, их также немного, и единичные образцы мисок и сковородок (рис. 12).

Такова краткая характеристика керамики, найденной во время раскопок Хумаринского городища в 1977 году. За исключением отдельных типов (кувшины) она, в целом, отличается от алаунской керамики Северного Кавказа и идентична керамике салтово-маяцкой культуры (степной—болгарский вариант). Эта керамика второго периода жизни на Хумаринском городище датируется VIII—X вв. н. э., следовательно, в этих рамках можно датировать и исследованные участки Хумаринского городища (верхний слой раскопа «А» и раскоп № 1) в 1977 году. Нижняя дата (VIII в.) соответствует времени возведения оборонительных сооружений и строительства цитадели. Верхняя дата синхронна времени прекращения жизни на исследованных участках памятника. Таким датировкам не противоречат и другие материалы, собранные на исследованных участках городища. Так наконечник стрелы ромбовидной формы, найденный в верхнем слое раскопа «А», характерен для X в.¹¹ Этой дате не противоречат также приемы строительства крепостных сооружений, исследованных нами. Аналогичная техника кладки крепостных сооружений была принята в VIII—X вв. в северо-восточных областях Салтово-маяцкой культуры (Правобережное Цимлянское

городище, Маяцкое городище)¹². То же самое можно сказать о полуземлянке, открытой и исследованной нами в раскопе «А». Аналогичные жилища известны опять-таки в памятниках Салтово-маяцкой культуры¹³.

За пределами СССР техника кладки из тесанного камня в указанное время была широко распространена на территории Болгарии. Здесь, например, можно назвать такие средневековые города как Плиска, Преслав, Мадар и др. Крепостные стены указанных городов, как и на Хумаре, возведены из тесанных блоков, причем они обработаны и сложены точно так же, как на Хумаринском городище¹⁴. Более того, как справедливо пишет С. А. Плетнева, во всех указанных памятниках на каменных блоках также найдены древнетюркские рунические надписи, знаки, рисунки лошадей, всадников¹⁵.

Итак, раскопки 1977 г. на Хумаринском городище, как явствует из приведенных выше данных, подтвердили высказанное нами в 1974 г. мнение о том, что крепость была сооружена в VIII в. и в X в. перестала существовать. Керамический комплекс, формы жилищ и приемы строительства крепостных сооружений, а также рунические надписи, найденные в процессе раскопок, свидетельствуют, что крепость была сооружена в эпоху господства в юго-восточной Европе Хазарского Каганата, основное население которого составляли болгары. По монументальности крепостных сооружений, Хумаринское городище не имеет себе подобных не только на Северном Кавказе, но и нигде на Юго-Востоке Европы. Строительство такой крепости могло быть под силу только централизованной государственной власти. Такой властью на Северном Кавказе в эпоху средневековья обладал Хазарский Каганат. Её построили хазары в стратегически наиболее важном пункте в военных целях, для охраны горных перевалов Карачаево-Черкесии. Прежде всего, мощная крепость призвана была защищать горные проходы от врагов Каганата, чтоб они не прорывались в степь. Помимо этого, крепость контролировала крупный международный торговый путь, связывающий Запад с Востоком. Но Хумаринская крепость имела и другое значение. Постройка ее была вызвана не только внешней опасностью со стороны перевалов, но и связана внутренней политикой Хазарского Каганата — закрепить зависимость местного населения от каганата. Наконец, большой военный гарнизон крепости охранял стада хазар от горцев в период перегона их в горные пастбища: Бичесына, Индыша, Джалан Кола и др. Словом, она являлась одним из важных военно-политических центров хазар на Северном Кавказе¹⁶.

Подводя итоги, следует сказать, что работы 1977 года на Хумаринском городище привели к получению новой информации

об этом памятнике. Впервые в этом году получены новые данные о сложной конструкции крепостных сооружений на цитадели, которая была сооружена на плоской вершине естественного холма и укреплена мощной каменной стеной, возведенной по его периметру. Работами этого года собран также богатый керамический комплекс, который является ценным источником для изучения хозяйства, ремесла и этнической истории обитателей крепости. Впервые в процессе раскопок найдены надписи рунического письма на городище. Они вместе с многочисленными руническими знаками и надписями, найденными ранее, представляют большой интерес для науки. Наконец, важным итогом работы этого года надо считать открытие катакомбного могильника, предшествовавшего строительству крепостных сооружений на городище.

Все это подтверждает важность и перспективность дальнейшего изучения Хумаринского городища, одного из крупных и уникальных средневековых памятников, оставленных тюркоязычными племенами (хазарами, болгарами) Северного Кавказа и которые приняли самое активное участие в этногенезе карачаевского народа.

¹ В. А. Кузнецов. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977, с. 39.

² В связи с тем, что в ходе раскопок нам не удалось добиться от областного отделения ВООПИК решения вопроса о принятии мер для консервации и охраны открываемых сооружений, было сочтено нерациональным полное раскрытие обнаруженных во время исследований строительных остатков. Поэтому северная и южная стены поселения в раскопе «I» были открыты лишь с одной стороны (внутренняя). Эти стены не были расчищены и сверху за исключением отдельных участков, где блоки лежали открыто. После завершения исследования опасные участки стены нами были укреплены крепидами и сверху засыпаны грунтом, а северная стена сверху была заложена еще каменными блоками.

³ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, сс. 104—105.

рис. 15.

⁴ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, рис. 15.

⁵ В. Б. Деопик. Аланские украшения VI—IX вв. Северного Кавказа, рис. 5.

⁶ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958; С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи, МИА, № 75, 1959. сс. 212, С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, сс. 104—108.

⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, МИА, № 106. М., 1962, с. 61.

⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 115—116.

⁹ С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 131—132; Е. А. Поршина. Средневековая керамика южной Таврии. Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 64.

¹⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 128—130; Е. А. Поршина. Указ. соч., сс. 59—61.

- ¹¹ С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75. М., 1959, с. 147, рис. 6—11.
- ¹² С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 25—44.
- ¹³ С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 58—65.
- ¹⁴ К. Миятев. Архитектуретэ в среднекне Болгария. София, 1965, сс. 32—47. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Архитектура Восточной Европы. Средние века, т. 3, глава 5. М.-Л., 1966, сс. 376—411.
- ¹⁵ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 44.
- ¹⁶ Об этом подробнее см. Х. Х. Биджиев. Тайна старой крепости. Газ. «Ленини Байрагы», 1979, за 4 октября (на карач. яз.).

Рис. 1. План Хумаринского городища. 1 — крепостная стена, 2 — башни, 3 — раскопы: (А — раскоп «А», Б — раскоп «Б», В — раскоп — «I», Г — раскоп «II», Д — раскоп Е. П. Алексеевой); 4 — ров.

Рис. 4. Западная стена городища после расчистки

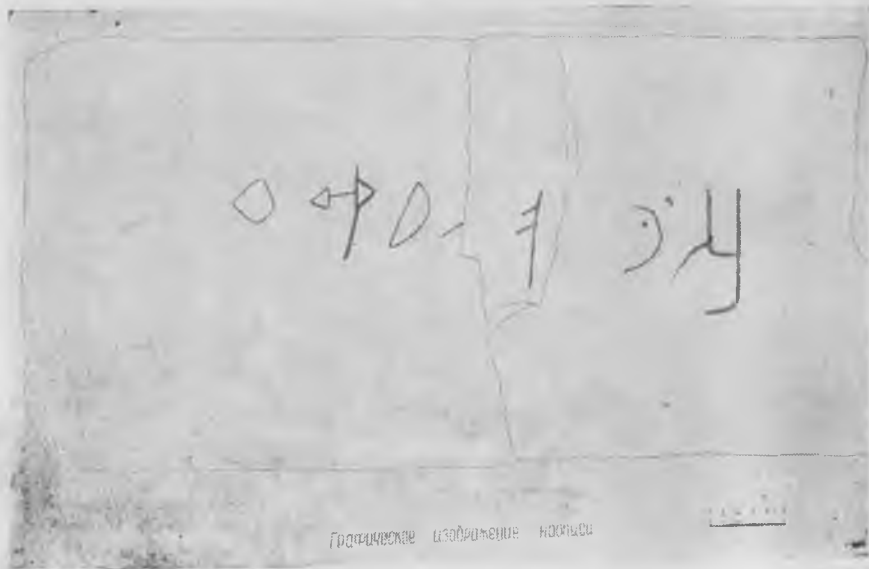

Рис. 5. Древнетюркская руническая надпись

Рис. 6. Общий вид восточной части стены цитадели.

Рис. 6А. Фасировка стены цитадели.

Рис. 6Б. Деталь кладки стены цитадели

Рисунок на камне

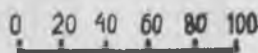
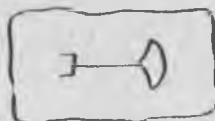
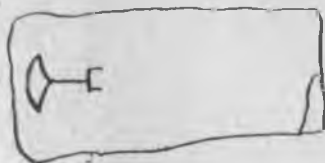
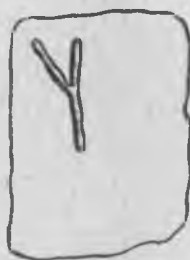
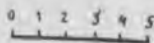

Рис. 7. Рисунок и знаки на камнях цитадели

Рис. 8. Детали кладки внутренней части стены цитадели

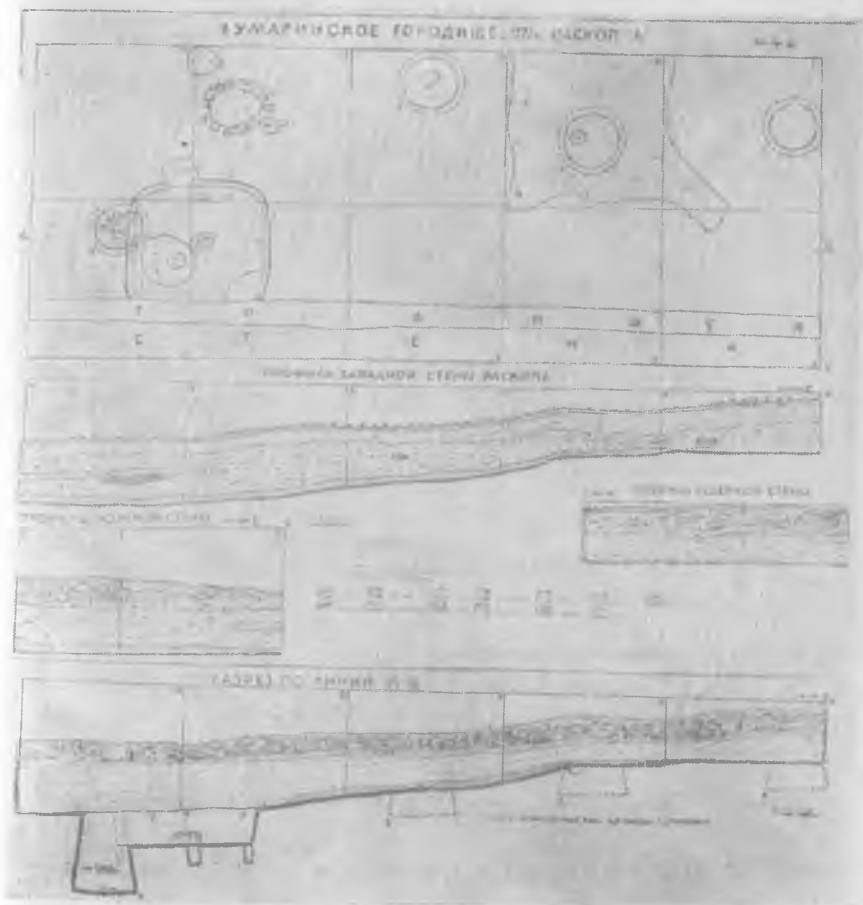

Рис. 9. План и разрезы раскопа «А».

Рис. 11. Кувшин.

Рис. 11а. Кувшин.

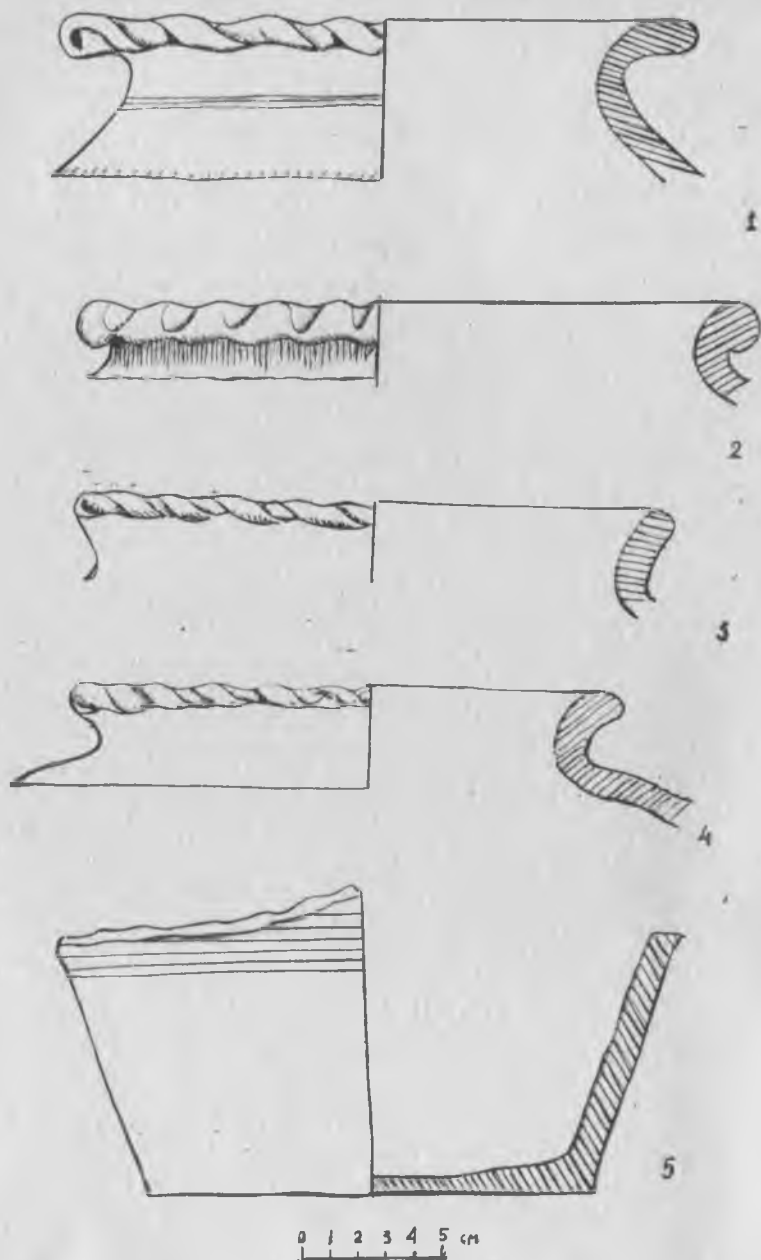

Рис. 12. Пифосообразные сосуды (1, 2, 3, 4), 5 — красноглиняный сосуд из поселения IV—VII вв.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАРАЧАЯ XIV — XVIII вв.

На территории Карачая сохранилось множество археологических памятников, начиная с каменного века и по XVIII век включительно. Памятники старины, в том числе и раннего средневековья, сравнительно хорошо обследованы дореволюционными и особенно советскими исследователями.

Что же касается объектов материальной культуры XIV — XVIII вв., то они не только не обобщены, но даже не подвергались специальному изучению. Достаточно сказать, что до сих пор нет ни одной работы, посвященной этому важному периоду истории и культуры карачаевского народа, кроме работы И. М. Мизиева «Башни и склепы Балкарии и Карачая», где, главным образом, рассматриваются архитектурные памятники Балкарии. Тем не менее, памятники этого периода очень важны, и изучение их, несомненно, представляет большой научный интерес. Ибо карачаевцы, как и многие народы Кавказа, не имели в прошлом своей письменности, и поэтому археологические памятники являются основными источниками, на базе которых можно воссоздать наиболее объективную картину исторического развития карачаевского народа. Среди них большую научную ценность имеют различные погребальные памятники XIV—XVIII вв. На территории Карачая к этому времени относятся три типа погребальных памятников:

1. Бескурганые погребения в грунтовых ямах;
2. Курганы;
3. Надземные склеповые сооружения.

Для воссоздания прошлой истории и культуры народа, изучение этих памятников имеет первостепенное значение, ибо «В погребальных объектах лучше отражаются древние этнографические особенности изучаемой культуры»¹.

В связи с этим мы попытаемся проанализировать погребальный обряд и типы могильных сооружений, а также инвентарь, найденный в этих памятниках. Такая работа, как нам представляется, в какой-то степени восполнит пробел в изучении истории карачаевского народа.

§ 1. Погребения в грунтовых ямах

Всего известно пять могильников, в которых попадались грунтовые погребения. Это могильники Картджурт №№ 1 и 2, Хурзук, Учкулан — в верховьях реки Кубань, на территории Карачаево-Черкесии и Эльджурт — в бассейне реки Баксан — в Кабардино-Балкарии (рис. 1). Первые два характеризуются тем, что на их площади, кроме грунтовых погребений, встречаются и другие типы захоронения в виде курганов, склепов.

В настоящее время науке известны 2 почти полностью раскопанных грунтовых могильника (Картджурт №№ 1 и 2).

На могильнике Картджурт № 2, копавшемся в 1958 году Е. П. Алексеевой, в 1969 г. — И. М. Мизиевым и Х. Х. Биджиевым, в 1970 г. — Х. Х. Биджиевым, исследовано 118 могил; на могильнике Картджурт № 1, где раскопки производил в 1969—1970 гг. Х. Х. Биджиев, раскрыто 8 могил. Итого исследовано 125 грунтовых могил.

По наземным признакам эти захоронения делятся на две группы:

1. Погребения первой группы обозначены на поверхности овальными или прямоугольными выкладками из камней, слегка выступающими на поверхность земли² (рис. 2).

2. Погребения второй группы отмечены прямоугольными в плане выкладками из плоских камней, поставленных по периметру на ребро. Поверхность внутри выкладок заполнена мелким камнем³ (рис. 3).

По всем остальным деталям грунтовые погребения не отличаются друг от друга, они представляют собой сравнительно неглубокие (0,6—1,4 м) ямы удлиненной формы с вертикальными или слегка скошенными стенами (30 могил). Размеры их 2,5x1,3 м. Могильные ямы, как правило, заполнены землей и булыжником.

Почти во всех погребениях в заполнении ямы и под колодой встречается древесный уголь чаще всего он лежит в изголовье и у ног, а в отдельных случаях — на дне всей могилы в виде подсыпки.

Захоронения совершались в деревянных колодах или гробах, скрепленных железными гвоздями и скобами (рис. 4). Колоды состоят из нижней части и крышки. Они выдолблены из толстых дубовых бревен. По форме они делятся на 2 типа: с широким концом у изголовья, одинаковой ширины по всей длине.

Гробы обнаружены в 3 погребениях могильника № 1

(№№ 121, 122, 128). Все они имеют четырехугольную форму и скреплены железными гвоздями. Размеры их 1,6x2,5; x0,6-1,1 м. Почти все колоды были скреплены железными скобами.

В отдельных случаях (№№ 43, 45, 64, 71, 74) покойники лежали в двойных колодах-гробах, или же скелет от верхней и нижней части колоды отделялся двумя тонкими досками.

Могилы предназначались для одиночных захоронений. В них похоронены мужчины (93 случая), женщины (53 случая) и дети (2 случая). Отличительной чертой детских погребений является отсутствие могильного инвентаря. Обряд погребения устойчивый и одинаковый для всех покойников независимо от их пола и возраста. Почти все они лежат вытянуто на спине, головой обращены на запад (рис. 16, 17). Исключение составляют 6 погребений из могильника Карджурт № 2 (№№ 77, 72, 79, 92, 98, 111). Из них, в двух (№№ 72, 79) — скелеты лежали вытянуто, на правом боку. Причем в погребениях №№ 77, 92, 98 скелеты были ориентированы головой на север.

Положение рук неустойчивое. Часто или вытянуты вдоль туловища, или покоятся на животе, реже одна из рук вытянута, другая же согнута и расположена либо на тазовых костях, либо на груди. (рис. 5).

Погребения можно разделить по характеру инвентаря на мужские и женские.

Наиболее массовой находкой в мужских захоронениях, как правило, являются железные ножи. Их присутствие хорошо выделяет мужские погребения. Кроме ножей, в мужских могилах встречаются: поясные пряжки, оселки, кресала, шилья, в одном случае был обнаружен кинжал (рис. 13).

Женские погребения более богаты инвентарем. В него входили: орнаментированные налобные венчики, пластинки-навершие головных уборов, серебряные и бронзовые перстни с вставными камнями, серьги и подвески, нагрудные украшения из серебра, различные бусы, кольца, бубенчики, металлические пуговицы-застежки, наперстки, ножицы, гребни, остатки различных тканей, кожи и войлока, амулеты и прочее (рис. 14).

Итак, делая краткие выводы на основе раскопок грунтовых погребений, мы можем сказать, что для них характерно единство погребального обряда, которое выражается, прежде всего, в наличии каменной засыпки в могилах; во-вторых, в одинаковой ориентировке (почти все скелеты ориентированы головой на запад); в-третьих, в положении скелетов — на спине и вытянуто; в-четвертых, в наличии на дне могильной ямы хорошо просле-

живаемого древесного угля. На некоторых погребениях прослеживаются куски мела и слой глины от обмазки дна ямы⁴.

Большой интерес представляет вопрос о наиболее вероятном происхождении грунтовых могил, которые составляют основную массу погребальных памятников Карачая. Поэтому поводу уже высказались мнения. Так, Е. П. Алексеева считает их преемственными от кобанских могил с каменными выкладками, и отсюда делает вывод о том, что в этногенезе карачаевцев главную роль сыграли племена позднебронзовой культуры Кавказа⁵. В. А. Кузнецову кажется «Сомнительной та прямая безоговорочная связь, которую проводит автор (т. е. Е. П. Алексеева — Х. Б.) между кобанскими могилами с каменными выкладками и такими же могилами карачаевцев...»⁶ К его мнению присоединился Л. И. Лавров⁷.

Надо отметить, что Е. П. Алексеева свой тезис о генетической связи между могилами разных эпох аргументирует лишь внешним их сходством, т. е. тем, что могилы эпохи бронзы, как и позднесредневековые, обозначены на поверхности земли выкладками⁸.

Такое сходство действительно имеет место. Но в других деталях погребального обряда между погребениями древних «кобанцев» и средневековых карачаевцев нет ничего общего. Так, по словам Е. И. Крупнова, который основательно занимался древней историей Кавказа, самой типичной чертой погребального обряда у племен кобанской культуры является неустойчивая ориентировка и скорченное положение костяков в могиле. На правом боку лежали обычно мужские костяки, с поджатыми ногами, на левом боку — женские⁹. Все эти детали, как мы видели, не характерны для изучаемых грунтовых погребений. Они опровергают мысль о преемственности поздних грунтовых погребений от аналогичных по конструкции могил эпохи поздней бронзы.

Обратимся к другим не менее существенным примерам. Допустим, что указанные памятники все же преемственны от древних памятников эпохи бронзы. Но в этом случае мы должны были бы согласиться с тем, что влияние последних на формирование карачаевцев и балкарцев было чрезвычайно велико. И тогда можно было бы ожидать в современном карачаевском языке значительные следы языка этого архаического компонента, ибо компонент, сыгравший столь большую роль в этногенезе народа, должен оставить свой отпечаток не только в материальной культуре, но и в языке. Язык есть и остается одним из главных элементов культуры, который определяет национальное своеобразие народа. Если исходить из этого положения, выше-

названное мнение Е. П. Алексеевой не находит подтверждения на конкретном языковом материале, ибо почти все лингвисты сходятся на том, что язык карачаевцев является тюркским в более чистом виде¹⁰. Здесь нет, на наш взгляд, острой необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Сошлюсь лишь на высказывании некоторых исследователей. Так, на эту особенность карачаевского языка указывал еще в XVII в. А. Ламберти: «Меня очень удивило, что карачаевцы среди стольких варварских языков, на которых говорят окружающие народы, могли так чисто сохранить тюркский язык»¹¹, — читаем у него. На эту же черту карачаевского языка справедливо обратил внимание и тюрколог проф. А. К. Боровков, который писал: «Все более становится ясным, что карачаево-балкарский язык — «мал золотник, да дорог», — с точки зрения методологии изучения языка, в первую очередь, языков турецкой системы»¹².

Правда, Е. П. Алексеева, желая аргументировать свой тезис, ссылается на В. И. Абаева в том, что в карачаевском языке прослеживается древнейший слой — остатки языка племен кобанской эпохи¹³. Однако, в данном случае, ссылка на В. И. Абаева неточна, так как на указанной странице, цитируемой ею работы, у В. И. Абаева речь идет не о карачаевском языке, а о кавказском субстрате осетинского языка¹⁴.

Если исходить из всего сказанного, кажется неубедительной попытка Е. П. Алексеевой перебросить мостик от эпохи позднесредневековья к далекой кобанской эпохе¹⁵. В этом плане нельзя не согласиться с Л. И. Лавровым, который констатировал «что при желании почти всегда можно найти что-либо похожее в культурах разных эпох»¹⁶.

На наш взгляд, они могут быть преемственно связанными с грунтовыми погребениями тюрко-язычных болгар раннего средневековья¹⁷. В этой связи обратимся к хорошо исследованным погребениям в ямах, датируемых VIII — X вв., обнаруженным на территории Подонья и Приозовья. В настоящее время почти все исследователи признают, что они оставлены болгарями¹⁸, которые обитали в этом районе в эпоху раннего средневековья. Попытаемся же проследить те общие черты, которыми характеризуются погребальные памятники болгар и изучаемые нами захоронения.

Правда, большой хронологический пробел, отделяющий памятники Подонья и Приозовья от позднесредневековых погребений Карачая, не позволяют сравнивать вещевые комплексы. Однако сопоставление погребального обряда провести можно, тем более, ритуальные черты являются весьма консервативной

стороной культуры древнего населения. Результаты сопоставления показывают поразительное сходство основных деталей погребального обряда ямных погребений салтово-маяцкой культуры (ее южного варианта) с карачаевскими грунтовыми могилами. Так, болгарские погребения представляют собой, как карачаевские неглубокие грунтовые ямы¹⁹, к тому же они предназначались для одиночных захоронений²⁰.

Общность обряда прослеживается помимо того в ориентировке и положении скелетов. Во всех названных памятниках костяки лежали вытянуто на спине, головой на запад, иногда на север, при неустойчивом положении рук²¹.

Другой чрезвычайно интересной особенностью погребального обряда является наличие углей на дне могил. Эта особенность нередко встречалась в болгарских погребениях VIII—IX вв.²². Она свидетельствует, очевидно, во-первых, о какой-то непосредственной преемственности между языческими болгарскими погребальными обрядами и ритуалом карачаевцев и, во-вторых, несомненно, говорит о сохранении почитания огня в языческих верованиях карачаевцев. Почитание огня было опять-таки широко распространено в среде тюркоязычных народов²³, в том числе болгар. Бог неба (солнца, огня) Тенгри-Хан, почитаемый тюрками²⁴, сохранился в карачаевском фольклоре под именем Тейри.

Отличительной чертой позднесредневековых памятников является и то, что они, как уже сказано выше, на поверхности земли имеют каменные выкладки²⁵. Эта деталь, хотя и известна в некоторых болгарских погребениях VIII—IX вв., но не характерна для большинства из них. Здесь надо учитывать то, что между памятниками VIII—IX вв. и поздними (карачаевскими) имеется большой хронологический разрыв. К тому же изучаемые памятники принадлежат не болгарам, а народу в этногенезе которых участвовали не только они, но и другие племена и народы. Кроме того, расхождение между этими памятниками не больше, чем внутри болгарских древностей, обнаруженных в Дунайской Болгарии и на Волге. Как известно, после распада Великой Болгарии, часть этих племен ушли на Дунай, часть на Волгу. В настоящее время в Дунайской и Волжской Болгарии исследованы могильники, аналогичные салтово-маяцким погребениям (южного варианта). Но, как справедливо отмечает С. А. Плетнева, и в волжских, и в дунайских погребениях имеются некоторые отдельные черты, отличающие их от салтово-маяцких древностей. Так, главной особенностью волжских могил являются заплечики, зафиксированные примерно в 30% всех раскрытых могил и служивших для сооружения перекрытий.

В дунайских болгарских погребениях вместо западной ориентировки, характерной для салтово-маяцких могил, прослежены северная и северо-восточная ориентировки²⁶.

По мнению В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова, С. А. Плетневой эти своеобразные отличительные черты, характерные для различных памятников, свидетельствуют о этнической пестроте болгарского союза племен и являются результатом отражения этнографических особенностей в археологическом материале²⁷.

Специфические черты карачаевских погребений можно объяснить этими же причинами. Наконец, когда речь идет о каменных выкладках карачаевских погребений, нельзя не учитывать физико-географические особенности местности. Изучаемые памятники расположены в самых высокогорных районах Кавказа (в 15-17 км. от Эльбруса), где камня очень много — поверхность земли состоит нередко из сплошных камней. Камни в выкладках вокруг могил не принесены со стороны, а извлечены при копании их. Естественно, ими же заполнялись погребения, а лишние камни, которые оставались после заполнения ямы, обкладывали вокруг могилы.

Наличие камней свойственно не только карачаевским погребениям, но и погребальным памятникам всех горных жителей. Так, камни присущи с древнейших времен различным погребальным сооружениям народов Дагестана. Камень в изобилии встерчается не только на Кавказе, но и в погребениях народов горного Алтая.

В этой связи уместно отметить и то, что даже ногайцы, которые пришли в верховья Кубани (в пределах Карачаево-Черкесии) в XVII в., свои погребения XVII—XVIII вв. обкладывали на поверхности земли камнями²⁸. Поэтому нет ничего удивительного, что в карачаевских погребениях так часто встречаются камни.

Таким образом, из всего сказанного вытекает, что между болгарскими погребениями салтово-маяцкой культуры и карачаевскими грунтовыми могилами имеются много общих черт, сближающих их.

Те же общие языческие черты погребального обряда, которые удается проследить в этих памятниках, дают нам право предполагать зависимость последних от болгарского заупокойного ритуала. Это предположение становится вполне реальным, если учесть, что в VII в. после распада «Великой Болгарии», часть приазовских болгар осталась на Северном Кавказе и вместе с аланами образовали древнейшее ядро карачаевцев.

В заключение следует отметить, что изучаемые грунтовые погребения имеют много общих черт с позднесредневековыми

памятниками Центрального Кавказа, а именно, территории Балкарии. Прежде всего бросается почти полное совпадение карачаевских погребений с могильником Байрым XIII—XIV вв.²⁹ И карачаевские и байрымские погребения грунтовые. Сближает их и западная ориентировка, вытянутое положение скелета, а также обязательное наличие деревянных гробов и колод, скрепленных железными скобами.

Рассматриваемые погребения сближаются по наземным признакам и по погребальному обряду со второй группой погребений Курнойтского могильника XIII—XVII вв.³⁰ и частью погребений Ташлы-Талинского могильника XIV—XVIII вв.³¹ (оба в Балкарии).

Во всех названных памятниках скелеты лежали вытянуто на спине, головой на запад, на дне ям часто встречались куски древесного угля.

Много общего между этими могильниками и в погребальном инвентаре, но об этом мы скажем несколько позже.

По основным деталям погребального обряда (ориентировка и положение скелета, древесный уголь) они сближаются и с Новокувинским могильником XIII—XV вв. в Карачаево-Черкесии, исследованным Т. М. Минаевой³².

Относительно этнической принадлежности изучаемых грунтовых погребений можно присоединиться к вполне обоснованному мнению Е. П. Алексеевой и И. М. Мизиева, что они принадлежат карачаевцам³³.

В пользу этого говорит и устная народная традиция. Так, местные жители отдельные участки могильника Картджурт № 2 приписывали вполне определенными карачаевским родам. В пользу этого говорит также и то, что эти погребения самые близкие аналогии имеют с памятниками балкарцев, по культуре близких карачаевцам, если учесть, что этническая принадлежность могильников территории Балкарии местному населению — балкарцам давно общепризнана³⁴.

II. Курганы

Одной из разновидностей погребальных памятников изучаемого времени являются курганы. Они расположены немногочисленными группами (отдельно или попарно) по берегам Кубани, Хурзука и Уллу Кама³⁵. Кроме того, в настоящее время 13 небольших курганов зафиксированы в могильнике Картджурт № 2. Всего известно около 20 курганов, исследовано из них 12. Два расположены на левом берегу р. Хузрук, восточнее окраины селения Учкулан, раскопаны они были в 1896 г. В. М. Сы-

соевым³⁶. На территории могильника Картджурт мною раскопано 11 курганов из тринадцати.

Курганные погребения характеризуются следующими чертами:

а) насыпи курганов представляют собой сплошное каменное возвышение (рис. 19). Насыпь, обычно, состоит из нескольких рядов камней, расположенных концентрически. Промежутки между этими курганами, как правило, заполнены камнями различного размера. Курганы небольшие, в плане они овальные, круглые или четырехугольные. Размеры их: площадь основания 4x7,2 м, высота 0,47—0,7 м (рис. 3).

Под насыпью находилась, как правило, одиночная могильная яма, засыпанная булыжными камнями и землей. Легко проникающая через эти камни дождевая вода увлажняла могилу и этим, по-видимому, надо объяснять плохую сохранность скелетов в курганных захоронениях. Могильные ямы имеют отвесные стены, размеры их 1,85—4x1,2—2 м, глубина 0,97—1,3 м.

Каждый курган насыпался только для одного погребения и никаких более поздних, впускных могил в них нет. Похороны совершались во всех без исключения случаях в деревянных колодах, состоящих из крышки и самой колоды, в которую укладывали умершего. Большой частью колоды сохранились плохо. Остатки их дошли до нас в виде частей истлевшего дерева, находимым под скелетом и над ним. Лишь в отдельных случаях зафиксированы колоды хорошей сохранности. Например, в кургане № 3 (могильник Картджурт № 2) на глубине 0,9 м (от основания кургана) обнаружилась хорошо сохранившаяся крышка гроба (сосновая колода). Размеры ее 2,3x3 м, высота 0,18 м. Она покрывала составной гроб из сосновых плах, скрепленных прямоугольными скобами. Размеры его 2x0,5 м, глубина 0,25 м.

Что касается положения костяков в курганах, то оно совпадает с общекарачаевской ориентировкой. Скелет всегда лежит вытянуто, на спине, головой на запад с сезонными отклонениями. Исключением является погребение из кургана № 6, где берцовые кости были согнуты так, что лежали рядом (параллельно) с бедренными костями.

Положение рук из-за плохой сохранности часто проследить не удастся. Но судя по хорошо сохранившимся скелетам, оно не устойчиво (как в грунтовых могилах).

Характерна засыпка могилы древесным углем. Неизменной чертой погребального обряда является захоронение покойника вместе с вещами.

Однако курганные погребения значительно беднее грунтовых могил. В них попадают главным образом бытовые пред-

меты. Украшений, за исключением одной металлической пластинки, не было найдено. Наиболее распространенными находками в курганах являются железные ножи с остатками деревянных и костяных рукояток. Кроме ножей, встречаются поясные пряжки, оселки, кресала, шилья и железные колечки. В целом погребальный инвентарь тождествен инвентарю мужских грунтовых погребений. Напомним, что мужские грунтовые погребения также содержали только бытовые предметы, т. е. ножи, кресала, оселки, шилья, украшений в них не было.

Это наталкивает на мысль, что по-видимому, и в исследованных курганах были захоронены только мужчины.

Как известно, по данным полевого этнографического материала, мужчины-карачаевцы еще в XIX в. пренебрегали всякими украшениями, в отличие от женщин³⁷. По-видимому, и в изучаемое время в среде горцев существовал аналогичный обычай, т. е. украшения носили только женщины.

Можно сказать, что для курганов, как и для грунтовых могил, характерно единство погребального обряда, которое выражается, прежде всего, в том, что покойники погребались в грунтовых ямах, заполненных каменной засыпкой, а также в следующих ритуальных чертах: покойников укладывали на спину вытянуто, ориентировали их головой на запад и, наконец, на дне могильных ям совершали какие-то действия с огнем, от которого сохранились хорошо прослеживаемые древесные угольки.

Итак, как мы видим, курганные погребения, отличаются от грунтовых только возвышающейся над могилой каменной насыпью.

В заключение следует отметить, что этот тип погребальных сооружений для горной зоны Северного Кавказа, в том числе Карачая, не очень характерен.

Е. П. Алексеева высказала предположение о преемственности карачаевских сооружений от половецких курганов раннего средневековья³⁸. Действительно, ряд особенностей, характерных для половецких курганов, мы находим и в изучаемых памятниках. Например, как в половецких курганах, так и в карачаевских, насыпь состоит из камней, перемешанных с землей, скелеты лежат на спине, в деревянных гробах-колодах³⁹. Карачаевские курганы отличаются от половецких, пожалуй, только тем, что если для первых характерна устойчивая западная ориентировка умершего, то половцам, как правило, присуща восточная ориентация⁴⁰.

С другой стороны, надо сказать, что карачаевские курганы имеют ближайшие аналогии в адыгских (кабардино-черкесских) курганных захоронениях Северного Кавказа. Сходство

это хорошо прослеживается и по форме насыпи и по погребальному обряду. Не случайно В. М. Сысоев учкуланские курганы причислил «так называемым черкесским могилам»⁴², хотя черкесы никогда в эпоху позднего средневековья так высоко в горах не жили (описываемые курганы расположены, как уже говорилось, в 15—20 км от Эльбруса), и граница черкесских курганных могильников, как справедливо указывает Е. П. Алексеева, проходит примерно по линии города Карачаевска⁴³. Надо полагать, что карачаевские и адыгейские курганы скорее всего связаны чертами преемственности с половецким курганным похоронным обрядом.

§ 3. Склепы

Третьим типом погребальных памятников Карачая изучаемого периода являются склепы-мавзолеи.

Они, в основном, располагаются в горной части описываемого региона.

Всего известно пять могильников, в которых встречались склепы. Это могильники №№ 1, 2 у селений Картджурт, Хузрук в верховьях Кубани (см. карту), Джамагат в Тебердинском ущелье и Эльджурт, расположенный в 1,5 км от города Тырнауза (см. карту).

Склепами Карачая интересовались многие дореволюционные и советские исследователи, отмечая их в своих работах, но ограничиваясь лишь общим описанием⁴⁴. Однако никто из них не попытался проанализировать имеющиеся материалы.

В 1965—68 гг. склепы на левом берегу реки Кубани против селения Картджурт (могильник № 1) и склеп Камгута (Баксанское ущелье) были изучены И. М. Мизиевым⁴⁵. Им сделано первое серьезное научное обобщение собранных материалов⁴⁶.

Итак, в настоящее время известно на изучаемой территории 57 склепов. Все склепы можно разделить на 2 типа. I тип — включает в себя прямоугольные склепы (в основном с двускатными крышами) — 5 склепов; II тип — по конструкции близок склепам I типа, но не имеют перекрытия, представляют собой четырехугольные сооружения, сложенные кладкой на известковом растворе, известны в количестве более 50.

Первый тип склепов включает в себя пять построек, четыре у с. Картджурт и одну — против развалин с. Эльджурт, на правом берегу реки Баксан.

Несмотря на то, что они по своим конструкциям объединены нами в один тип, между ними имеется ряд отличительных черт; которые позволяют выделить среди них три подтипа.

Подтип I имеет ограду (загородку) вокруг основного

помещения. Представлен склепом Камгута, расположенным на правом берегу реки Баксан, против развалин карачаевского селения Эльджурт. Он принадлежал карачаевскому князю Камгуту Крымшамхалову.

Склеп в настоящее время полуразрушен. Первоначально он представлял собой прямоугольное сооружение с двускатной крышей (рис. 6), стены сверху суживаются. Размеры постройки: длина 5,7 м, ширина у основания 4 м, сверху 0,7, толщина у основания 0,7 м, сверху 0,6 м.,

На южной стене склепа, на высоте 1,3 м, имеется входной проем в виде окна четырехугольной формы (1,05x0,8 м), который некогда закрывался деревянной дверцей⁴⁷. На противоположной, т. е. северной стене, на высоте 1,5 м, имеется небольшое сводчатое окно (0,5x0,28 м).

Склеп по длинной оси ориентирован с востока на запад. Он сооружен из хорошо обработанных камней, сложенных на прочном известковом растворе, стены с двух сторон оштукатурены. Внутри склепа Камгут был украшен изображением оленей, а снаружи, около окна можно видеть отпечатки кистей рук. По этой детали данная постройка близка склепу № 32 второго типа, на стене которого также зафиксированы отпечатки кистей рук.

Кешене Камгута первоначально было окружено каменной стеной, образующей большой двор, остатки ее сохранились с северо-восточной и с юго-восточной стороны⁴⁸.

Подобная ограда не характерна для других карачаевских склепов и является специфической особенностью рассматриваемого сооружения.

Погребение в кешене Камгута было совершено на полу. Погребенный лежал в деревянном гробу-колоде⁴⁹, помещенный внутри цементированного ящика. Судя по зарисовкам Д. А. Вырубова, гроб-колода состоял из двух частей, т. е. самого гроба, где помещался скелет, и крышки⁵⁰. Нижняя его часть установлена на четырех деревянных брусках. Могила в настоящее время разрушена и о других деталях погребального обряда сказать что-нибудь невозможно, можно лишь предполагать, судя по конструкции склепа, что умерший был ориентирован головой на запад.

Склеп предназначался для одиночного захоронения и по преданию является усыпальницей карачаевского князя Камгута Крымшамхалова⁵¹, который прославил себя в борьбе против кабардинских феодалов.

Очевидно, с этим фактом связано то, что склеп в прошлом был в большом почитании у горцев. Так, по представлениям местного населения, Камгут, находясь в гробу, оставался живым. В случае опасности для местного населения, он внезапно

появлялся на коне, отражал врага и снова возвращался в склеп. Причем, каждый, кто проходил мимо его гробницы, обязан был оставить что-нибудь возле нее. Если проходящий не имел возможности оставить вещь или кушанье, то он отрывал кусок материи от одежды и оставлял ее около склепа⁵².

Подтип II. Постройки без ограда и меньших размеров. Таковы три склепа у селения Картджурт: два среди могильника № 1, один — на могильнике № 2.

Первые два склепа располагаются примерно в центре могильника № 1⁵³. В плане они прямоугольны и имеют двускатные крыши. Размеры их: 3,4x3,85 м, 4,14x5,07 м, высота стен от 1,25 до 2 м, толщина кладки от 0,5 до 0,7 м. Высота крыши от 1,5 до 1,8 м⁵⁴. Они также, как и усыпальница Камгут, имеют с восточной стороны арочной формы входные отверстия (0,5x0,8; 0,6x0,9 м), которые укреплены снизу и сверху деревянными планками (рис. 7).

Склепы ориентированы длинной осью с востока на запад и сооружены, как и склеп Камгута, из отесанных камней на известковом растворе. Все стены склепов снаружи и внутри были оштукатурены и выбелены.

Погребения в склепах оказались разрушенными еще до революции. В 1979 году склепы были нами заново расчищены, но находок в них не оказалось, удалось зафиксировать лишь куски дерева (видимо, от гроба) и человеческие кости. Исходя из этого, можно предполагать, что покойники лежали в деревянных колодах-гробах, будучи обращенными головой на запад.

Третий, полуразрушенный склеп, расположен в центре могильника № 2. Он, как и предыдущие, в основном прямоугольный. Длина склепа (по внешним замерам) — 3,84, ширина — 3,04 м. Высота сохранившихся стен доходит до 1,06 м. Сооружен он из обработанных камней, положенных регулярной кладкой. Длинной осью склеп ориентирован с востока на запад. В 1970 г. склеп был исследован нами. Несмотря на разрушенность его стен, могила сохранилась хорошо. Она была вырыта среди пола склепа, здесь в грунтовой яме зафиксировано парное погребение (рис. 8).

Скелеты сохранились хорошо. Оба покоились в деревянных колодах-гробах, скрепленных железными скобами. Умершие были ориентированы головой на запад. Они покоились на спине в вытянутом положении, кисти рук у них также были вытянуты вдоль туловища (рис. 8). Под скелетами прослеживались мелкие куски древесного угля.

Инвентарь, найденный в склепе, небогат. У черепа скелета, лежавшего с северной стороны, найден орнаментированный вен-

чик (рис. 14). который в центре имеет изображение в виде прописной буквы «Ф», а у второго скелета, возле пояса, лежал железный нож.

Судя по этим вещам, здесь покоились мужчина и женщина. Следует подчеркнуть, что это единственный склеп, где имело место достоверного парного захоронения.

Наконец, положение и ориентировка покойников, наличие инвентаря и гроба-колоды, по нашему мнению, свидетельствует о том, что данное погребение — домусульманское. В пользу этого говорит и тот факт, что склеп находится в окружении грунтовых могил, о которых шла речь выше.

Подтип III представлен двухъярусным склепом у сел Карт-Джурт (Могильник № 1), называемый местным населением «Гошаяк бийчени кешенеси», т. е. склеп княгини Гошаяк. Это единственный двухъярусный склеп на территории Карачая (рис. 9). По всем другим элементам архитектуры он ничем не отличается от других склепов I типа. В плане он также имеет прямоугольную форму (3,89x1 м). Сооружен из обработанных камней, положенных на прочном известковом растворе, первоначально стены его снаружи и внутри были оштукатурены. Высота стен — 2,46, высота крыши — 4,1 м, толщина стен — 0,68 м (рис. 9). В южной стене, как и в других склепах, имеется окошко арочной формы (0,8x0,65 м). На месте стыка стены с крышей проходит карниз. Первый ярус отделяется от второго двускатным перекрытием, которое держится на деревянных балках. Второй ярус представляет собой узкую погребальную камеру (3,25x0,85 м), здесь толщина стен — 0,52 м, высоте — 1 м (камера у восточной стены также снабжена окошечком в виде треугольника, обставленного каменными плитами).

Склеп ориентирован по длинной оси с востока на запад. Могильная яма была вырыта в полу сооружения, покойник лежал в деревянном гробу на спине, головой обращен на запад. В 1896 году внутри склепа, вдоль его северной стены, В. М. Сыроевым были зафиксированы остатки гроба и кости⁵⁵. От этого же склепа Г. Г. Коваленский доставил в музей г. Краснодара «часть женской ноги» (ступню)⁵⁶.

Итак, все склепы первого типа прямоугольные в плане и снабжены двускатными крышами. Они располагаются в высокогорной части изучаемой территории, как правило, вблизи селений на территории древних могильников и находятся в окружении грунтовых погребений. Склепы ориентированы по длинной оси с востока на запад, снабжены входами арочной формы или в виде треугольника.

Во всех без исключения склепах могилы сооружены в полу.

Остатки умерших покоятся в деревянных колодах-гробах, положены они на спину, головой обращены на запад.

Характерной деталью склеповых захоронений, как это отмечено и в других погребальных сооружениях (грунтовых ямах, курганах), является древесный уголь, прослеживаемый в них.

II тип включает, как уже говорилось, более 50 склепов. По конструкции они близки склепам первого типа, но не имеют перекрытия (крыши). Эти склепы представляют собой четырехугольные и многогранные сооружения (полусклепы по И. М. Мизиеву)⁵⁷. Сложены из обработанных камней на известковом растворе (рис. 10). Большинство из них снабжены окнами-входами, возле них, как правило, выложены пороги-ступени (рис. 11).

Склепы второго типа можно разделить на два подтипа.

Подтип I представлен четырехугольными сооружениями без крыши. Подавляющее большинство их расположено у селения Картджурт (могильник I)⁵⁸. В плане они имеют четырехугольную форму, стены сложены из отесанных камней на известковом растворе и штукатурены с обеих сторон (рис. 11). Эти склепы предназначались для одиночных и коллективных захоронений. Размеры их: длина от 3,8 до 16 м, ширина от 3,4 до 7, высота стен от 1,10 до 2,4 м, толщина стен от 0,4 до 1 м (рис. 10, 11).

Особенно интересны из них два склепа, приписываемые предкам родов Крымшамхаловых (склеп 4) и Боташевых (склеп 5).

Склеп Боташевых располагается у восточной части могильника. Он имеет у основания четырехугольную форму, длина его 9,8 м, ширина 9,3 м, толщина 0,55 м (рис. 10). Высота северной стены — 2,4, восточной — 2 м, западной — 1,4 м. Разница эта объясняется покатостью склона, на котором поставлен склеп. Он сооружен из тщательно обработанных камней с применением известкового раствора и оштукатурен (рис. 10).

Стены в внешней стороны на высоте 0,5 м снабжены филёнками (по 5 штук каждой стене) арочной формы размерами 1,3x0,8 м. С фасада (восточной стороны) имеется вход, обрамленный аркой, высота его — 1,6 м, ширина — 1,08 м. Перед входом в склеп выложен ступенчатый порог (рис. 10).

Склеп Крымшамхаловых занимает центральное место могильника № 1 (рис. 11). Размеры сооружений 11x5 м, высота 2,75 м, толщина стен — 0,55 м. Стены его возведены на прочном фундаменте⁵⁹. Сооружение тщательно оштукатурено, в нем имеется вход-окно, ведущее в один из смежных склепов. Фасад его

снабжен нависающим парапетом высотой 0,87 м, который на протяжении всей стены образует девять ячеек (опускающихся зубцов) шириной 0,39—0,5 м и высотой 0,45 м. Пространство между ячейками образует прямоугольные выступы шириной 0,56—0,7 м. Примерно в центре стены устроены окна-входы, равные по занимаемому пространству ячейке немного превышая ее по высоте. Перед входом выложен ступенчатый порог.

Это сооружение привлекает внимание архитектурной особенностью — наличием парапета. Как правильно отметил И. М. Мизиев⁶⁰, это единственное погребальное сооружение на северном склоне Кавказа (на территории Балкарии и Карачая), имеющее парапет, появление которого здесь, вслед за И. М. Мизиевым, мы склонны считать результатом заимствования из Сванетии (возможно, что данный склеп был даже сооружен мастером-сваном)⁶¹.

II подтип представлен двумя многогранными склепами: один находится у селения Картджурт (могильник № 2), второй — у г. Карачаевска⁶² (сейчас он полностью разрушен).

Картджуртский склеп отличается от предыдущих тем, что в плане он семиугольный. Это единственный многогранный склеп, известный в настоящее время на территории Карачая. Размеры склепа: длина граней — 3,3 м, высота — 0,8 м, толщина стен — 0,63 м, склеп сооружен на известковом растворе и оштукатурен с обеих сторон (рис. 12).

Подводя итоги описанию склепов, нужно отметить, что всем им свойственен ряд элементов, свидетельствующих об общности строительно-архитектурных традиций, лежащих в основе данных сооружений, но не практиковавшихся в них обрядов. Все склепы возведены на известковом растворе из хорошо обработанных камней и с обеих сторон оштукатурены, почти все снабжены входными отверстиями.

В склепах I типа погребения, как правило, производились на их дне. Умершие покоятся в деревянных гробах-колодах. Будучи ориентированными головой на запад, они лежат на спине, вытянуто.

Погребения в склепах II типа обыкновенно совершались уже по мусульманскому обряду, что свидетельствует о более позднем их существовании.

Большой интерес представляет вопрос о причинах появления наземных склепов Карачая. Прежде всего отметим, что по структурно-архитектурным особенностям и назначению, аналогичные погребальные сооружения XIV—XVIII вв. широко были распространены в соседних районах Северного Кавказа и горной зоне Закавказья⁶³. Поэтому целесообразно проследить их генезис в масштабах всего Центрального Кавказа.

По поводу выяснения причин, породивших склепные сооружения Северного Кавказа, в разное время высказывали многие исследователи. Так, появление наземных склепов в горной зоне Л. П. Семенов объясняет религиозными верованиями, когда культ мертвых требовал воссоединять всех умерших родственников⁶⁴. Близкого мнения придерживается и В. И. Марковин⁶⁵. Г. Кокиев к этому добавляет, что склепы появились из-за малоземелья в нагорных районах края⁶⁶. Х. О. Лайпанов, в свою очередь, считает, что карачаевские склепы связаны преемственностью с кипчакскими мавзолеями — «кешене»⁶⁷. В. А. Кузнецов появление таких памятников склонен связать со стремлением людей при помощи наземного склепа отделить погребение от земли, не осквернить землю трупом. По его словам, могло иметь место влияние зороастризма, одной из догм которого было неосквернение земли трупом⁶⁸. Е. И. Крупнов, В. Х. Тменов и Б. М. Мужухоев на первое место выдвигают острое малоземелье⁶⁹. Л. Г. Нечаева возводит склепы к сармато-аланским катакомбам⁷⁰.

Проанализировав все сведения по карачаево-балкарским склепам, И. М. Мизиев, как уже было отмечено, склоняется к тому, что социально-экономические причины играли главную роль в появлении наземных склепов⁷¹. На основании анализа чеченских склепов к подобному мнению также склоняется С. Ц. Умаров⁷².

Итак, как видно из вышесказанного, единого мнения о причинах возникновения склепов до сих пор нет, что, естественно, несколько тормозит углубленное изучение этих памятников. Последнее обстоятельство заставляет нас подробно остановиться на каждом из вышеизложенных тезисов.

На мнению Л. П. Семенова специально останавливаться не буду. Его гипотеза не применима к довольно поздним карачаевским склепам, о чем уже говорил И. М. Мизиев⁷³.

Гипотеза В. А. Кузнецова о том, что здесь могло иметь место влияние зороастризма, мысль сама по себе интересная, но применительно к карачаевским склепам, маловероятна. Действительно, для зороастризма присуща догма, которая проповедует неоскверненные земли трупом. Зороастризм толковал отношение к трупу, как к ритуально нечистому, оскверняющему. Так, на родине этой религии в Персии, существовало особое сословие людей, считающихся нечистыми, поскольку они занимались погребением умерших. Причем эти люди жили изолировано, за пределами города⁷⁴. Однако, на наш взгляд, никак нельзя эту деталь зороастризма увязать с погребальным обрядом, практиковавшимся в склепах, ибо, в частности, в ка-

рачаевских склепах никак не удастся зафиксировать попытку отделить погребение от земли. Как уже отмечалось, покойники в склепах захоронены в грунтовых ямах, в силу чего они не отделены от земли. Склеп, возведенный над могилой, не предохранял землю от осквернения. Скелеты в склепах, как и в грунтовых погребениях, соприкасаются с землей, а раз скелет лежит на земле, то оскверняется ее площадь, что не допускается зороастризмом. Если же склепы появились в результате «стремления при помощи наземного склепа отделить погребение от земли, не осквернить землю трупом»⁷⁵, то и в этом случае не все ясно в генезисе склепов. Так, в Карачае, среди других видов погребальных сооружений, они составляют ничтожное меньшинство. Причем, как правило, склепы всегда находятся на кладбищах в окружении множества обыкновенных грунтовых погребений. На могильнике Эльджурт (Баксан) имеется единственный склеп-усыпальница Камгута. Такая картина наблюдается и в могильнике Картджурт № 2 и т. д. Чем объяснить такое положение? Почему религиозный обряд, проявляемый по отношению к покойнику в склепе, не касался его соплеменников, членов рода, которые покоятся в грунтовых могилах и окружают склеп. Ведь, если бы существовал в идеологии общества вышеназванный обряд, то члены одного рода также должны были бы находиться в склепах, а не в обычных могилах. Известно, что любая форма погребения является порождением религиозных верований общества. Если это так, то могут ли в одно и то же время члены одного рода или одной этнической группы проявлять религиозные верования по-разному?

Принимая во внимание все это, мы полагаем, что гипотеза В. А. Кузнецова не применима для решения вопроса о возникновении карачаевских склепов.

Несостоятельность положения Л. Г. Нечаевой о том, что склепы Северного Кавказа преемственны от сармато-аланских подземных катакомб, совершенно очевидна⁷⁶. Концепция автора уже не раз подвергалась критике⁷⁷.

Дело в том, что склепы, как древнее погребальное сооружение, на Северном Кавказе бытует с глубокой древности, уходящей в эпоху бронзы⁷⁸. Рассматриваемые склепы есть результаты эволюции склепов (подземных) эпохи бронзы. В этой связи большой интерес представляют исследованные В. И. Марковиным в 1966 году у сел. Эгикал в горной Ингушетии каменные склепы II тыс. до н. э. По словам автора, раскопы склепов Эгикала конструктивно близки средневековым усыпальницам. Они также, как поздние сооружения, сложены насухо из плитняка, перекрыты массивными обломками скал, снабжены узкими входными лазами и имеют полки для умерших⁷⁹.

Как правильно указывает В. И. Марковин, склепы у сел. Эгикал доказывают преемственность в постройке подобных сооружений от бронзового века до самого позднего времени⁸⁰. Последнее опровергает мнение Л. Г. Нечаевой о генетической связи склепов с катакомбами сармато-аланских племен.

Следует сказать несколько слов о мнении Х. О. Лайпанова о том, что карачаевские склепы произошли от аналогичных сооружений кипчаков. Оно основано на следующих соображениях. Во-первых, по-половецки склеп-мавзолей назывался «кезене», что соответствует карачаево-балкарскому названию «кешене». Во-вторых, будто бы по стилю и архитектуре половецкие склепы, обнаруженные в северном Причерноморье, походят на карачаево-балкарские «кешене»⁸¹. Действительно, слово «кешене» в значении склеп-мавзолей имеется в кипчакском языке. Что же касается тезиса о сходстве карачаевских и кипчакских склепов, то сказать что-нибудь трудно, ибо непонятно о каких кипчатских склепах идет речь в работе названного исследователя. Кроме того, склепы, близкие по типу карачаевским, распространены широко и в других районах Северного Кавказа. Если даже допустить, что карачаево-балкарские кешене восходят к половецким склепам, то чем объяснить наличие их на территории Чечено-Ингушетии, Осетии, а также в отдельных горных районах Закавказья.

Трудно поверить, как правильно подметил В. А. Кузнецов, что все эти народы заимствовали склепы у карачаевцев и балкарцев, или же у половцев⁸². Поэтому этот тезис нуждается в более серьезной аргументации. Скорее всего половцы могли этот обряд воспринять от народов Северного Кавказа, что вполне допустимо, если учесть появление половцев на Кавказе в XI—XIV вв., когда они, занимая предгорную часть, имели тесные связи с горами.

Относительно появления склепов вследствие острого малоземелья, надо заметить, что недостаток пахотных земель в горной зоне Кавказа действительно имел место, и, видимо, играл определенную роль для возникновения семейных и родовых усыпальниц на территории Чечено-Ингушетии, Осетии и в других районах. Что же касается причин сооружения карачаевских склепов, то вряд ли здесь это можно объяснить малоземельем. Во-первых, потому что в отличие от чечено-ингушских и осетинских склепов, карачаевские постройки не предназначались для коллективных захоронений, все они расположены на удобных для обработки участках земли. Во-вторых, они принадлежат определенным представителям высшего сословия. Это неоднократно отмечали исследователи-кавказоведы и особенно убедительно доказал И. М. Мизиев⁸³. В пользу этого свидетель-

ствует и фольклор. По устной народной традиции склепы приписываются определенным лицам — отдельным князьям или наиболее почитаемым членам семьи, рода. Так, склеп на могильнике Эльджурт принадлежит князю Камгуту («Камгут-кешене»). Двухъярусный склеп на могильнике Картджурт № 1 считается усыпальницей княгини Гошаяк. Он так и называется «Гошаяк байчени кешенеси» («склеп княгини Гошаяк»). В народе по настоящее время широко бытует песня «Гошаяк», в которой героиня представляется женщиной удивительной красоты. Она по преданию является супругой князя Каншаубия, прославившего себя в борьбе против экспансии кабардинских феодалов. В песне поется о том, что склеп был сооружен еще при жизни княгини⁸⁴.

По преданию, в Джамагатских склепах покоятся сыновья известного карачаевского князя Урусбиева Чоппелеу-Алхаз и Эльмырза. Об этом же сообщает нам историческая песня «Урусбиевы»⁸⁵. В пользу принадлежности склепов знати свидетельствует и сам факт сосредоточения склепов в окрестностях сел. Картджурт, а также почти полное отсутствие их в соседнем селении Учкулан, если учесть, что в первом, в изучаемый период, жили наиболее могущественные карачаевские фамилии (в том числе Крымшамхаловы, Боташевы, Алиевы и т. д.), а во втором — рядовые семьи.

Итак, в Карачае в склепах покоятся представители знати. Отсюда следует вывод, что сооружения их нельзя объяснить малоземельем, ибо если от малоземелья и страдали, то, естественно, не князья, а простой люд.

Вслед за И. М. Мизиевым, нам представляется вполне вероятным, что появление карачаевских склепов надо увязывать с социально-экономическими процессами в обществе, т. е. с развитием феодальных отношений. Иначе говоря, склепы являются материальным отражением имущественно-сословной дифференциации общества. В процессе развития феодализма и социального расслоения из общей массы общества выделяются крупные феодалы — горские князья. Именно эти князья и возводили для себя великолепные мавзолеи еще при жизни.

Естественно, не все роды или семья могли сооружать склепы для своих умерших. Их строили князья, знатные фамилии, отличавшиеся от остальной массы богатством, а бедная часть населения хоронила умерших в рядовых могилах. Только этим, на наш взгляд, можно объяснить то, что склепы и синхронные им погребения другого типа располагаются на одном и том же кладбище, причем склепы встречаются редко, и, как правило в окружении рядовых могил. Об этом же свидетельствует и

то, что склепы имеют не все фамилии, даже не все члены одного рода, а отдельные семьи, т. е. значительная феодальная верхушка — горские князья. При этом следует подчеркнуть, что у карачаевцев того времени, видимо, играл также значительную роль культ вождей. Местная феодальная верхушка, стремясь придать своей власти над рядовым населением больше авторитета, всячески насаждала этот культ, ссылаясь на свое особое происхождение. Сооружение склепов для своих покойников играло при этом не последнюю роль. Феодалы старались подчеркнуть этим свое особое положение, выделиться среди рядовых членов общества.

Такое объяснение нам представляется допустимым, если учесть, что культ вождей в прошлом широко бытовал у многих тюркских народов. Например, подобный культ был сильно развит среди населения Хазарского Каганата и в Дунайской Болгарии⁸⁶. Пережитки культа вождей сохранились и у потомков Волжских болгар-чувашей⁸⁷.

Итак, из всего выказанного, вытекает, что причиной появления склепов у карачаевцев явились в основном социально-экономические факторы.

Однако карачаевские склепы имеют некоторые общие черты с аналогичными памятниками соседних районов. Они в определенной степени близки склеповым постройкам Чечено-Ингушетии, Осетии, Балкарии, которые также сооружены из обработанных кемней, сложены зачастую на известковом растворе и оштукатурены. Почти во всех указанных районах они располагаются на кладбищах, где наряду с ними бытуют и другие погребальные памятники синхронные им.

Однако сравнительный анализ показывает, что наибольшее отличие от карачаевских склепов имеют памятники Чечено-Ингушетии. Последние отличаются от изучаемых по некоторым деталям конструкции и погребального обряда. Например, в Чечено-Ингушетии довольно часто склепы имеют ступенчатое перекрытие⁸⁸. Для Чечено-Ингушетии характерны, наряду с другими типами, в отличие от Карачая, склепы, напоминающие боевые башни с пирамидально-ступенчатым перекрытием⁸⁹ и круглопланные сооружения с конусообразной крышей⁹⁰. В Чечено-Ингушетии склепы покоятся на специально устроенных полках внутри склепов⁹¹, тогда как в карачаевских склепах захоронения совершены во всех без исключения случаях на дне сооружений. Кроме того, большинство склепов сопоставляемого района, о отличие от карачаевских, назначалось для коллективных захоронений⁹², причем количество погребенных иногда достигало 20 — 200 — 250 человек⁹³. Чечено-ингушские памятники отличаются от карачаевских также тем, что у входов некоторых

склепов вставлены иногда каменные плиты с просверленными отверстиями⁹⁴, а также зафиксированы склепы, имеющие две камеры⁹⁵. Следует также отметить, что кровли некоторых склепов в Чечено-Ингушетии заканчиваются с каменным коньком⁹⁶, а круглопланные (и некоторые прямоугольные) склепы снабжены гуртами, спускающимися с наружного покрытия памятника⁹⁷.

Наконец, для чечено-ингушских склеповых захоронений характерны не устойчивая ориентировка погребенных⁹⁸, что не имеет место в карачаевских памятниках.

Карачаевские склепы по архитектуре и по погребальному обряду наиболее близки балкарским, что обусловлено общностью исторических судеб и единством хозяйства и культуры этих народов.

Общие черты памятников этих двух районов сводятся к следующему:

1. В Балкарии, как и в Карачае, склепы располагаются на удобных для обработки участках земли и находятся в окружении десятков синхронных рядовых погребений⁹⁹.

2. В Балкарии, как и в интересующем нас районе, крыши склепов гладкие¹⁰⁰.

3. В Балкарии, как и в Карачае, почти все склепы предназначены для одиночных захоронений, иногда число покойников в них не превышало двух-трех человек (в Карачае не больше двух)¹⁰¹.

4. Могилы в балкарских склепах, как правило, вырыты на дне склепов, как это имеет место в карачаевских постройках¹⁰².

5. Для склепов обоих районов характерно наличие входного отверстия арочной или прямоугольной формы¹⁰³.

Здесь уместно отметить, что карачаевские склепы через посредство балкарских построек могут быть сближены с дигорским вариантом осетинских склепов. Более того, склепы Дигории по некоторым чертам конструкции и погребального обряда отличаются от иронского варианта осетинских склепов и имеют много общего с балкарскими и карачаевскими склепами, на что обратил внимание И. М. Мизиев. Так, если в Иронетии широко распространены склепы со ступенчатыми крышами¹⁰⁴, то в Дигории, как и в Карачае, крыши у них гладкие¹⁰⁵.

Как правило, на фасаде иронских склепов имеются выступающие плитки (шиферные, сланцевые) с просверленным отверстием¹⁰⁶, что нехарактерно для дигорских¹⁰⁷ и карачаевских сооружений. Обычно склепы Дигории, как и карачаевские, служили для индивидуальных погребений¹⁰⁸, а иронские склепы обычно использовались как коллективные гробницы¹⁰⁹. Далее,

если в склепах Иронии покойники лежат на специально сооруженных полках¹¹⁰, то в Дигории, как и в Карачае, могилы устраивались в грунте¹¹¹. Любопытно, что в Иронии склепы называются запбдзы, а в Дигории по-тюркски обау (оба)¹¹², что означает на карачаево-балкарском языке — могила.

Из сказанного вытекает, что карачаевские склепы, наряду с балкарскими, очень близки склепам Дигории и отличаются от иронских рядом вышеперечисленных специфических особенностей.

Относительно датировки склепов первого типа существует ряд мнений. Х. О. Лайпанов считает, что все они сооружены до XV в.¹¹³, Е. П. Алексеева предполагает, что они построены не позднее XVIII в.¹¹⁴, а по мнению же И. М. Мизиева, специально занимавшего изучением склеповых сооружений Балкарии и Карачая, они сооружены в XVII—XVIII вв.¹¹⁵. В последней работе Л. И. Лавров писал, что «нижнюю хронологическую дату карачаево-балкарских мавзолеев установить пока нельзя, а что касается верхней даты, то не может значительно расходиться с верхней датой строительства аналогичных мавзолеев в Кабарде, где она падает на самый конец XVIII в.¹¹⁶.

По нашему мнению, более прав Л. И. Лавров. Пока, действительно, нельзя установить точно нижнюю дату постройки склепов, а что же касается верхней даты, можно уверенно сказать, что они сооружены до конца XVII в., т. е. до принятия карачаевцами ислама. В пользу этого говорят результаты наших раскопок. Дело в том, что склепы со всех сторон очень плотно окружены обычными грунтовыми погребениями. Нами на могильнике Картджурт № 2 вскрыто 7 погребений. Они представляют собой грунтовые могилы целиком или частично заваленные булыжными камнями. Покойники лежали на глубине 1—1,6 м, вытянуто на спине, головами на запад, в деревянных гробах и колодах. Положение рук погребенных неустойчивое: то кисти рук согнуты и лежат на тазовых костях, то правая вытянута, а кисть левой руки лежит возле таза. Все они погребены не по мусульманскому обряду, а по языческому. Следовательно, эти могилы сооружены до конца XVIII в., ибо ислам, который начал проникать в Карачай еще раньше, к концу XVIII в., вытеснил все другие верования и стал господствующей религией. Об этом говорят письменные источники и предания. Так, если Шарден, говоря о верованиях карачаевцев и ряда других народов Кавказа в 1772—1773 г. утверждал, что они не имеют понятия ни о сущности религии, ни об ее обрядах и не соблюдают никаких законов¹¹⁷, то И. А. Гильденштедт в 1773 г. писал уже о карачаевцах, что они «с принятием ислама постепенно становятся мухамеданами, но не имеют мулл»¹¹⁸.

А в 1808 году Клапрот свидетельствовал уже об окончательной победе ислама в Карачае и в Балкарии: «Прежде всего карачаевцы, как и балкарцы и чеченцы, были язычниками, однако теперь не признают никакой другой веры, кроме мухамеданской и гнушаются теперь свинины, которую некогда много потребляли»¹¹⁹. Таким образом, домусульманские погребения, окружающие склепы, возникли, судя по инвентарю и по данным письменных источников, в XVII—XVIII вв. Следовательно, без сомнения, можно утверждать, что склепы были построены до этих захоронений, которыми они плотно окружены. Допустить, что склепы построены после могил, невозможно, ибо при таком тесном соседстве вряд ли можно было соорудить склеп, не разрушив могилы. В пользу того, что склепы возникли до ислама, говорит и то, что покойники в них лежали в деревянных гробах, являющихся нехарактерным для мусульманского обряда погребения.

Таким образом, мы рассмотрели все известные погребальные памятники периода позднего средневековья Карачая. Попробуем обобщить эти данные и проведем сравнительный анализ всех известных погребений.

Из анализа погребальных обычаев становится очевидным, что многие религиозные представления в равной степени характерны всем трем видам погребальных сооружений. Во-первых, общность между этими памятниками прослеживается в ориентировке могил: все они ориентировались по длинной оси с запада на восток и предназначались для одиночных захоронений;

Во-вторых, общность в обряде прослеживается по угольной подсыпке на дне могил, характерной для всех трех типов памятников.

В-третьих, все захоронения были совершены, как правило, в ставных деревянных гробах-колодах.

В-четвертых, как правило, покойники ориентированы головой на запад с сезонными отклонениями.

В-пятых, почти все умершие положены на спину в вытянутом положении, руки у них опущены вдоль туловища (кисти покоятся на животе или груди), иногда одна из них вытянута, другая согнута и лежит либо на груди, либо на тазовых костях.

Итак, несомненная общность погребальных обрядов дает нам основание полагать, что носители этих обрядов имели общие религиозные и культовые представления. Это, в свою очередь, позволяет также сказать, что погребальный обряд в данном случае может служить историческим источником, характеризующим своеобразие и единство местной культуры. Разница между памятниками проявляется только в устройстве могильных сооружений, причем этот факт нельзя объяснить тем, что

разница в характере погребений объясняется полом погребенных. Основным аргументом в пользу данного тезиса является то, что независимо от типа сооружения во всех погребениях (за исключением курганов из могильника № 2) найдены вещи, характерные для обоего пола. Нет никаких оснований считать, также, что эти различия хронологические, поскольку инвентарь из них однотипен и относится к одному периоду. Кроме того, грунтовые могилы, склепы, и курганы, находятся, как правило, на одном и том же могильнике (например, № 2).

Наличие нескольких типов погребальных сооружений в каждом случае объясняется конкретными причинами.

Так, грунтовые могилы, на мой взгляд, следует считать преемственными от аналогичных погребений средневековых болгар. Курганы появились вследствие культурного влияния половцев. Наконец, склепы возникли в результате имущественно-сословной дифференциации общества.

Что же касается устойчивой западной ориентировки погребенных, то она, по всей видимости, является продолжением древней традиции тюркоязычных народов хоронить покойников головой на запад и лицом на восток.

Дело в том, что культ солнца — Востока, как отмечает С. А. Плетнева, был весьма почитаемым древними и средневековыми тюркоязычными народами¹²⁰. Так, еще гунны каждое утро выходили из лагеря «поклониться восходящему солнцу»¹²¹. В глазах тюрков-язычников смерть представлялась продолжением земной жизни и поэтому ориентировку покойников связывали с этим культом и хоронили головой на запад, а лицом на восток¹²².

Наконец, как выше отмечали, в некоторых погребениях зафиксированы куски мела и слой глины. Возможно, он восходит к сармато-аланским племенам, участвовавшим в этногенезе карачаевцев. Хорошо известно, что указанный обычай широко практиковался в погребальном обряде их¹²³.

Анализ инвентаря

В изучаемых памятниках Карачая встречаются различные вещи. Но наиболее хорошо представлены предметы быта и украшения.

Бытовые предметы

Эта группа предметов, встречающаяся в карачаевских могильниках, представлена ножами, ножницами, наперстками, кресалами, оселками и пуговицами.

Железные ножи особенно частая категория находок в погребениях (35 штук). Отличаются они друг от друга только размерами, которые колеблются от 15—16 см до 20—22 см (рис. 13). Найдены только однолезвенные, черешковые ножи. Рукояти у них изготовлялись из дерева или кости и насаживались на узкий черешок. Носили их в деревянных или костяных ножнах (найлены остатки подобных ножен) на поясе, с правой или левой стороны. Они служили в качестве универсального орудия труда в повседневном обиходе горца. Однако наличие их в погребениях, по-видимому, надо связывать с древней традицией захоронения умерших с боевым оружием¹²⁴. В пользу этого говорит и то, что ножи обнаружены только в мужских погребениях.

Поясные пряжки также часто встречаются в карачаевских погребениях. Они найдены в 30 погребениях (пп. 110 и др.) и представлены 2 видами.

К первому виду относятся прямоугольно-рамчатые пряжки с подвижным язычком (рис. 13).

Ко второму виду отнесены железные пряжки с подвижным язычком, имеющие рамки в виде полуовала или круглые кольца без язычка, служившие, вероятно, для соединения пояса (рис. 13).

Кроме того, в некоторых погребениях встречаются бронзовые и железные украшения от мужского пояса с отверстием или петлей. Таковыми является группа предметов из погребения № 93 (рис. 13).

В мужских погребениях в области таза и пояса иногда можно видеть бронзовые и серебряные кольца (рис. 13—5), которые предназначались, возможно, для прикрепления к поясу ножей, точила и других предметов повседневного обихода.

Наряду с указанными предметами, в мужских погребениях встречаются железные кресала (пп. 68, 88), точильные бруски (п.39, п. 47), кремешки, а в погребении № 32 были обнаружены астрагалы диких животных. Очевидно в этом погребении был захоронен охотник.

В карачаевских могильниках позднего средневековья редко встречаются (лишь в погребениях 26, 35, 87, 111) двухсторонние и односторонние самшитовые гребни (рис. 13). В погребении № 87 найден гребень с серебряным футляром. Большое число самшитовых гребней, аналогичных нашим, отмечено в инвентаре памятников соседних районов Северного Кавказа. Так, точную аналогию им можно указать среди находок, сделанных в Балкарии (могильник Куспарты XIV—XVI веков, раскопки В. А. Кузнецова)¹²⁵, в Северной Осетии¹²⁶ и Чечено-Ингушетии¹²⁷, а также в адыго-кабардинских курганах XIV—

XVII вв.¹²⁸. Бубенчики, штампованные из листочков бронзы с петелькой наверху, встречались в погребениях № 11, 13, 39, 63 (рис. 13). Такие бубенчики-застежки, с местными отличительными деталями, имеют чрезвычайно широкий хронологический диапазон и территориально распространены повсеместно. Кроме того, в карачаевских погребениях встречались различные пуговицы для одежды (погребения 9, 65, 78). Изготавливали их из бронзы и низкопробного серебра.

Наряду с металлическими пуговицами-застежками найдены пуговицы из шнура, скрученные узелком в виде шарика. Такими являются находки в погребении № 15.

Наперстки являются частой находкой в женских погребениях изучаемого периода. Они найдены в 22 погребениях. Их штамповали из тонкой листовой бронзы. Поверхность некоторых из них покрыта углублениями в виде точек (рис. 13). Наперстки из погребений №№ 65, 92, наряду с пуансоном на рабочей части, опоясаны линией (рис. 13). Они найдены у пояса покойников слева или справа, вместе с обрывками тканей.

Бронзовые наперстки с XIV в. широко применяются на Северном Кавказе и бытуют вплоть до конца рассматриваемого времени¹²⁹.

Железные ножницы найдены двух типов: для стрижки овец и портняжные, применяемые в домашнем быту.

Ножницы, предназначенные для стрижки овец, найдены в погребениях №№ 16, 25, 31 (рис. 13). Они представляют собой массивные орудия, изготовленные из железного прута. Прут этот был скручен так, что их рабочая часть пружинила. Лезвия ножиц путемковки расплюснуты до 2,2 см — 2,5 см шириной. Длина ножиц — 25, 29 см.

Портняжные ножницы представлены II экземплярами из погребений 15, 43, 45, 48, 51, 65, 87, 91, 106, 121, они во многом напоминают современные. Длина ножиц — 17, 18 см (рис. 13).

Таковы орудия труда, обнаруженные в погребениях карачаевских могильников. Большинство из них (наперстки, шилья, ножницы), так же и многочисленные остатки различных тканей с узорами, свидетельствуют о широком развитии швейного ремесла и искусства вышивания.

Ни один из бытовых предметов из могильников Карачая не дает точной и узкой даты, однако следует подчеркнуть, что все они не выходят за рамки XIV — XVIII вв.

№ 2. Украшения

Венчики занимают важное место среди украшений рассматриваемого времени. Они встречались целыми или же в виде разрозненных кусков в 15 женских погребениях (№№ 49, 67,

73, 77, 87, 90, 109 и в склепе № 4 из могильника Картджурт № 2).

В погребениях №№ 49, 73, 87 и 109 и склепе № 4 нами зафиксированы венчики сравнительно хорошей сохранности, сделанные из листовой бронзы и серебра. Они представляют собой металлические пластинки, концы которых постепенно сужаются, а средняя часть их меняет треугольный выступ. Венчики на обоих концах имеют отверстия для прикрепления к лобной части женских головных уборов. Обычно их находят на черепных костях и в большинстве случаев вместе с остатками головных уборов.

Поверхность венчиков, как правило, орнаментирована. Способ нанесения орнамента — это штамп трех видов — линейный в виде «штриховки», «розетки», «пуансон» (орнамент пробит с внутренней стороны венчиков) (рис. 14).

По форме и по орнаментации их можно подразделить на пять типов.

1 тип представлен венчиком из погребения № 87 (рис. 14 — 1). Он представляет собой тонкую серебряную пластинку с прямыми, вертикально срезанными концами. Длина его 19 см, ширина 3 см. В центральной (лобной) части сделан треугольный выступ. Размеры выступа: ширина — 5,5 см, высота — 7 см. На концах венчика имеется по одному отверстию для скрепления его головным убором.

Поверхность венчика украшена орнаментом, состоящим из чередующихся сплошных линий и лунок в виде жемчужин. Линейный орнамент состоит из 3 полосок, расположенных попарно. Промежутки между ними заштрихованы.

К 2 типу относится венчик из погребения № 109. Он также, как и предыдущий, представляет продолговато-удлиненную пластинку. Концы его имеют закругленную форму. В центральной части находится выступ в виде треугольника. На обоих концах венчик имеет по одному отверстию. (Здесь сохранились остатки ниток и истлевшей ткани). Размеры венчика: длина — 26,4 см, высота — 5,4 см. (рис. 14 — 2).

Венчик из погребения № 109 имеет геометрический орнамент на подобие зигзага, совмещенного боковыми сторонами. Все его поле сплошь покрыто штампованным точечным и пунсонным орнаментом с варьирующим диаметром.

3 тип характеризуется венчиком, найденным в склепе № 4. От предыдущих он отличается формой концов, имеющих вид ромбов. На них сделано не по одному, а по три отверстия для пришивания. Сам венчик значительно крупнее вышеописанных (30x4 см).

Центральная часть у него так же выступает и образует фигуру в виде треугольника (рис. 14 — 3). Орнамент, украшающий этот венчик, представляет особый интерес. По центральной оси проходит геометрический орнамент, состоящий из парных ломающихся линий, которые, идя от середины по направлению к концам, принимают вид зигзага. Поле венчика покрыто точечным орнаментом. В центральной части помещена фигура, напоминающая букву «Ф» (рис. 14 — 3).

Здесь уместно вспомнить, что во время работы на ныне действующем кладбище, на левом берегу Кубани, против того же селения Картджурт (рис. 1), нами были осмотрены мусульманские надгробные камни, на лицевой стороне которых были высечены изображения по форме и некоторым другим деталям, сближающиеся с ф-образным орнаментом рассматриваемого венчика. Эти надгробные камни принадлежат покойникам из семьи Крымшамхаловых, а изображения на них являются родовой тамгой.

В этой связи можно предположить, что и склеп, где найден венчик, принадлежит той же фамилии, а ф-образное изображение — является прототипом тамги рода Крымшамхаловых. Возможно, что тамга названного рода первоначально имела такой вид, как изображение на венчике, а позже постепенно совершенствовалась и приняла ту форму, какую можно видеть на надгробных камнях и других предметах, принадлежавших Крымшамхаловым.

В пользу нашего предположения о возможной принадлежности склепа этому роду имеются некоторые и другие данные. Так, например, могильник Картджурт № 2, где найден венчик, образовался в результате длительного слияния мелких родовых могильников. Местные жители и сейчас отдельные участки памятника приписывают определенным родам, а погребения, окружающие склеп, и сам склеп, в котором найден венчик с тамгой, считают могилами Крымшамхаловых. Характерно, что наиболее богатый инвентарь найден именно в погребениях, расположенных на этом участке кладбища. Известно, что Крымшамхаловы были самым богатым родом в Карачае, так как являлись правящими родовыми князьями.

4 тип представлен двумя венчиками из погребения № 49 и № 73. Наиболее интересен венчик из погребения № 49 (рис. 14 — 4). Он представляет собой орнаментированную серебряную пластинку, у которой средняя часть сверху выступает и имеет форму треугольника. Концы пластинки разломаны и поэтому трудно что-нибудь сказать, как они завершались. Можно предположить, что он, как и другие, концами прикреплялся на лобовую часть женских головных уборов. Длина сохранившейся

части — 14 см, максимальная высота — 4 см (рис. 14 — 4). Поверхность венчика покрыта штампованным орнаментом в виде жемчужин, образующих ломающиеся и пересекающиеся линии. Такие же линии проходят по краям пластинки. В середине выступающей части выделяется орнамент, состоящий из семи жемчужин.

5 тип представлен венчиком из погребения № 87 (рис. 14 — 5), который отличается от остальных тем, что в центральной его части отсутствует выступ. Венчик представляет собой тонкую серебряную пластинку продолговато-удлиненных пропорций. От середины, по направлению к обоим концам, венчик постепенно сужается, а затем концы его резко переходят в тупой угол. На концах пластинки имеется по одному отверстию для скрепления с головным убором. Размеры его: длина — 22 см, ширина — 4,4 см.

Венчик из погребения № 87 (1) украшен двумя рядами штампованного орнамента в виде шестилепестковых розеток. Эти изображения окантованы шнуровым узором, выполненным штриховкой и повторяющим контуры венчика.

Венчики, насколько нам известно, не очень распространены на Кавказе, однако, можно все же привести некоторые аналогии из синхронных памятников. Так, подобные украшения известны из сел. Дергавс и Махческ (Северная Осетия)¹³¹. По форме они особенно близки к венчикам из погребений №№ 8, 9, 11. Они также имеют в центре выступ, а на концах снабжены отверстиями для скрепления с головным убором. Орнамент на них состоит из ломаных и волнистых линий, штампованных точек и цветков в виде розеток.

Близки также по технике изготовления и своему назначению два венчика, найдены В. И. Сизовым на черепахах покойников в курганах восточного побережья Черного моря¹³².

Первый из них представлен фрагментами. Поверхность его украшена штампованными медальонами с рельефным изображением фигуры, какого-то зверя (по мнению В. И. Сизова, изображен заяц). Эти медальоны отделяются друг от друга четырьмя полушариями, расположенными крестообразно. Второй также сделан из листового серебра и декорирован аналогично. Курганы, исследованные В. И. Сизовым, хорошо датированы монетами золотоордынских ханов — Узбека и Джанибека XIV — XV вв.

Общее сходство упомянутых венчиков с карачаевскими усиливается, главным образом, техникой изготовления и их назначения. Они сделаны из листового серебра и также служили в качестве украшения головного убора.

Но наиболее близкие карачаевским венчики, найденные в балкарских памятниках изучаемого времени. Так, аналогичные украшения обнаружены И. М. Мизиевым в Курнаятском и Ташлы-Талинском могильниках XIV—XVIII вв.¹³³.

Различные разрозненные тонкие бронзовые пластинки со штампованным орнаментом обнаружены В. А. Кузнецовым на могильнике Коспарта XIV—XVI вв.¹³⁴.

Надо отметить, что балкарские венчики сходны с карачаевскими не только по форме и назначению, но и по общему стилю и манере изображения орнамента.

Интересен в этой связи венчик из погребения № 1 Ташлы-Талинского могильника¹³⁵. По форме он как бы является копией венчика, описанного нами погребения № 3. На нем также имеется штампованный орнамент из четырехугольных цветков и петлевидных вдавлений. Края пластинки, как у наших венчиков, плавно сходятся в центральной части. Длина венчика — 21,1 см, ширина — 4,5 см, высота — 4,1 см. Его поле покрыто штрихованными поперечными линиями, такие же линии проходят по краям. На одном из сохранившихся концов имеются 4 маленьких отверстия диаметром 1,2—1,5 мм. Три таких же отверстия прослежены и в средней части пластинки.

Весьма близкие аналогии описанным (по технике изготовления, назначению и орнаменту) представляют фрагменты венчиков из аланских памятников раннего средневековья, найденные в Карачаево-Черкесии и в соседних районах. Так, орнаментированная пластина, очевидно, фрагмент диадемы или венчика, была найдена в катакомбном могильнике X—XII вв. у г. Кисловодска¹³⁶.

Две длинные и узкие пластины были найдены Т. М. Минаевой в погребениях VII—XIII вв. у г. Карачаевска¹³⁷ (одна из них лежала на черепе, другая — у бедра).

Несколько обломков от головного венчика обнаружены в Дордонском могильнике IX—XI вв. (у г. Карачаевска).

Вышеприведенные украшения, также как и изучаемые венчики, изготовлены из тонкого листового металла (серебро, медь, бронза), и, по-видимому, также служили украшениями головного убора.

Сходство между ними наблюдается не только в технике изготовления и назначения, но и в некоторых деталях орнамента. Так, одним из популярных способов орнаментовки карачаевских венчиков является пуансонные точки, нанесенные путем штамповки. Аналогичный орнамент украшает указанные пластинки аланского времени. И вообще пуансон (точечный орнамент) является наиболее распространенным узором различных украшений (пластинки, амулеты) северокавказских алан.

Итак, венчики, нашивающиеся на головные женские уборы, были известны среди народов Северного Кавказа с раннего средневековья. Однако в более позднее время, а именно, в изучаемую нами эпоху (XIV—XVIII вв.), они уже имели узлокальное распространение, эта особенность женского костюма характеризует в XIV—XVIII вв. только женский наряд у карачаевцев, балкарцев и осетин.

Навершия. Среди карачаевских женских украшений особое место, наряду с венчиками, занимают навершия женского головного убора (рис. 15). В виде отдельных фрагментов они встречались в погребениях №№ 25, 26, 27, 45, 51, 63, 64, 65, 71, в области черепа, причем указанные погребения по инвентарю являются наиболее богатыми. Это, видимо, свидетельствует о том, что навершия употреблялись не всеми, а зажиточной частью населения. Их изготовляли из тонкого листового серебра или бронзы и насаживали на макушку островерхих шапочек. Обычно, к головному убору навершия прикрепляли посредством заклепок или пришивали нитками, для чего служили пробитые у основания наверший специальные отверстия, в них встречаются остатки ниток,

Навершия имеют форму конуса (многие из них напоминают мужской шлем) (рис. 15).

Несмотря на то, что по общей конструкции они близки, между ними имеется несколько отличительных черт, которые позволяют разделить их на 3 подтипа.

I подтип представлен навершиями в виде правильного конуса. Всего известно их 3 штуки (№№ 17, 23, 51, 71, 65). В расширяющейся части они имеют отверстия для прикрепления к головному убору. Часть из них покрыта геометрическим (51, 43) и мелким точечным орнаментом (из погребения № 71) (рис. 15).

II подтип характеризуется единственным экземпляром из погребения № 63 (рис. 15). он также, как и предыдущие, имеет форму конуса. Но в отличие от них, его лобная часть длиннее, чем тыльная сторона (высота лобной части — 12,2 см, а тыльной — 10 см). Это навершие украшено елочным орнаментом, состоящим из двух полосок. Одна из них проходит по середине лобной части от основания, до самого верха, а вторая — по периметру, несколько отступая от основания. Навершие с помощью отверстий скреплялось с головным убором.

III подтип представлен двумя серебряными навершиями из погребения № 45 (рис. 15—4, 6). Они по общей конструкции аналогично выше приведенным украшениям. Но на их верхушке сделаны шишечки в виде шарика. На передней части навершия

№ 6 имеется орнамент, состоящий из знаков, отдаленно напоминающих прописную букву «Ш». Орнамент из них в лобной части образует ромбическую фигуру. Полоска из аналогичных знаков, проходящая от основания до шишечки, разделяет орнаментальное поле на две равные части.

Разновидностями украшений являются различные металлические орнаментированные пластинки, которые нашивались на одежду и к головному убору. Они обнаружены во многих погребениях, но наиболее хорошо представлены в погребениях 9, 15, 25, 35, 39, 43, 45, 50, 65, 77, 80, 81, 88, 90, 97, 106, 108, 114.

Орнамент на них, как и на венчиках, представляет ломаные и волнистые выпуклые линии, выпуклые шишечки и кружки, штриховку, пуансонные точки и пяти- и шестилепестковые розетки.

Подводя итоги по этому разделу, пользуясь данными этнографии, можно попытаться восстановить в некоторой степени общий вид женских шапок изучаемого времени.

Очевидно, они являлись прототипом поздних цилиндрических шапок «Окъя бёрк» с округлым конусообразным верхом, широко бытовавших в Карачае вплоть до начала XX века¹³⁸, которые изготовлялись из различных дорогих тканей или войлока. В пользу этого говорят остатки различных материалов, найденные в погребениях вместе с рассмотренными украшениями.

На лобной части шапок нашивались венчики, а по бокам и тыльной стороне различные орнаментированные пластинки. На самой вершине их насаживались металлические остроконечные наверхия. На эти макушки, по-видимому, привешивались золотые и серебряные подвески (рис. 16).

Такого вида головные уборы обычно встречаются на Северном Кавказе в адыго-кабардинских курганах позднего средневековья. Так, в одном из погребений, близ станицы Андрюковской, была найдена кожаная шапка с накладками листового серебра и с наверхием в виде лунницы на низком стержне, а также с тремя парами грушевидных привесок¹³⁹. В раскопках Д. Я. Самоквасова близ Пятигорска наверхия в виде лунницы на стержне встречались часто, а в одном из курганов Карраса¹⁴⁰ найден был серебряный убор по форме и отделке похожий на карачаевские. Аналогичные головные уборы найдены в известных белореченских курганах Краснодарского края. В. П. Левашева, которая специально занималась изучением белореченских курганов, описывает эти шапки следующим образом: «женские головные уборы делались остроконечные, с макушкой в виде шишака, с лунницей на стержне. В коллекции ГИМ имеется верхняя часть такой шапочки, она войлочная, со стержнем

и лунницей из шелка, расшитая в верхней части шнуром. Такой же формы, но металлическая, верхушка головного убора была найдена в другом богатом погребении. Эта сделана из тонкого листового серебра с накладными узорчатыми пластинками в виде сетки, с гнездами для вставок камней или жемчуга. Снизу этот шишак, так же как и войлочный, должен был иметь какой-то околыш, матерчатый или меховой, чтобы его можно было надеть на голову. В некоторых белороченских погребениях встречались только металлические стержни с лунницами (золотые, серебряные, позолоченные) от подобных же уборов, или одна лунница, без стержня. Одна парчовая шапочка имела наверху обкладку из тонкой серебряной треугольной пластинки, которая придавала шапочке вид шишака, а на вершине ее укреплялась серебряная позолоченная лунница на шарике вместо стержня. Кроме того, эта шапочка была украшена грушевидными привесками на цепочках, свисавшими от макушки, как кисти мужских тюбетеек. Подобные привески встречались, как, отделка шапочек, и в других погребениях»¹⁴¹.

Как видно из приведенного описания, адыго-кабардинские шапки по технике изготовления и форме близки головным уборам из карачаевских могильников. От последних они отличаются тем, что на лобной части их отсутствуют венчики, тогда как у карачаевских уборов венчики являются наиболее характерной деталью. Кроме того, адыго-кабардинские шапочки завершаются стержнем в виде лунницы¹⁴².

В заключение следует отметить, что подобные же, но несколько другого фасона, шапки, называемые «бокка», носились женщинами в эпоху Золотой Орды¹⁴³.

Бокка является характерным для монголов женским головным убором. Устройство бокки хорошо описано Плано Карпини. «На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот (убор) все увеличивается в ширину, а наверху имеет длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева, даже перо, и этот убор нашит на шапочке, которая простирается до плеч¹⁴⁴, сходное описание бокки дает также Рубрук¹⁴⁵.

Любопытно отметить, что слово «бокка», в значении шапочка, имеется и в современном карачаевском языке. Очевидно, оно появилось в нем в золотоордынский период. Вполне возможно, что и самые наверхия на шапочках распространялись у народов Северного Кавказа (у карачаевцев и кабардинцев) в тот же период.

Что же касается другой одежды, можно только говорить о

том, что для изготовления ее применялись различные ткани от тонких шелковых до грубых домотканых, а также парчовые ткани с вышивками, выполненными иногда золочеными нитями. Остатки таких тканей обнаружены во многих погребениях.

В погребении № 84 найдены остатки шарфа или платка сравнительно хорошей сохранности. Хорошо заметна и вышивка — восьмилепестковые розетки (диаметром 1,2 см). Они расположены друг от друга на расстоянии — 3 см и в центре каждой имеется небольшой круг. Розетки снабжены узором в виде елочек.

О большом распространении в обиходе карачаевцев кожи и войлока свидетельствуют многочисленные находки остатков их в погребениях.

Перстни среди других категорий украшений, происходящих из могильников Карачая, занимают в количественном отношении заметное место. Они найдены в погребениях 12, 15, 25, 43, 48, 50, 63, 67, 77, 80, 85, 92, 100, 103, 106, 109, 111 (38 штук) и представлены двумя типами.

К первому типу (37 штук) относятся перстни, изготовленные из сплава серебра и бронзы. Они имеют круглый щиток, вырезанный из одной пластинки с кольцом и украшенный вставленными в гнездышке разноцветными камнями (рис. 17). Некоторые из них (пп. 12, 15, 25, 77, 80, 90) имеют узорчатый щиток (рис. 17).

Подобные перстни обычны для памятников Северного Кавказа в эпоху позднего средневековья. Так, например, перстни указанного типа были найдены в могильниках Коспорты XIV — XVI вв.¹⁴⁶ и Байрмы XIII — XV вв. — в Балкарии. Аналогичные им известны в могильниках Курноят и Ташлы-Тала (Балкария), датированных XIV — XVIII вв.¹⁴⁷

Второй тип представлен перстнем из погребения № 68. Он изготовлен из тонкого листового серебра и в средней части имеет выступ (рис. 17—6). Такие перстни известны в кабардинских курганах XIV — XVI вв.¹⁴⁸. Другие точные аналогии нам неизвестны.

Серьги весьма редко встречаются в погребениях. В погребениях №№ 26, 63 обнаружены по одной серьге. Найденная в погребении № 26 представляет собой металлическую пластинку, которая завершается тремя полыми шариками (рис. 18), у серьги из погребения № 63 конец обломан. Видимо, она имела форму, напоминающую знак вопроса (рис. 18—9).

Находки подобных серег обычны в инвентаре памятников XIV—XVIII вв. на Северном Кавказе. Так, серьги из металлической пластинки, известны среди материалов сел. Махческ

(С. Осетия) и датируются импортной стеклянной посудой XIV—XVII вв.¹⁴⁹. Ближайшие аналогии можно найти среди материалов могильника Курноят XIV—XVIII вв.¹⁵⁰. Подобные серьги были обнаружены также в кабардинских курганах¹⁵¹, и в чечено-ингушских склепах XV—XVII вв.¹⁵².

Подвески и застежки. В погребении № 71 обнаружены две серебряные подвески. Подвески состоят из загнутой плоской листовой пластинки, имеющей очертания капли. Пластинка прикреплена вершиной к трем шарикам, нанизанным на общую ось (рис. 18—10, 11). Они являлись украшением женского головного убора и, повидимому, подвешивались на навершие вышеуказанных островерхих шапочек. Довольно часто в грунтовых погребениях встречаются застежки, украшающие нагрудник женского костюма. Найдены они в 4 погребениях в количестве 56 экземпляров. Наиболее ценной находкой является нагрудное украшение хорошей сохранности из погребения № 87. Оно состоит из 48 серебряных пряжек с отверстиями, пришитых в два ряда к ткани и представляют собой прообраз поздних застежек женского костюма, широко бытовавших во всех районах Северного Кавказа, отличаясь от поздних застежек только меньшими размерами (рис. 18).

Застежки указанного типа известны из многих памятников Северной Осетии XIV—XVIII вв. Так, аналогичные застежки в большом количестве известны среди материалов, найденных в сел. Лизгор XIV—XVI вв.¹⁵³, обнаружены в склепах сел. Дергавс.¹⁵⁴ Такие застежки бытовали вплоть до XIX века¹⁵⁵. Часть осетинских застежек (из сел. Дергавса и Лизгор) более массивна, имеет на поверхности растительный узор, которые не встречаются на карачаевских украшениях.

Застежки указанного типа характерны и для инвентаря могильников Балкарии изучаемого времени¹⁵⁶. В погребальном инвентаре памятников Чечено-Ингушетии, Кабарды, Черкесии — мне они неизвестны.

Бусы встречаются в женских погребениях, но в небольшом количестве. По материалу, из которого их изготовляли, можно выделить несколько групп. Это бусы из белого и голубого непрозрачного стекла, хрусталя и гагата. Обычно бусы, сделанные из непрозрачного стекла, (рис. 17), представляют собой мелкий бисер (от 0,3 до 0,5 мм в сечении). Интересна крупная боченкообразная бусинка из черной пасты с белыми прожилками из погребений № 26 (рис. 17). Из хрусталя и гагата (рис. 17) изготовлялись граненые и желобчатые бусы.

Аналогичные бусы известны в инвентаре многих позднесредневековых памятников Северного Кавказа.

Кроме бус бытовали металлические подвески — амулеты

треугольной формы со вставными перламутровыми пластинками. Таковыми являются находки в погребениях 22, 25, 27.

Приведенные нами аналогии тем находкам, которые были сделаны в карачаевских могильниках, по-видимому позволяют датировать их в пределах XIV — XVIII вв. Этой дате не противоречат и другие предметы (ножи, ножницы, кресала, точильные бруски, наперстки), сопутствующие в карачаевских погребениях основному датирующему материалу. Такие рядовые предметы являются неотъемлемой принадлежностью почти всех могильников Северного Кавказа позднего средневековья. Так, например, аналогичные ножи, кресла и точильные бруски найдены в многочисленных кабардино-черкесских курганах, датированных XIV—XVI вв.¹⁵⁷ Много подобных вещей известно и из пещерных и склеповых погребений Чечено-Ингушетии XV—XVII вв.¹⁵⁸ Все эти вещи находят аналогии и в инвентаре склеповых могильников Северной Осетии изучаемого времени¹⁵⁹. То же самое можно сказать о ножницах (портняжных и для стрижки овец), бронзовых наперстках и других предметах, обнаруженных во всех перечисленных могильниках¹⁶⁶.

Наконец, весьма существенно, что и по инвентарю, как и по погребальному обряду, наиболее близкими памятниками описаным карачаевским погребениям, являются могильники соседней Балкарии: Коспарты, Курноят, Ташлы Тала, суммарно относящиеся к XIV — XVIII вв. Здесь обнаружены такие же ножи, ножницы, кресла, точильные бруски, обрывки тканей, ножи, войлока и другие предметы указанного типа¹⁶¹.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Могильный инвентарь и погребальный обряд карачаевских могильников дают некоторые представления о религиозных верованиях карачаевцев в изучаемое время.

Так, наличие в могилах орудий труда, бытовых предметов и украшений дает право говорить, что в рассматриваемое время карачаевцы продолжали верить в загробную жизнь. В их представлении умершие сородичи и после смерти продолжали вести такую же жизнь, как на земле, поэтому и в могилу клали все те вещи, которые так были необходимы человеку при его жизни. Находки, сделанные в могилах, свидетельствуют о довольно высокой материальной культуре местного населения, жившего в условиях высокогорья. Предметы быта карачаевцев XIV — XVIII вв., несмотря на слабую их изученность, обнаруживают признаки этнического своеобразия. Так, в погребениях найдены искусно сделанные орнаментированные венчики, пластинки, наверхия шапочек. Они наиболее характерны для памятников Карачая и являются, без сомнения, изделиями местного производ-

ства. Наряду с этим, чисто местными вещами в могильниках присутствуют многие предметы (ножи, пожницы, кресала, пряжки, бубенчики, серьги и т. д.), характерные для всех народов Северного Кавказа. Правда, в каждом районе они имеют некоторые, местные отличительные детали. Тем не менее между ними больше общих, объединяющих черт, чем отличительных, и, несомненно, указанные предметы относятся к одному хронологическому периоду. Последнее свидетельствует о том, что близкие естественно-географические условия и социально-экономические контакты между народами, населявшими Северный Кавказ, способствовали взаимосвязи и тем самым взаимообогащению материальной культуры горского населения Северного Кавказа.

Привозными материалами, встреченными в могильниках, являются остатки различных дорогих тканей и, главным образом, бусы. Наличие их в погребениях свидетельствует о существовании различных форм связи и обмена не только между народами Кавказа, но и с более отдаленными странами. Однако, привозных вещей за исключением тканей, найдено весьма немного. Видимо привозные дорогие материалы в позднем средневековье были доступны лишь феодальной верхушке.

Рассмотренные нами позднесредневековые погребальные памятники свидетельствуют и о том, что в изучаемую эпоху на территории Карачая бытовали грунтовые могилы, надземные склепы и курганы. Наиболее распространенным типом погребальных сооружений, в которых хоронила умерших основная масса населения в XIV—XVIII вв., были грунтовые ямы. В порядке постановки вопроса, можно сделать предположение о возможной преемственности их от аналогичных погребальных ям протоболгар, которые очевидно, приняли участие в этногенезе карачаевцев. Наряду с грунтовыми ямами, одновременно на одних и тех же могильниках, бытуют наземные склепы — яркие памятники погребальной архитектуры горцев Северного Кавказа. Возникновение их на территории Карачая, на мой взгляд, следует объяснять результатом социально-экономического развития общества, способствовавшего выделению из общей массы населения крупных феодальных фамилий и родов. Определенную роль также, по-видимому, играл в этом процессе культ вождей, который был сильно развит у карачаевцев в эпоху становления и развития феодальных отношений.

Погребальный инвентарь дает также представление об уровне и технике ремесленного производства. Обнаруженные в погребениях женские украшения (орнаментированные пластинки и венчики, женские шапки, нагрудные украшения) являются важным этнографическим материалом, они свидетельствуют о

высокой бытовой культуре местного населения, жившего в условиях высокогорья.

Археологический материал позволяет сделать вывод о том, что многие факты и явления материальной культуры карачаевцев находят себе аналогии в культуре других народов Северного Кавказа.

Эта общность, прежде всего, прослеживается в форме погребальных сооружений. Так, карачаевские курганы имеют ближайшие аналогии в кабардино-черкесских курганных захоронениях Северного Кавказа. Это сходство хорошо прослеживается и в форме надмогильной насыпи и в погребальном обряде.

Общность проявляется также в традиции сооружать мону-ментальные погребальные сооружения — надземные склепы. Сравнительный анализ погребальных памятников соседних районов показывает, что склепы, близкие карачаевским, распространены и в других районах Северного Кавказа, а также в горных районах Закавказья. Следует отметить, что карачаевские склепы по архитектуре и по практиковавшемуся в них погребальному обряду наиболее близки осетинским склепам, но особенно они близки балкарским слеповым захоронениям, что наибольшее отличие от карачаевских склепов имеют памятники Чечено-Ингушетии.

Общность в материальной культуре народов Северного Кавказа особенно хорошо прослеживается в погребальном инвентаре. Бытовые предметы (ножи, кресала, точильные бруски, ножицы, напёрстки и т. д.), аналогичные карачаевским, найдены в синхронных памятниках Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии Кабарды и Черкесии. То же самое можно сказать о серьгах, перстнях, бусах и других предметах из всех перечисленных районов.

Таким образом, в культуре карачаевцев присутствуют многие элементы, характерные для других народов Кавказа. Вероятно, многие общие черты в материальной культуре у народов Кавказа складывались благодаря тесному культурному общению, а также под воздействием аналогичных или близких географических условий и близкому уровню социального развития.

Особо следует сказать, что наибольшее сходство материальной культуры карачаевцев прослеживается с балкарцами, с которыми они связаны общим происхождением и общей многовековой историей и одинаковыми социально-экономическими условиями жизни. Это прослеживается во многих сторонах материальной культуры, в частности, в типах погребальных сооружений, погребальном обряде и инвентаре.

Вместе с тем, как и у других народов, в культуре карачаевцев наблюдаются и свои специфические особенности характеризующие их этническое своеобразие. Так, для всех погребальных памятников Карачая характерно единство погребального обряда, что выражается, прежде всего, в наличии камней в могилах; в одинаковой западной ориентировке покойников, в традиционном положении умерших — лежат на спине, вытянуто; в наличии на дне могильных ям хорошо прослеживаемого древесного угля.

Некоторое своеобразие проявляется также в погребальном инвентаре. Таковы искусно сделанные орнаментированные венчики, пластинки, навершие шапочек, застёжки. Аналогичные вещи, хотя и встречаются среди древностей Северной Осетии (венчики, застёжки) и Балкарии, но они наиболее характерны для памятников Карачая.

Таким образом, в материальной культуре карачаевцев в период позднего средневековья наблюдаются некоторые специфические локальные черты, придающие ей определенное своеобразие.

В заключение остановимся на вопросах происхождения карачаевцев. Вопрос о происхождении карачаевцев и балкарцев привлекает внимание исследователей с давних времен. Ему посвящена сравнительно многочисленная литература — исследования ученых самых различных специальностей. О происхождении этих народов существуют самые различные теории и гипотезы, порой противоположные и исключающие друг от друга¹⁶². Но большинство этих гипотез были неаргументированными предположениями и в настоящее время уже не находят сторонников. Существенным недостатком указанных теорий являлось стремление отождествить современных карачаево-балкарцев с теми или иными древними народами иначе говоря, все исследователи искали прямых предков.

Такой подход, как показали исследования советских учёных, ничем не оправдан и не может научно осветить процесс формирования народа, ибо, как почти все современные народы, карачаевцы и балкарцы не являются чистым этническим образованием. Карачаевцы и балкарцы в своем составе имеют различные этнические элементы.

Сложный смешанный характер их культуры хорошо чувствуется при изучении данных археологии, фольклора, этнографии. Поэтому трудно не согласиться с С. А. Токаревым, который пишет что «никогда нельзя безоговорочно сблизить ни один современный народ ни с одним древним»¹⁶³.

В последнее время исследователи полагают, что карачаевцы и балкарцы образовались в результате смешения нескольких компонентов. В этом плане большой интерес представляют работы Л. И. Лаврова¹⁶⁴, Х. О. Лайпанова¹⁶⁵, Е. П. Алексеевой¹⁶⁶, В. А. Кузнецова¹⁶⁷, С. К. Бабаева¹⁶⁸, А. Х. Соттаева¹⁶⁹, М. А. Хабичева¹⁷⁰ и т. д.

Тем не менее, происхождение карачаевцев и балкарцев остается спорным остро дискуссионным¹⁷¹. Наиболее вероятными слагаемыми в этногенезе указанных народов признаются болгары, аланы, половцы и местные кавказские племена — потомки кобаской культуры. Спор между учеными идет в основном о том, какой из этих компонентов был главным доминирующим в сложном процессе формирования карачаево-балкарского народа.

Последние годы некоторые ученые полагают, что в этногенезе карачаевцев и балкарцев решающую роль сыграли аборигены Кавказа (носители кобанской культуры в эпоху бронзы), которые растворили в своей среде пришлые тюрские племена¹⁷². Для доказательства своих положений они опираются на данные археологии, этнографии и антропологии.

Действительно, в культуре указанных народов прослеживаются некоторые элементы, общие для многих кавказских народов. Так, в охотничьей мифологии карачаевцев бытует культ бога охоты Абсаты, известный у всех народов Западного Кавказа под тем же названием¹⁷³. У карачаевцев и балкарцев имеется нартский эпос, как и у других народов Центрального Кавказа¹⁷⁴. В пользу кавказского элемента в составе изучаемых народов также говорят данные антропологии¹⁷⁵. Поэтому отрицать исторические связи предков карачаевцев с кавказскими племенами нет никаких оснований и попытка некоторых лингвистов представить их чистыми тюрками¹⁷⁶, не заслуживает внимания.

Однако нет также никаких оснований полагать, что местные кавказские племена составили этническое ядро карачаевцев. Этой гипотезе серьезно противоречат данные археологии и особенно языка.

Не состоятельна также попытка сторонников этой теории опереться на этнографические материалы. Ибо, во-первых, для доказательства своих положений они оперируют в основном материалами кавказской этнографии¹⁷⁷, игнорируя данные этнографии тюркоязычных народов.

Во-вторых, если в культуре карачаевцев бытуют элементы кавказской культуры (это не вызывает сомнения), то совершенно неправомерно отсюда делать вывод о главной роли местного компонента в формировании их. Не стоит удивляться тому фак-

ту, что в культуре карачаевцев имеются общие элементы с культурой соседних народов, так как в течение многих столетий они находятся в соседстве с народами Кавказа, живут в одинаковых физико-географических условиях и на одном социально-экономическом уровне. Очевидно, что некоторые этнографические элементы, общие для карачаевцев и кавказских народов, выработались благодаря указанным общим условиям жизни и являются результатом позднейших историко-культурных взаимодействий¹⁷⁸.

Наконец, не лишнее еще раз отметить, что защитники автотонной теории совершенно упускают из виду то обстоятельство, что, как кавказские племена, составившие, по их мнению, ядро карачаевцев полностью потеряли свой язык. Каким образом племена, оттесненные в горы Кавказа более могущественными соседями, навязали местным племенам свой язык? Попытка обосновать победы пришлого языка тем, что «тюркские языки гораздо легче усваиваются населением»¹⁷⁹, не убедительны. Вспомним для примера хотя бы болгарскую орду Аспаруха, пришедшую в середине VII в. на Дунай. В течение двухсот лет феодальная знать занимала господствующее положение в современной Болгарии. Тем не менее, в силу малочисленности, по сравнению с местным населением, они полностью растворились среди славян. Современный болгарский народ и по культуре и по языку является славянским народом. У них из тюркской культуры древних болгар сохранились только отдельные реликты.

Если статья на сторону кавказского происхождения карачаевцев, то мы вправе полагать, что местные племена должны были сохранить свой язык — свой словарный запас и грамматику языка, как и славянские племена, которые составили ядро населения современной Болгарской Народной Республики. На худой конец карачаевцы должны были иметь язык смешанный. Но карачаево-балкарский язык является тюркским. Более того, в нем имеются некоторые более древние черты, чем в других тюркских языках¹⁸⁰. Это факт вместе с другими данными дает нам основание предположить, что местные племена участвовали в этногенезе карачаевцев и балкарцев, но не в качестве главного компонента, а как второстепенный элемент и были ассимилированы пришлым населением. Это произошло по-видимому, потому, что тюркоязычные племена, которые начали проникать с первых веков н. э. на территорию Северного Кавказа, являлись многочисленнее, чем местное население, были политически господствующей общностью. В свою очередь пришельцы сами переняли у местного населения некоторые черты культуры, особенно материальной. В этом проявлялась одна из общих закономерностей формирования карачаевцев, как этноса.

Участие алан в этногенезе карачаевцев и балкарцев в настоящее время признают почти все исследователи. Специалисты смежных дисциплин приводят много фактов в пользу аланского компонента в этногенезе карачаевцев¹⁸¹.

В этой связи уместно вспомнить еще раз о близости карачаево-балкарских венчиков, различных пластинок с аналогичными украшениями аланского времени. Одним из излюбленных мотивов этих украшений является пуансон, нанесенный путем штамповки (рис. 14), который широко был распространен еще в аланской орнаментике (венчики, амулеты, пояса).

Небезынтересно отметить, что орнаментированные венчики и пластинки в эпоху позднего средневековья встречаются на Северном Кавказе только в карачаево-балкарских и осетинских древностях. Это, по-видимому свидетельствует о том, что эти предметы указанными народами унаследованы от алан, которые, участвовали в их этногенезе. Учитывая все это, мы присоединяемся к авторитетному мнению наших предшественников о аланском компоненте в этногенезе карачаевцев.

Более сложным является вопрос о тюркском компоненте в этногенезе карачаевцев и балкарцев. Некоторые исследователи полагают, что одним из основных этнических слагаемых в формировании указанных народов были кипчаки¹⁸². Основным аргументом в пользу кипчакской теории являются данные языка. Как известно, согласно последней классификации, карачаево-балкарский язык в составе тюркских языков включен в кипчак-огузскую или половецкую группу языков¹⁸³. Однако это мнение не находит сторонников в среде специалистов по карачаево-балкарскому языку. Так, крупный специалист по карачаево-балкарскому языку У. Б. Алиев полагает, что «язык карачаевцев и балкарцев относится к языкам, в которых в начале слов употребляется аффриката дж вместо фрикативного й (йот). Кипчакские тексты XVI в. относятся к языкам, в которых вместо аффрикаты «дж» употребляется фрикативный звук I (йот). По законам фонетики тюркских языков аффриката дж может перейти в фрикативный звук й, но й (йот) в африкату перейти не может¹⁸⁴.

«Если половецкий язык был йокающим, то видеть в половцах предков карачаево-балкарцев неправомерно. Предков карачаево-балкарцев следует искать не в йокающих, а джокающих и окаяще — цокающих племенах», — читаем у Ш. Х. Акбаева¹⁸⁵.

С. К. Бабаев и Л. Х. Согтаев, сравнивая образцы языка древних болгар с карачаево-балкарским, приходят к выводу, что основой их языка явился древне-болгарский язык, которому характерно «джокание» в отличие от «йоканья» в кипчакском язы-

ке¹⁸⁶. Более того, А. Х. Соттаев полагает, что при классификации тюркских языков, балкаро-карачаевский язык должен быть включен в древнебулгарскую группу¹⁸⁷. М. А. Хабичев полагает, что «Карачаево-балкарский язык — джокающий (жокающий, зокающий), что сближает его с джокающими языками, к числу которых относится и древнебулгарский язык»¹⁸⁸. Такого мнения и другие специалисты по караево-балкарскому языку¹⁸⁹.

По мнению К. М. Мусаева в лексикологическом развитии караево - балкарского языка важное место занимает булгарско-хазарский период¹⁹⁰.

Как видно из вышеизложенного, вопрос о предке караево-балкарского языка в науке остается спорным. Поэтому попытка сторонников кипчакской теории опереться на данные языки, нам представляется пока преждевременной. Возможно, кипчаки проникли в среду предков караевоцев. Однако вряд ли это проникновение было доминирующим. В пользу нашего предложения говорят также данные антропологии. Так, В. П. Алексеев констатировал, что в «свете данных антропологии кипчакская гипотеза должна пониматься... скорее как выражение, имевшего место культурного взаимодействия, а не генетического родства»¹⁹¹.

В пользу незначительного удельного веса кипчаков в этногенезе этих двух народов свидетельствуют и археологические памятники. Мы имели случаи отметить, что в Караево курганов по сравнению с другими погребальными сооружениями, ничтожное меньшинство. О несостоятельности попытки связать поздние склепы с аналогичными сооружениями половцев мы также уже говорили.

Небезынтересно отметить и такой любопытный факт. Все народы (казахи, киргизы, узбеки, татары, алтайцы, башкиры, ногайцы), в этногенезе которых в большей или меньшей мере участвовали кипчаки, в памяти (в языке) сохранили этноним кипчак.

Например, у вышеуказанных народов бытуют роды, фамилии, имена под этнонимом «кипчак» «кипчаковы»¹⁹², чего нет ни у караевоцев, ни у балкарцев. У них бытуют этнонимы «алаи», «асы», «болгар», (балкар).

Исходя из сказанного, можно допустить кипчакский компонент, но полагать, что он был основным ядром в этногенезе караевоцев и балкарцев при современном состоянии классификации их языка, рискованно.

Среди различных гипотез о происхождении караевоцев и балкарцев важное место занимает теория о болгарском происхождении их.

Теория о болгарском происхождении балкарцев была выдвинута еще до революции¹⁹³. Болгарской версии происхождения их придерживаются советские исследователи М. И. Артамонов¹⁹⁴, Н. Ф. Яковлев¹⁹⁵. Большое значение болгарскому компоненту в этногенезе указанных народов придают С. К. Бабаев¹⁹⁶ и А. Х. Соттаев¹⁹⁷. Но наиболее подробную аргументацию болгарского компонента в этногенезе карачаевцев и балкарцев дали археологи В. А. Кузнецов¹⁹⁸, Е. П. Алексеева¹⁹⁹, Я. А. и Г. Я. Федоровы²⁰⁰, М. А. Хабичев²⁰¹.

Эту теорию поддерживают И. М. Мизиев²⁰², болгарские ученые И. Коев²⁰³ и У. В. Кристанов²⁰⁴.

Болгарский компонент в этногенезе карачаевцев признают также Х. О. Лайпанов²⁰⁵, который специально занимался этногенезом карачаевцев, А. П. Ковалевский²⁰⁶ и В. Ф. Каховский²⁰⁷, специалисты по истории болгар и савир.

Нам представляется вполне реальным мнение указанных авторов о болгарском компоненте в карачаево-балкарском этногенезе, если учесть что они населяли Северный Кавказ с древнейших времен. Так, автор IV в. Мар Абас Котина в своем труде «Начальная история Армении» страну болгар локализует к северу от Кавказского хребта «в цепи Кавказской горы»²⁰⁸. Археологический материал дает основание говорить о ранней и неоднократной инфильтрации древних болгар в предгорья и горы Центрального Кавказа. Так, в 1978 году экспедиция КЧНИИ вела раскопки могильника Джамагат, расположенного недалеко от г. Теберда и вскрыла 16 погребений. Могилы памятника представляют собой простые грунтовые ямы, заваленные камнями. Погребенные лежали вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками: ориентированы головами на юг или на юго-запад. Скелеты покоились на дне ямы в гробах, колодах или в несоединенных между собой деревянных плахах, образующих четырехугольные рамы. Важно отметить, что в могилах найдены скелеты животных (лошадей и овец) или отдельные кости их. Погребальный инвентарь представлен керамикой, бусами, браслетами, фибулами, пряжками, бронзовыми котлами, железными мечами и кинжалами, кольчатыми удилами и стремениами. Инвентарь позволяет могильник отнести к IV—V вв. н. э. Джамагатские погребения по инвентарю могут быть сопоставлены с памятниками IV—VII вв. Карачаево-Черкесии. Особенно близкие аналогии нашим погребениям имеют инвентарь могильников Кумыш-башы, Байтал-Чапхан, Узун-кол и т. д. Но погребальный обряд могильника не характерен одновременным памятникам Карачаево-Черкесии, ибо местные племена в средние века хоронили покойников в сооружениях, сделанных из камня или

в катакомбах (аланы). Между тем обряд погребения могильника (форма могил, колоды, гробы, положение покойников, скелеты животных) имеет очень близкие аналогии в погребальных памятниках древних болгар салтово-маяцкой культуры. Погребальный обряд памятника полностью сопоставим особенно с Волоконовским могильником древних болгар²⁰⁹. Следует отметить, что и керамика могильника представляет собой ранние формы болгаро-аланской посуды VIII—X вв. н. э. Если учесть, что грунтовые могилы не характерны для горных районов Карачаево-Черкесии, вышеприведенные аналогии позволяют высказать гипотезу в пользу болгарской принадлежности могильника. В этой связи крайне важно отметить, что аналогичные памятники открыты и в других районах Карачаево-Черкесии. В частности, грунтовые могильники зафиксированы археологической экспедицией института, возглавляемой автором в 1974 г. у аула Сары-тюз, в 1974 г. в юго-восточной окраине аула Хузрук, в 1978 г. в западной стороне аула Верхняя Теберда (ущелье Гидам). Если наше предположение верно, то открытие древнеболгарского могильника IV—V вв. н. э. имеет большое значение для археологии Северного Кавказа, ибо неопровержимо свидетельствует о раннем проникновении их на территорию Карачаево-Черкесии. Есть все основания утверждать, что Джамагатский могильник был оставлен болгарским населением ушедшим из степей Северного Кавказа в период гуннского нашествия. Следовательно с этого времени мы должны начинать период тюркизации местных племен и алан болгарами. Очевидно это был первый этап проникновения болгар на территорию Карачаево-Черкесии. Следующий этап проникновения их на указанную территорию и соседние районы следует увязать с эпохой возвышения Хазарского Каганата и установления его господства на Северном Кавказе. Об этом свидетельствуют археологические и эпиграфические материалы, накопленные за последние годы.

Так, в последнее время в районе Кисловодска и в Карачаево-Черкесии В. А. Кузнецовым, Е. П. Алексеевой и В. Б. Ковалевской исследованы ряд поселений, суммарно датирующиеся VIII—X вв.²¹⁰. По мнению авторов раскопок, эти памятники оставлены болгарами. Одним из основных аргументов в пользу последнего тезиса является то, что в этих поселениях обнаружены в большом количестве обломки глиняных котлов с внутренними ушками. Ареал находок этих котлов совпадает с границами расселения болгарских племен и большинство исследователей эти котлы считают свойственными болгарам раннего средневековья²¹². Керамика указанного типа бытует и в других па-

мятниках Карачаево-Черкесии. Так, котлы с внутренними ушками найдены на поселениях: Гиляч, Адиух, Токмак--Кая, Тамара²¹³, Важное, и т. д. Важно отметить, что болгарские поселения найдены недавно и в Кабардино-Балкарии²¹⁴.

Крайне важно отметить, что о проникновении в этот район болгар свидетельствуют и погребальные памятники. Так, болгарские могильники известны на территории Кабардино-Балкарии (Зилги, Кардан, Кешенеалы) и в Карачаево-Черкесии (Римгора)²¹⁵. Эти памятники с болгарскими могильниками Дунайской Болгарии (Новый Пазар), Подонья и Поволжья связаны не только одинаковым устройством могильных ям, но и однообразным погребальным обрядом, а также сходными по типу инвентарем²¹⁶.

Более того, погребения Кардан, по словам автора раскопок В. Ф. Миллера, как и карачаево-балкарские грунтовые могилы, представляли собой ямы, заваленные камнями, а в одной из могил были зафиксированы куски дерева²¹⁷.

В этой связи достоин внимания вопрос о этнической принадлежности многочисленных скальных могильников, открытых в Карачаево-Черкесии и соседних районах в последние годы. По мнению некоторых исследователей они принадлежат аланам²¹⁸. Но имеющиеся материалы, на наш взгляд, говорят в пользу болгарской принадлежности их. Так, во многих захоронениях указанных могильников найдены типичные болгарские глиняные котлы с внутренними ушками²¹⁹. Помимо этого, скальные могильники, как и болгарские поселения, начинают функционировать на рубеже VII—VIII вв. Наконец, вышеотмеченные памятники отсутствуют в Северной Осетии, где в средние века прочно бытовало значительное аланское население.

Но еще более убедительным подтверждением положения о том, что болгары проникли на рассматриваемую территорию, служат памятники древнетюркского рунического письма, обнаруженные в Карачаево-Черкесии. Так, за последние годы открыты рунические надписи по всей территории области: «от Малки, — на востоке, до Лабы — на западе, от подножия Эльбруса — на юге, до Джегуты — на севере»²²⁰. Очень важно отметить, что ареал вышеуказанных надписей совпадает с территорией распространения болгарских памятников (поселения, скальные могильники). По мнению С. Я. Байчорова «верхнекубанские надписи могут быть прочитаны на одном из диалектов языка протобулгар»²²¹.

Обнаружение древнетюркских памятников в верховьях Кубани имеет, по словам В. А. Кузнецова, большое значение для археологии и истории Северного Кавказа. Оно ставит перед

наукой новые проблемы и открывает новые пути разрешения важных вопросов об этническом составе алан, о происхождении карачаевцев и балкарцев²²².

Наличие болгарского населения здесь подтверждают также топонимические материалы²²³.

Итак, вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что болгарским племенам принадлежала в период раннего средневековья значительная доля в этническом составе населения края.

Если учесть, что обряд погребения является весьма стойким этнографическим признаком, то совпадение погребального обряда карачаевцев и болгар не случайно, и, по-видимому, свидетельствует о болгарском компоненте в этногенезе карачаевцев.

Как справедливо полагают многие исследователи, пришлые племена вступили в глубокие этнические и культурные связи с местным населением в результате чего какая-то часть алан впоследствии была ассимилирована болгарами. Очевидно, указанные этнические процессы сыграли решающее значение в формировании древнейшего ядра карачаевского народа²²⁴.

Наконец, необходимо учитывать и этнографический материал, относящийся к различным аспектам культуры современных карачаевцев. На первый взгляд, карачаевцы, живущие в течение многих веков изолировано от тюркского мира, среди кавказских народов, мало чем отличаются по культуре и быту от своих соседей. Но при тщательном изучении этнографии у них можно найти немало материала, связанного с тюркскими традициями. В этой связи попытаемся проследить эти черты и сопоставить их с этнографическими материалами тюркских народов. Особенно перспективно сопоставление с культурой чувашей и отчасти казанских татар, в этногенезе которых также активное участие приняли болгарские племена.

В области материальной культуры черты былой степной жизни предков карачаевцев и балкарцев прослеживаются в характере занятий, внутреннем убранстве и деталях архитектуры жилых помещений и пище²²⁵.

Пережитки тюркоязычных предков могут быть намечены и в народном календаре карачаевцев. Так, судя по этнографическим материалам, в прошлом карачаевцы счет годам вели по двенадцатилетнему животному циклу²²⁶. Такой способ летоисчисления характерен для тюркских и монгольских народов²²⁷. Аналогичный способ летоисчисления в прошлом практиковался у болгар и у чувашей²²⁸.

У карачаевцев существует богатая номенклатура названий для различных возрастов и цветов животных²²⁹. Карачаевцы и балкарцы, как и многие тюркские народы, практикуют систему наименования животных по наличию и состоянию зубов²³⁰.

Излюбленными видами питания карачаевцев являются мясо-молочные продукты. Не только названия этих продуктов (эт, сют, каймак, айран, бышлакъ, шорпа, джёрме, кыйма), но и способ приготовления их носит чисто тюркский характер²³¹.

Более того, В. Ф. Каховский, анализируя способ приготовления пищи балкарцев, полагает, что несмотря на общетюркский характер их, имеются специфические черты, сближающие балкар с чувашами²³².

Следы древнейших связей предков карачаевцев с тюркскими народами сохранились в некоторых деталях жилища и особенно во внутреннем убранстве помещения²³³.

Некоторые связи могут быть намечены и в одежде карачаевцев с тюркскими народами. Например, в прошлом карачаевцы для пастухов изготовляли из войлока верхнюю одежду прямого покроя — гебенек²³⁴. Материал, назначение этой одежды, ее название вполне совпадают с типом одежды других тюркских народов. Достаточно сказать, что они бытовали у древних тюрков²³⁵, киргизов²³⁶, у малоазийских турков. Такой вид одежды, под тем же названием, отмечает Ибн — Фадлен. Как указывает К. Шаниязов, аналогичные одежды под названием чайдам носили карлуки Шургинского района в Узбекистане²³⁷. Все это дает основание полагать, что гебенек восходит к древним тюркским образцам одежды, характерными для скотоводов и воинов.

От тюркских предков, на мой взгляд, происходит гакже конусообразные женские головные уборы, о которых мы уже говорили в предыдущем разделе.

В пользу этого говорят: во-первых, то, что различные головные уборы конической формы в прошлом широко бытовали у многих тюркских народов²³⁸, во-вторых, подобные шапки не были известны в древности на Кавказе, в-третьих, они в эпоху позднего средневековья на Кавказе зафиксированы только у карачаевцев и балкарцев, а также у адыгских народов (кабардинцы, адыгейцы). Причем, адыги, по мнению исследователей, их заимствовали от тюркских народов²³⁹, с которыми они в разное время имели тесные культурные и территориальные контакты.

В обычаях, в семейно-родственных отношениях, в народной музыке этих народов имеется также немало общетюркских элементов. Здесь нет необходимости останавливаться подробно на всех их. Отмечу лишь, что карачаевцы и балкарцы, как и чувашаи, татары и другие тюркские народы²⁴⁰, за невесту платили

калым деньгами и скотом. Причем, в состав калыма обязательно входила лошадь с седлом. В этой связи нельзя не вспомнить обычай древних тюрков, согласно которому после сговора о браке родственники со стороны жениха должны были из своих табунов предоставить возможность каждому из приехавших родственников невесты выбрать себе любую лошадь²⁴¹.

Композитор Г. К. Шейблер, изучая карачаево-балкарскую музыку, пришел к выводу, что она очень близка к народной музыке чувашей, татар и других тюркских народов²⁴².

Однако особенно ярко и полно сохранилась преемственная историческая связь карачаевцев с тюркскими народами по линии религиозных верований и обрядов, т. е. по линии наиболее консервативных элементов культуры. По мнению Л. П. Потапова, «религиозные представления древних тюрков обладают поразительной устойчивостью»²⁴³.

Наиболее подробное описание языческих верований древних тюрков дает Моисей Каганкатвацци в «Истории агван»²⁴⁴. В частности, он описывает религию и обряды суваров, родственных средневековым болгарам. Крупный специалист по истории и культуре тюркских народов М. И. Артамонов считает, что формы религиозных верований, отмеченные у суваров, являлись характерными и болгарским племенам²⁴⁵. Поэтому небезинтересны данные письменных источников о религии тюрков, а также данные археологии сопоставить с религиозными верованиями карачаевцев и балкарцев, бытовавших в прошлом.

Так, по археолого-этнографическим данным и письменным источникам главным богом древних болгар, как и многих других тюркских народов, был Тенгри или Тангри. Почитание Тенгри-хана, как высшего божества, отразилось в материальной культуре средневековых болгар. В погребениях салтово-маяцкой культуры найдены солнечные амулеты с всадниками, сидящими на грифонах. По мнению С. А. Плетневой, которая специально и основательно занималась историей болгар, «солнечные амулеты, широко распространенные в пределах Хазарского Каганата, были символами Тенгри-хана — бога неба»²⁴⁶. Почитание указанного бога существовало у болгар и после переселения на Дунай. Так, в надписи хана Омуртага, найденной в Мадарах, упоминается божество Тангра²⁴⁷. В греческих источниках имеются свидетельства о приношении болгарями в жертву животных в честь бога Тангри²⁴⁸. Бытование у протобулгар култ Тенгри подтверждается еще тем, что культ указанного бога в прошлом отчетливо прослеживался в языческих верованиях татар и чувашей²⁴⁹.

У карачаевцев и балкарцев в прошлом также широко было распространено почитание верховного божества Тейри—бога неба. По общему мнению исследователей карачаево-балкарский Тейри восходит к древнетюркскому богу Тенгри-хан²⁵⁰.

Следует отметить, что Тейри, как высшее божество, в религии карачаевцев наделяется теми же качествами, что и Тенгри-хан: это божество судьбы людей, источник всех благ и радостей. Ему посвящали большинство молений и жертвоприношений. Так, еще в XIX в. Клапрот писал, что балкарцы почитают бога, именуемого не аллахом, а Тенгри в качестве подателя всякого добра²⁵¹.

Почитание Тейри, как высшего божества, отразилось и в карачаево - балкарском фольклоре. Так, до наших дней дожили песни, обращенные к Тейри:

«Тейри пусть благословит,
Тейри пусть от несчастья избавит,
Тейри пусть счастье нам дает,
Тейри пусть даст дорогу счастливую,
Кто произносит имя Тейри,
Пусть скажет аминь.
Кто не скажет,
Пусть себе язык прикусит»²⁵².

Следует отметить, что в настоящее время культ бога Тенгри почти у всех тюркских народов утрачен, а у карачаевцев его пережитки бытуют по настоящее время. Например, имя Тейри можно услышать до сих пор в некоторых архаических формах заклинания — Тейри Урсун (что значит: да накажет божество Тейри), в пожеланиях — Тейри берсин ол насыбны, Тейри Сакъласын (Да подаст это благо Тейри, благословит тебя Тейри), а также в клятвах — Тейри адамы (Клянусь именем Тейри). Наконец, карачаевцы и балкарцы по настоящее время во время различных торжеств (свадьба, праздники) произносят длинные речи — благопожелания от имени Тейри. Некоторые исследователи полагают, что карачаево-балкарский Тейри преемственен от кипчаков²⁵³. Однако, следует учесть, что он был характерен докипчакским тюркским народам (болгары), то можно предположить, что карачаевский Тейри занесен на Кавказ болгарами. В пользу этого высказались уже некоторые исследователи²⁵⁴. Кроме того, верховным божеством кипчаков был не Тенгри, а Кам²⁵⁵.

Интересным является также характерное совпадение карачаево-балкарских верований о священных рощах и деревьях с

аналогичными представлениями средневековых тюркских племен и народностей.

Наиболее подробное сообщение о почитании тюркскими народами Северного Кавказа священных деревьев содержится в «Истории агван» Моисея Каганкатваца²⁵⁶. По сообщению автора «Истории агван», тюрки в дубовых рощах Тенгири-хану приносили в жертву лошадей. «Кровь их поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья деревьев», «ели и пили тело и кровь жертвенных животных»²⁵⁷.

По описанию Моисея Каганкатваца, они испытывали суеверный страх перед священными деревьями, их запрещалось трогать: если кто-либо брал от этого дерева «падшие ветви или сучья для своих нужд, то оно наказывало их страшными муками, бешенством, даже смертью, и истребляло дом и род их»²⁵⁸. Все эти элементы, характерные для культа священных деревьев у древних тюрков, находим в этнографических описаниях мусульманских религиозных верований карачаевцев и балкарцев. Например, в Карачае, около с. Хурзук была священная сосна; в Балкарии, около с. Верхняя Балкария стояло «священное дерево», носившее имя Раубазы. Оба дерева считались «священными» и были объектами богослужений и жертвоприношения²⁵⁹. Как сообщает Х. О. Лайпанов, щепки и отдельные сучья Раубазы некоторые старики носили в кармане в качестве могущественного талисмана еще в эпоху господства мусульманской религии. Эти старики говорили мусульманам «Пусть аллах будет за вас, но только, чтобы Раубазы был за нас»²⁶⁰. Более того, священные деревья карачаевцев и балкарцев также считались неприкосновенными и запрещалось трогать. Так, в 1896 году эфенди Али Энеев из села Гунделен собирался срубить Раубазы, но жители села не дали его срубить²⁶¹.

Вышеприведенные параллели приводят нас к предположению, что культ священного дерева у карачаевцев и балкарцев восходит к аналогичным поверьям их тюркоязычных предков.

В пользу нашего предположения говорит и то, что реликты былого почитания священного дерева сохранились и у дунайских болгар²⁶². В прошлом жертвоприношение в священных рощах занимало важное место также в религиозных верованиях чувашей и казанских татар — потомков болгар²⁶³. У всех указанных народов все эти моменты, характерные для культа священных деревьев очень близки и отличаются только в деталях.

Особо следует сказать о культе камня в Карачае. По данным этнографии и письменных источников в прошлом в Карачае у каждого селения и даже у каждого рода имелись свои священные камни²⁶⁴. Так, в Учкулане существовал священный

камень «Чоппаны Ташы», население один или два раза в год собиралось здесь и устраивало праздник. Жители просили бога (Тейри) обеспечить их всякими благами, при этом прыгали через камень, а в заключение праздника резали жертвенных животных и поедали их²⁶⁵.

Известно, что в селении Хурзук почитался священный камень «Байрам—Таш», а около местечка Худес «Карачайны кьадау ташы». О Хурзукском камне еще в начале XX в. Н. С. Иваненко писал: «Около него и теперь кладут пожертвование деньгами, вещами и хлебом, вознося молитвы за счастье новорожденного, за здоровье отца или близкого человека, за удачу в каком-либо предприятии»²⁶⁶. Несомненно, подобные праздники отражали первобытно-языческие верования предков карачаевского народа.

Почитание камня было опять-таки широко распространено в среде тюрко-язычных народов. Например, в Дунайской Болгарии было специальное святилище, посвященное камню²⁶⁷, аналогичные культовые сооружения существовали и в Волжской Болгарии, гузы считали, что некоторые камни вызывают дождь, головцы носили камень неба — лазурит в виде амулетов на груди²⁶⁸. Аналогичные поверья бытовали в прошлом и у алтайских тюрков²⁶⁹. Очевидно, этот культ, вера в его очистительно-защитную роль перешел к карачаевцам от одного из тюркских народов (болгар или половцев), принявших участие в их этногенезе.

Интересным является также характерное совпадение карачаево - балкарских тотемических верований о волке с древнейшими тотемическими представлениями о нем, отмеченных среди тюркских народов.

Так, согласно тотемическим представлениям древнейших тюрков, волк является отцом первого тюрка, существовали различные поверья, связанные с почитанием волка²⁷⁰.

Почитание болгарами волка подтверждается данными археологии. Так, волчьи амулеты являются частой находкой в салтово-маяцкой культуре²⁷¹, аналогичные предметы известны в инвентаре памятников, оставленных волжскими болгарами²⁷². Дунайские болгары даже специально отливали из металла фигуры волка²⁷³.

Отсутствие сведений о религиозных верованиях карачаевцев изучаемого времени мешает нам воссоздать стройную картину почитания волка. Но судя по поздним этнографическим материалам, поверья, связанные с культом волка, в их языческих верованиях имело место. Так, очевидно, вера в магическую силу волка породила различные волчьи обереги, которые носились взрослыми и детьми. В частности, в качестве талисмана и обере-

га они использовали волчьи зубы²⁷⁴. От древних тотемических верований сохранился запрет произносить настоящее имя волка. Культ волка отразился и в различных приемах народной медицины, колдовстве карачаевцев и балкарцев. Так, при заболевании людей (преимущественно детей) кожной болезнью карачаевцы подвешивали на шею волчьи астрагалы. Кроме того, в прошлом прочно бытовало среди карачаевцев поверье, что отданная в руки вора волчья жила вызывает судороги различных частей тела и помогает обнаружить его. От этого поверья сохранилось выражение: «Къолунгъа берю синъир бергей эдим» (Если бы дал в руки волчьи жилы)²⁷⁵. Очевидно указанные примеры свидетельствуют о том, что в прошлом культ волка бытовал также у карачаевцев и был перенят от тюркоязычных предков.

В пользу этого говорит тот факт, что абсолютно аналогичные же поверья, связанные с волком, отмечены учеными в религиозных верованиях других тюркских народов. Например, у чувашей различные части волчьей туши употреблялись при лечении кожных заболеваний, волчье сухожилие служило для порчи, а клыки использовали в качестве оберегов²⁷⁶.

Л. П. Потапов сообщает, что среди тюркских и монгольских народов существовало поверье, что сжигание волчьей жилы вызывает у вора судороги рук и ног и приводит к неизлечимому недугу²⁷⁷.

В прошлом карачаевцы и балкарцы почитали также собак. По воззрениям карачаевцев, собаки когда-то спасли людей от чудовищного Джельмауза, который в день сотнями поедая людей. По их представлениям, эти же собаки охраняют луну от драконов. Они полагали, что если бы не собаки, то дракон проглотил бы луну, и наступил бы конец человечества²⁷⁸. Кроме того, в прошлом, как сообщает этнограф И. М. Шаманов, шерсть собаки использовали в качестве оберегов и амулетов²⁷⁹. Опять-таки, имеются многочисленные свидетельства о религиозном почитании собаки тюркскими народами. Например, в древних китайских источниках содержится неоднократные упоминания о приношении в жертву собаки древними тюрками²⁸⁰. Почитание собаки было широко распространено среди средневековых болгар. Как сообщает С. А. Плетнева, в Саркеле собака была основным жертвенным животным²⁸¹.

Религиозно-магическое почитание собаки было характерно для дунайских²⁸² и волжских болгар. В частности, по сообщению Ахмед-ибн-Фадлана, волжские болгары приписывали собаке, как и карачаевцы и балкарцы, способность прогонять нечистую силу, злых духов²⁸³. Почитание собаки волжскими болгарами подтверждается также данными археологии²⁸⁴. Наконец, следы

почитания собаки сохранились и у казанских татар²⁸⁵ и чувашей²⁸⁶.

Следы этнокультурных связей предков карачаевцев и тюркскими народами распространяются даже на мелкие поверья и приметы (суу анасы, суу атасы, обур, эмеген, джелмауз, байчы).

Итак, несмотря на многовековую обособленность карачаевцев и балкарцев от тюркских народов, в культуре их до наших дней сохранилось много элементов, присущих тюркским народам. Очевидно, в сочетании с данными других смежных дисциплин они дают право говорить о главной роли тюркского компонента в этногенезе изучаемых народов. Сам факт победы тюркского языка говорит в пользу большого удельного веса тюрков в этногенезе карачаевцев.

Процесс формирования карачаево-балкарского народа, который начался еще в VII—X вв., завершился, как мне представляется, в XII в. с проникновением новых тюркских элементов — кипчаков, хотя, судя по данным археологии и антропологии, в количественном отношении кипчаки, влившиеся в состав карачаевского народа, были немногочисленными.

Таким образом, происхождение карачаевцев, как и происхождение других народов, было сложным и длительным историческим процессом. Сложность заключается в том, что в этом процессе участвовал не один народ, а несколько этнических групп. При взаимодействии этих групп тюркский язык явился победителем, сохранившим свой основной словарный фонд и грамматический строй. Это произошло, по-видимому, потому, что тюркоязычные племена, которые начали проникать с первых веков н. э. на территорию Северного Кавказа, были многочисленнее, чем местное население и ассимилировали часть его в отношении языка. В свою очередь, пришельцы сами переняли у местного населения некоторые черты культуры, особенно материальной. В этом проявилась одна из общих закономерностей формирования карачаевцев, как этноса.

Х. Х. Биджиев. Погребальные памятники Карачая XIV—XVIII вв.

¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 179.

² Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, с. 47.

³ Е. П. Алексеева. Указ. работа, с. 47.

⁴ О последнем подробно см. Х. Х. Биджиев. Могилиник Картджурт. Сб. Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1978.

⁵ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, с. 53. Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I. Ставрополь, 1967, с. 121.

⁶ В. А. Кузнецов. Рецензия на книгу Е. П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа». УЗК-БНИИ, т. XXIII, 1965, с. 320.

⁷ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., с. 67.

⁸ Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 9.

⁹ Б. И. Крупнов. Проблема происхождения осетин по археологическим данным. Сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1971, с. 30.

¹⁰ А. Ламберти. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. 1654, СМОПК, вып. 43, 1913, с. 192; А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. «Яфетический сборник», VII, 1932, с. 39; У. Б. Алиев. Выступление на сессии о происхождении карачаевцев и балкарцев. МНС, с. 244; Ш. Х. Акбасв. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963, сс. 9—10; Х.-М. И. Хаджилаев. Очерки карачаево-балкарской лексикологии, 1970, с. 111.

¹¹ А. Ламберти. Указ. соч., там же.

¹² А. К. Боровков. Указ. соч., там же.

¹³ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I. Черкесск, 1967, с. 113.

¹⁴ В. И. Абасв. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949, с. 11.

¹⁵ Чтобы не быть неправильно понятым, мы должны оговориться. Отрицание связи между этими могилами ни в коем случае не означает отрицание нами кавказского элемента в этногенезе карачаевцев.

¹⁶ Л. И. Лавров. Указ. соч., с. 67.

¹⁷ См. Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. с. 310; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, сс. 16—31.

¹⁸ См. об этом И. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, М.-Л., 1951; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, Казань, 1964; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967.

¹⁹ С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 91—100.

²⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 92.

²¹ С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 97—100.

²² С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА. XXVII, М., 1957, сс. 111—112.

²³ Феофилакт Симокатте. История. М., 1957, с. 161.

²⁴ Моисей Каганкатваци. История агван. СПб., 1861, с. 193.

²⁵ С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 95—96.

²⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 98.

²⁷ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге; С. А. Плетнева. Указ. соч., сс. 98—99.

²⁸ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Труды Черкесского научно-исследовательского института, вып. II. Черкесск, 1954, сс. 296—298.

²⁹ Г. И. Ионе. Верхне-чегемские памятники VI—XIV вв. УЗКБНИИ, т. XIX. Нальчик, 1963, с. 205.

³⁰ И. М. Мизиев. Могильник у селения Ташлы-Тала. «Археолого-этнографический сборник», КБНИИ, вып. I. Нальчик, 1974.

³¹ И. М. Мизиев. Указ. соч.

³² Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Труды КЧНИИ, вып. 2. Черкесск, 1954, сс. 291—296.

³³ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., сс. 46—48.

³⁴ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, вых. IX. Нальчик, 1961, сс. 208—209; и. М. Мизиев. Могильник у с. Ташлы-Тала, сс. 110—119; Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 45.

³⁵ Материалы по археологии Кавказа, IX, сс. 153—158; Е. П. Алексеева. Указ. работа, с. 43.

³⁶ МАК, IX, с. 153.

³⁷ Полевой материал, 1970, Тамбисев Д. Я. 1972, с. Первомайское.

³⁸ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., сс. 46—48.

³⁹ С. А. Плетнева. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях, МИА, 162, 1958, с. 173.

⁴⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., там же.

⁴¹ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии, сс. 281—290; И. М. Мизиев, А. Х. Нагоев. Раскопки кабардинских курганов. Сб. «АО», 1969. М., 1970. сс. 126—127.

⁴² МАК, IX, с. 153.

⁴³ Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 55.

⁴⁴ П. Токарев. Поездка на снеговой хребет Северо-Западной цепи Кавказа. «Современник»; СПб, 1851, т. 28, отд. VI, сс. 7—19; Н. Нарышкин. Отчет гг. Нарышкиных «Совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью в 1867 г.», ИРАО, т. VIII. СПб. 1877, сс. 326—330; В. Тепцов. По истокам Кубани и Терека, СМОМПК, вып. XIV. Тифлис, 1892, сс. 59—212; В. М. Сысоев. Поездка на реку Зеленчук, Кубань и Теберду летом, 1896 г., МАК., 1904, вып. 9, сс. 115—136; Его же. Карачай в географическом..., СМОМПК, 1913, вып. 43, с. 117; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, с. 14.

⁴⁵ И. М. Мизиев. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII—XVIII вв.). Нальчик, 1970, сс. 53—85.

⁴⁶ И. М. Мизиев. Указ. соч., сс. 53—85.

⁴⁷ Отчет гг. Нарышкиных, сс. 331—333. «Памятники древностей на Кавказе», «Нива», 1885, № 47, сс. 1141—1142; Х. О. Лайпанов. К вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев. Сб. «О происхождении карачаевцев и балкарцев», Нальчик, 1960, с. 78; Л. И. Лавров. Указ. соч., с. 117 (рис. из альбома Д. А. Вырубова); И. М. Мизиев. Указ. соч., с. 62.

⁴⁸ И. М. Мизиев. Указ. соч., с. 62.

⁴⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., с. 17, указ. рис. Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, с. 19.

⁵⁰ Л. И. Лавров. Указ. соч., там же.

⁵¹ Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 29.

⁵² Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 28.

⁵³ В. М. Сысоев. Поездка на реку Зеленчук, Кубань и Теберду..., МАК, вып. IX. М., 1904, сс. 154—155; Его же. Карачай, сс. 110—111; И. М. Мизиев. Средневековые башни и склепы..., с. 65.

⁵⁴ И. М. Мизиев. Указ. соч., там же.

⁵⁵ В. М. Сысоев. Поездка..., с. 154.

⁵⁶ В. М. Сысоев. Карачай..., с. 118.

⁵⁷ И. Мизиев. Средневековые башни и склепы..., сс. 70—72.

⁵⁸ Д. М. Павлов. Искусство и старина Карачая. СМОМПК, вып. 45, 1926, с. 252; И. М. Мизиев. Указ. соч., с. 70.

⁵⁹ Описание дается по работе И. М. Мизиева. Средневековые башни и склепы..., сс. 70—72.

⁶⁰ И. М. Мизиев. Указ. соч., с. 71.

⁶¹ И. М. Мизиев. Указ. соч., с. 72.

⁶² Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. II. М., 1969, сс. 58—59.

⁶³ Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928; Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушети в 1925—1932 гг. Грозный, 1963; В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963; сс. 243—270; С. И. Макалатия. Хевсуретия. Тбилиси, 1940; и. М. Мизиев. Средневековые башни и склепы Балкарнии и Карачая. Нальчик, 1970.

⁶⁴ Л. П. Семенов. Указ. соч., сс. 75—77.

⁶⁵ В. И. Марковин. Указ. соч., с. 269.

⁶⁶ Г. Кокиев. Указ. соч., с. 67.

⁶⁷ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев сс. 18—19.

⁶⁸ В. А. Кузнецов. Рецензия на книгу Е. П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа», с. 321.

⁶⁹ Е. И. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М., 1971, В. Х. Тменов. Археологические исследования «города мертвых» у сел. Даргавсе в 1967 г. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. II. Орджоникидзе. 1969, с. 157; М. Б. Мужухоев. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 104.

⁷⁰ Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Архив АН СССР, ф. 2, д. 1338.

⁷¹ И. М. Мизиев. Средневековые башни и склепы Балкарнии и Карачая, с. 82—86.

⁷² С. П. Умаров. Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII—XVII вв. (автореферат канд. дисс.), с. 18.

⁷³ И. М. Мизиев. Башни и склепы..., сс. 82—83.

⁷⁴ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.-Л., 1950, с. 262.

⁷⁵ В. А. Кузнецов. Указ. соч., с. 321.

⁷⁶ Л. Г. Нечаева. Предварительные итоги изучения склеповых сооружений Северного Кавказа. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы института Этнографии АН СССР за 1966 год. Л., 1967, сс. 39—40.

⁷⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, с. 108; Е. И. Крупнов. Десять лет деятельности Северо-кавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР. Археолого-этнографический сборник, т. III. Грозный, 1969, с. 13; В. И. Марковин. К вопросу о возникновении средневековых склепов у народов Северного Кавказа. Тезисы докладов и сообщений III крупновских чтений. Грозный, 1973, с. 4.

⁷⁸ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, с. 146.

⁷⁹ В. И. Марковин. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии. СА, № 4, 1970, с. 85.

⁸⁰ Указ. соч., там же.

⁸¹ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, с. 18.

⁸² В. А. Кузнецов. О книге Е. П. Алексеевой..., с. 321.

⁸³ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, 1913, с. 112; Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 16; И. М. Мизиев. Указ. соч., сс. 84—86.

⁸⁴ Малкъар халкъ джырла. Нальчик, 1969, с. 92.

⁸⁵ Х. О. Лайпанов. Указ. соч., сс. 36—38; Карачай халкъ джырла. М., 1969, с. 105.

⁸⁶ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 178.

⁸⁷ Н. Ашмарин. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чувашей. «Известия Северо-Восточного Археологического и Этнографического института», т. II, Казань, 1921.

⁸⁸ Л. П. Семенов. Указ. соч., сс. 19, 50; С. Ц. Умаров. Указ. автореферат, с. 17.

⁸⁹ С. Ц. Умаров. Там же.

⁹⁰ Л. П. Семенов. Указ. соч., с. 19; С. Ц. Умаров. Там же, сс. 17—18.

⁹¹ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна, с. 256; С. Ц. Умаров. Там же.

⁹² В. И. Марковин. Указ. соч., с. 256; 261; С. Ц. Умаров. Там же, с. 18.

⁹³ М. Б. Мужухоев. Указ. соч., с. 58.

⁹⁴ Л. П. Семенов. Указ. соч., с. 23.

⁹⁵ В. И. Марковин. Указ. соч., с. 258.

⁹⁶ В. И. Марковин. Указ. соч., с. 258.

⁹⁷ Л. П. Семенов. Указ. соч., с. 19. МАК. с. 27, рис. 40—41.

⁹⁸ С. Ц. Умаров. Указ. автореферат, с. 18; М. Б. Мужухоев. Исследование средневековых памятников в горной Ингушетии. Сб. «АО». 1970. М., 1971, с. 135.

⁹⁹ И. М. Мизиев. Указ. соч., с. 72.

¹⁰⁰ Там же, с. 79.

¹⁰¹ Там же, с. 72.

¹⁰² Там же, с. 72.

¹⁰³ Там же, с. 72.

¹⁰⁴ Г. Кокиев. Указ. соч., с. 12; И. Х. Тменов. Указ. соч., с. 142, рис. 2, 3; И. М. Мизиев. Указ. соч., там же.

¹⁰⁵ Г. Кокиев. Указ. соч., с. 12.

¹⁰⁶ Г. Кокиев. Указ. соч., там же; И. Х. Тменов. Указ. соч., с. 140.

¹⁰⁷ Г. Кокиев. Указ. соч., там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ И. Х. Тменов. Указ. соч., с. 154.

¹¹⁰ Г. Кокиев. Указ. соч., с. 22.

¹¹¹ Г. Кокиев. Указ. соч., с. 12.

¹¹² Г. Кокиев. Указ. соч., с. 39.

¹¹³ Х. О. Лайпанов. «К вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев». Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик. 1960. с. 78.

¹¹⁴ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы, с. 49.

¹¹⁵ И. М. Мизиев. Указ. соч., с. 73.

¹¹⁶ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. Кавказский этнографический сборник, вып. IV. М., 1969, с. 115.

¹¹⁷ Шарден Жан. Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Кавказский вестник истории, 1900, сс. 99—100.

¹¹⁸ Г. Ю. Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. Сб. Адыги, балкарцы и карачаевцы в Известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик 1974, с. 246.

- ¹¹⁹ Указ. соч., с. 512.
- ¹²⁰ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 98.
- ¹²¹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. III, с. 50.
- ¹²² С. А. Плетнева. Указ. соч., там же.
- ¹²³ Е. П. Алексеева. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976, с. 16.
- ¹²⁴ Настоящее холодное оружие, за исключением одного кинжала, не обнаружено. Объясняется это, видимо, ценностью оружия, которое переходило по наследству от отца к сыну, и лишь в особых случаях попадало в погребения.
- ¹²⁵ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Табл. VI, рис. 13.
- ¹²⁶ В. Х. Тменов. Указ. соч., табл. VII, рис. 3,4.
- ¹²⁷ М. Б. Мужухоев. Указ. соч., с. 195.
- ¹²⁸ ГИМ. Инв. № 76990, клад 99/5 а.
- ¹²⁹ О. В. Милорадович. Христианский могильник на городище Верхний Джулат. МИА, 114. М., 1963, с. 105.
- ¹³¹ МАК, VIII, М., 1900, таб. рис. 5, 10—13; с. 263, рис. 8, 9, 11, 12.
- ¹³² В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. 11. М., 1889, с. 83, таб. XIII—I, XV—I.
- ¹³³ И. М. Мизиев. Могильник у с. Ташлы-Тала, рис. 4; 1—5
- ¹³⁴ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX, 1961, с. 209, табл. VI—10.
- ¹³⁵ И. М. Мизиев. Указ. работа, рис. 4—1.
- ¹³⁶ Пятигорский музей краеведения, без номера.
- ¹³⁷ Т. Минаева. Городища Адиух в Черкесии. КСИА, вып. 60, 1956, рис. 49 (11, 12).
- ¹³⁸ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, с. 362; И. М. Мизиев. Могильник у сел. Картджурт в Карачаево-Черкесии. Археологические открытия 1969 года, с. 128.
- ¹³⁹ ОАК за 1896 год, рис. 272 и 273.
- ¹⁴⁰ Труды У. АС, т. IV, рис. 1.
- ¹⁴¹ В. П. Левашева. Белореченские курганы. Труды Гос. исторического музея, т. XXII, М., 1953, сс. 190—191.
- ¹⁴² В. П. Левашева. Указ. соч., рис. 6(1).
- ¹⁴⁴ П. Карпини и В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод Малейна. СПб., 1911, с. 27.
- ¹⁴⁵ Там же, с. 100
- ¹⁴⁶ Археологические разведки в Кабардино-Балкарии в районе Кисловодска. Табл. VI, рис. 6, III.
- ¹⁴⁷ И. М. Мизиев. Указ. раб., табл. 4.
- ¹⁴⁸ О. В. Милорадович. Кабардинские курганы. СА, XX, 1954, рис. 2(27).
- ¹⁴⁹ МАК, VIII, табл. СУП, рис. 4.
- ¹⁵⁰ И. М. Мизиев. Среднесковские каменные ящики в верхней Балкарии. СА, 1971, № 4, с. 244, рис. 2, рис. 61(2).
- ¹⁵¹ О. В. Милорадович. Указ. соч., рис. 3(7,10).
- ¹⁵² М. Б. Мужухоев. Новая коллекция предметов из склепов горной Ингушетии. Археолого-этнографический сборник, т. III, рис. 1 (1).
- ¹⁵³ МАК, VIII, табл. XXXII, рис. 16—19, 21—25.
- ¹⁵⁴ МАК, VIII, табл. IV, рис. 16—21.
- ¹⁵⁵ В. Х. Тменов. Указ. соч., с. 156.
- ¹⁵⁶ И. М. Мизиев. Указ. соч., рис. 116(4); В. А. Кузнецов. Указ. соч., табл. VI, рис. 4,5.

¹⁵⁷ ГИМ, инв. № 76990, клад 99/4 (коллекция из раскопок Самоквасова); О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв., рис. 2 (2,3); Т. М. Миная. Археологические памятники Черкесии. Труды ЧНИИ, вып. II. Черкесск, рис. 6—2, рис. 11—3; Е. П. Крупнов, Р. М. Мунчаева. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», рис. 5(6,9), рис. 8(6), рис. 2(2, 4, 5, 6).

¹⁵⁸ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргуна, рис. 1(18), рис. 3(23), с. 272; Б. М. Мужухоев. Новая коллекция предметов из склепов горной Ассинской котловины, рис. 1(16, 18, 20).

¹⁵⁹ В. Х. Тменов. Указ. соч., табл. VIII, рис. 3, 5, 6.

¹⁶⁰ МАК, VIII, табл. СІХ, рис. 16; О. В. Милорадович. Указ. соч., рис. 3 (1, 2, 4); рис. 34; В. П. Левашева. Указ. соч., рис. 5 (5); В. И. Марковин. Указ. соч., рис. 1 (6); М. Б. Мужухоев. Указ. соч., рис. 1 (10).

¹⁶¹ В. А. Кузнецов. Указ. соч., табл. VI, IV, рис. 7, с. 209; И. М. И. М. Мизнев. Могильник у селения Ташлы-Тала, рис. 4.

¹⁶² Об этих теориях подробно см. МНС, 1960; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

¹⁶³ С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза. Жур. «СЭ», 1949, № 3, с. 13.

¹⁶⁴ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.

¹⁶⁵ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев.

¹⁶⁶ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа.

¹⁶⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа; его же. Надписи Хумаринского городища, СА, 1963, № 1; его же. Глиняные котлы Северного Кавказа, КСИА, 1964, 99, сс. 34—59.

¹⁶⁸ С. К. Бабаев. О происхождении балкарцев и карачаевцев. МНС, сс. 38—62.

¹⁶⁹ А. Х. Соттаев. Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка. МНС, сс. 81—95.

¹⁷⁰ М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.

¹⁷¹ Л. И. Лавров. Указ. соч.; Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963, с. 94; К. Т. Лайпанов. О тюркском элементе в этногенезе осетин. Сб. «О происхождении осетинского народа», сс. 207—215; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа; М. А. Хабичев. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах, ж. «Советская тюркология». Баку, 1970, № 2, сс. 64—69; У. Б. Алиев, А. Д. Баучиев, К. Т. Лайпанов, М. А. Хабичев. О некоторых алано-тюркских памятниках в верховьях Кубани. Газ. «Ленинни Байрагы», 1963, 20 апреля.

¹⁷² Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа; Она же. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Труды КЧНИИ, вып. V, 1966, с. 234; В. П. Алексеев. Антропологические данные к проблеме происхождения народов центральных предгорий Кавказского хребта. «Антропологический сборник», IV. М., 1963, сс. 56—64.

¹⁷³ Г. Ф. Чурсин. Ближайшие задачи этнографического изучения Кавказа. «Первый всесоюзный тюркологический съезд». Стенографический отчет. Баку, 1926, с. 73; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., с. 11.

¹⁷⁴ А. А. Алейников. Карачаевские сказания. СМОМПК, III. Тифлис, 1883; А. Н. Дьячков-Тарасов. Заметки о Карачае и карачаевцах. СМОМПК, вып. XXV. Тифлис, 1898; Н. П. Тульчинский. Пэмы, легенды, пес-

ни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области, — «Терский сборник», 1903, VI, с. 249; А. З. Холаев. К вопросу о балкарско-карачаевском нартском эпосе. «Сказания о партах — эпос народов Кавказа». М., 1969, сс. 282—294.

¹⁷⁵ В. П. Алексеев. Указ. соч., там же.

¹⁷⁶ Ш. Х. Акбаев. Указ. соч., с. 9.

¹⁷⁷ А. И. Робакидзе и Р. Х. Харадзе. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях. МНС, сс. 128—135.

¹⁷⁸ В этой связи заслуживает быть отмеченным тот факт, что в материальной и духовной культуре адыгов (адыгейцы, черкесы, кабардинцы) имеются некоторые тюркские элементы. Исследователи справедливо объясняют это не наличием тюркского элемента в их этногенезе, а как результат тесных связей и взаимовлияний адыгов с тюркоязычным миром. Об этом смотри: А. А. Миллер. Выступление его на I-ом тюркологическом съезде в Баку. «Первый всесоюзный тюркологический съезд». Стенографический отчет. Баку, 1926, сс. 78—79; В. П. Левашева. Белореченские курганы. Труды ГИМ, сс. 188—210; И. М. Мизисв. Кавказский этнографический сборник, т. IV, 1969 (рецензия) ж. «СЭ», 1972, № 2, с. 166; Л. И. Лавров. Кабардино-адыгейская культура», XIII—XV вв., э. «СЭ», 1957, № 4, с. 22.

¹⁷⁹ Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 41.

¹⁸⁰ У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972; сс. 10—11; М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, с. 93.

¹⁸¹ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, сс. 7—11; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1, сс. 271—290; Он же. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, сс. 42—43; Он же. Об аланском субстрате в карачаево-балкарском языке. МНС, сс. 127—134; Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 5; Х. О. Лайпанов. Указ. соч., там же; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария, с. 70; См. также Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», и «О происхождении осетинского народа». В частности, выступления С. К. Бабаева, А. Х. Соттаева, У. Б. Алиева в Нальчике; выступления Ю. С. Гаглойти, К. Т. Лайпанова, Е. П. Алексеевой в Орджоникидзе; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, сс. 129—132; Г. Кокисв. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории, газ. «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1941, № 23; М. Я. Хабичев. Карачаево-Балкарское именное словообразование, сс. 16—22; Х. И. Хаджилаев. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, сс. 6—45.

¹⁸² А. Н. Дьячков-Тарасов. О происхождении карачаевцев. «Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института», т. II. Ростов Н/Д., 1929, сс. 129—130; Х. О. Лайпанов. Указ. соч., сс. 22—24; Л. И. Лавров. Происхождение балкарцев и карачаевцев. КСИЭ, XXXI, 1959, сс. 3—7; Он же. Карачай и Балкария..., сс. 69—73; Н. А. Баскаков. Выступление на сессии в Нальчике. МНС, сс. 235—240; З. В. Анчабадзе. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв. МНС, с. 113.

¹⁸³ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, с. 152.

¹⁸⁴ У. Б. Алиев. Выступление на сессии в Нальчике, МНС, сс. 249—250.

¹⁸⁵ Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963, с. 94.

¹⁸⁶ С. К. Бабаев. Указ. соч., сс. 38—42; А. Х. Соттаев. Указ. соч., с. 83.

¹⁸⁷ А. Х. Соттаев. Указ. соч., с. 94.

¹⁸⁸ М. А. Хабичев. Указ. соч., с. 10.

¹⁸⁹ Х. И. Хаджилаев. К топонимике Карачая. Труды КЧНИИ, вып. V, сс. 373—374.

- ¹⁹⁰ К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении М., 1975, с. 18.
- ¹⁹¹ В. П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. МНС, с. 329.
- ¹⁹² Очерки истории Карачаево-Черкессии, с. 147; А. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 170. История Кавказа, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 136; С. И. Руденко. Башкиры. М.-Л., 1955, сс. 60, 329.
- ¹⁹³ П. Бутков. О имени Козак. «Вестник Европы», 1922, № 23, с. 182—204; Н. Ходнев. Заметки о древних названиях кавказских народов. «Кавказ», 1967, № 45; В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III. М., 1887, с. 97; Он же. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды. МАК, 1, 1888, сс. 94—95; К. Ган. По долинам Чороха, Уруха и Ардона. СМОМПК, вып. 25, 1898, с. 10; Б. Ланге. Балкария и балкарцы. Газ. «Кавказ», 1903, № 293; Н. А. Караулов. Указ, соч., с. 133.
- ¹⁹⁴ М. И. Артамонов. Очерки древней истории хазар, 1936, с. 93.
- ¹⁹⁵ Н. Ф. Яковлев. Языки и народы Кавказа, с. 2.
- ¹⁹⁶ С. К. Бабаев. Указ, соч., с. 54.
- ¹⁹⁷ А. К. Соттаев. Указ, соч., с. 83.
- ¹⁹⁸ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища; Он же. Глиняные котлы Северного Кавказа.
- ¹⁹⁹ Е. П. Алексеева. Карачасвцы и балкарцы — древний народ Кавказа.
- ²⁰⁰ Я. А. Федоров и Г. С. Федоров. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978, сс. 48—88 и 98.
- ²⁰¹ М. А. Хабичев. Указ, соч., с. 16.
- ²⁰² И. М. Мизиев. Археологические разведки в верховьях р. Индыш. Труды КЧНИИ, в. VI. Ставрополь, 1970, с. 449.
- ²⁰³ И. Коев. Этнокультурные параллели между волжскими и дунайскими болгарями. Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. 32, сс. 224—230.
- ²⁰⁴ И. Коев. Указ, соч., с. 230.
- ²⁰⁵ Х. О. Лайпанов. Указ, соч.
- ²⁰⁶ А. П. Ковалевский. Чуваши и болгары по данным Амеда Ибн Фадлана. Чебоксары, 1954, с. 34.
- ²⁰⁷ В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965, сс. 185—186.
- ²⁰⁸ М. Хоренский. История Армении. Перевод Н. Эмина, с. 62.
- ²⁰⁹ С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко. Волоконовский древне-болгарский могильник. СА, 1976, № 3, сс. 279—298.
- ²¹⁰ В. А. Кузнецов. Указ, соч., сс. 34—39; Е. П. Алексеева. Указ, соч., сс. 21—31; В. Б. Ковалевская. О работе средневекового отряда Ставропольской экспедиции. АО, 1976, М., 1977, сс. 102—103.
- ²¹¹ Е. П. Алексеева. Указ, соч., с. 28; В. А. Кузнецов. Указ, соч., там же.
- ²¹² Н. Я. Мерперт. Указ, соч., с. 32; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 1968, № 62, сс. 146—147; С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северного Донца. КСИИМК, вып. 79, 1960, с. 17; рис. 6—9; В. А. Кузнецов. Указ, соч., Е. П. Алексеева. Указ, соч., сс. 21—28.
- ²¹³ Т. М. Минаева. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 225.
- ²¹⁴ И. М. Чеченов. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии, VIII крупновские чтения, тезисы. Нальчик, 1978, с. 48.
- ²¹⁵ Е. П. Алексеева. Указ, соч., с. 27.

- ²¹⁶ Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК XXVII, 1949, с. 7; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, сс. 84—85.
- ²¹⁷ МАК, I, сс. 84—85.
- ²¹⁸ Т. М. Минаева. Указ. соч., сс. 113—140; В. А. Кузнецов. Аланы и тюрки в верховьях Кубани (о новой концепции истории алан Северного Кавказа). Археолого-этнографический сборник, вып. I. Нальчик, с. 79.
- ²¹⁹ Т. М. Минаева. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис. 15.
- ²²⁰ С. Я. Байчоров. Северокавказский регион древнетюркской рунической письменности. Сб. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов. Алма-Ата, 1976, с. 16—17.
- ²²¹ С. Я. Байчоров. Указ. соч., с. 17.
- ²²² В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища, СА, 1963, с. 304.
- ²²³ С. Я. Байчоров. Указ. соч., там же.
- ²²⁴ Имеются и другие памятники, свидетельствующие о раннем проникновении тюрков на территорию Карачаево-Черкесии. К ним относятся каменные статуи воинов, обнаруженные еще до революции. В последние годы Г. Х. Текеевым и автором найдены новые статуи. Не вполне строго можно допустить, что они принадлежат предкам карачаевцев, которые образовались в результате слияния болгар и алан. Возможно, они этот обычай заимствовали от населения Западнотюркского Каганата.
- ²²⁵ Об этом подробно см. Х. Х. Биджиев. Средневековый Карачай. Рукопись монографии. Архив КЧНИИ сс. 157—179.
- ²²⁶ И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев, СЭ, 1971, № 5, сс. 108—109.
- ²²⁷ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 719; Л. П. Потапов. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика. Труды ТКАЭЭ, т. II. М., сс. 38—39.
- ²²⁸ В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа, 1964, сс. 152—153.
- ²²⁹ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978, с. 59.
- ²³⁰ Л. П. Потапов. Указ. соч., с. 45.
- ²³¹ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953; Он же. Из этнической истории кумандинцев. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, с. 323; В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа, с. 86; Сб. «Происхождение казанских татар», 1948.
- ²³² В. Ф. Каховский. Указ. соч., с. 286.
- ²³³ Е. Н. Студенецкая. Культура и быт карачаевцев. «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I сс. 256—360.
- ²³⁴ Карачаевцы. Черкесск, 1978, с. 164.
- ²³⁵ Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, с. 1191.
- ²³⁶ К. К. Юдахин. Указ. соч., с. 364.
- ²³⁷ К. Шаниязов. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Гашкент, 1964, с. 112.
- ²³⁸ А. М. Смирнов. Волжские булгары, рис. 121; С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноюлиньские курганы. М.-Л., 1962; С. И. Руденко. Башкиры. М.-Л., 1965, с. 160. Сб. «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, с. 138.
- ²³⁹ Л. И. Лавров. Кабардино-адыгейская культура XIII—XV вв., СЭ, 1957, № 4, с. 15; В. П. Левашева. Указ. соч., с. 210.
- ²⁴⁰ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, с. 262; В. Ф. Каховский. Указ. соч., с. 199.
- ²⁴¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.-Л., 1950, с. 215.

- ²⁴² Т. К. Шейблер. МНС, с. 291.
- ²⁴³ Л. П. Потапов. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. Тюркологический сборник, 1972. М., 1973, с. 265.
- ²⁴⁴ Моисей Каганкатвацци. История агван. СПб., 1861, сс. 193—206.
- ²⁴⁵ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с. 188.
- ²⁴⁶ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, сс. 176—178.
- ²⁴⁷ Геца Фехер. Культурата на прабългарите. София, 1929, с. 46.
- ²⁴⁸ В. Бешевлиев. Няколко бележки към бългорската история. София, 1936, сс. 19-27.
- ²⁴⁹ В. А. Соболев. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856, с. 101.
- ²⁵⁰ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария..., с. 70.
- ²⁵¹ Г. Ю. Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974, с. 245.
- ²⁵² «Эски кърачай джырла». Микоян-Шахар, 1940, с. 79.
- ²⁵³ Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 19.
- ²⁵⁴ В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа, сс. 288—289.
- ²⁵⁵ С. А. Плетнева. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1. М., № 62. М.-Л., 1958, с. 205.
- ²⁵⁶ Моисей Каганкатвацци. «История агван», СПб. 1961, сс. 200—201.
- ²⁵⁷ Там же, с. 201.
- ²⁵⁸ Там же.
- ²⁵⁹ В. М. Сысоев. Карачай..., с. 114; Х. О. Лайпанов. Указ. соч., сс. 37—38; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария..., с. 107.
- ²⁶⁰ Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 38.
- ²⁶¹ Х. О. Лайпанов. Указ. соч., сс. 37-38.
- ²⁶² Ф. Канитц. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. 1860—175 гг., СПб., 1876, сс. 73, 90, 91.
- ²⁶³ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1809, т. 2, с. 140; П. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. IV. Чебоксары 1929, с. 232; В. Ф. Каховский. Указ. соч., сс. 185, 224, 280. Сб. «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., «Наука», 1967, сс. 354—355.
- ²⁶⁴ Г. Ф. Чурсин. Почитание гор, скал и камней у кавказских народов. Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, 1928, № 4, с. 20; С. Т. Лайпанов. Беседа времени. Историко-этнографические очерки. Черкесск, 1967, с. 99 (на карач. яз.).
- ²⁶⁵ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев с. 33.
- ²⁶⁶ Н. С. Иваненко. Карачаевцы. Июлик вып. 4, 1913, с. 27.
- ²⁶⁷ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 178.
- ²⁶⁸ Т. И. Макарова. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв., «Археологический сборник», вып. 4. Л., 1962, с.
- ²⁶⁹ Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, сс. 185—186.
- ²⁷⁰ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? Известия АН СССР, отд. литературы и языка, 1947, т. VI, вып. 4.
- ²⁷¹ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 174.
- ²⁷² В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, табл. XVIII, 4.
- ²⁷³ Н. Мавродинов. Староболгарское искусство. София, 1959, с. 226, рис. 265.

²⁷⁴ И. М. Шаманов. Методика изучения охоты и охотничьих обрядов. Сб. «Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований». Доклады на конференции молодых научных сотрудников и аспирантов». М., 1970, с. 109.

²⁷⁵ Полевой материал. Биджиева Джандет, 70 лет, с. Первомайское, 1969.

²⁷⁶ В. П. Денисов. Указ. соч., с. 28; В. Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа, сс. 156—157.

²⁷⁷ Л. П. Потапов. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. КСИЭ, вып. XXX. М., 1958, с. 137.

²⁷⁸ В. М. Сысоев. Указ. соч., с. 78; Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 41.

²⁷⁹ И. М. Шаманов. Указ. соч., там же.

²⁸⁰ Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Указ. соч., с. 26.

²⁸¹ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 97.

²⁸² В. Бешевлиев. Несколько бележки към българската история. София, 1936, с. 26.

²⁸³ А. П. Ковалевский. Указ. соч., с. 135.

²⁸⁴ А. П. Смирнов. Железный век чувашского Поволжья. «МИА», № 95, М., 1961, сс. 144, 145, 167.

²⁸⁵ Сб. «Татары Среднего Поволжья». М., 1967, с. 353.

²⁸⁶ В. Сбоев. Исследование об инородцах Казанской губернии. Казань. 1956, сс. 136—137; В. Ф. Каховский. Указ. соч., с. 156.

Рисунки к статье Х. Х. БИДЖИЕВА
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАРАЧАЯ
XIV-XVIII ВЕКОВ

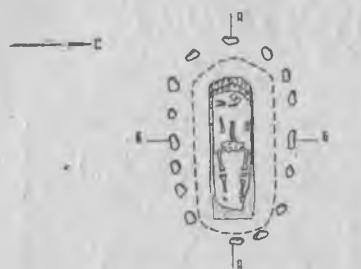

РАЗМЕЩЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

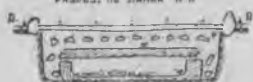
ПОСЕЛЕНИЯ: 1. КАРТ-ДЖУРТ 2. УЧКУЛАН 3. ХУРЗУК 4. КАЛА-ТЮБЮ 5. ДЖАМАГАТ 6. ЭЛЬДЖУРТ	ГРУНТ. МОГИЛЬНИКИ: А КАРТ-ДЖУРТ №1 Б КАРТ-ДЖУРТ №2 В. ХУРЗУК Г. УЧКУЛАН Д. ЭЛЬДЖУРТ	СКЛЕПЫ: а. Группа склепов на могильнике КАРТ-ДЖУРТ №1 б. Склепы на могильнике КАРТ-ДЖУРТ №2 в. ДЖАМАГАТСКИЕ СКЛЕПЫ г. ХУРЗУКСКИЕ СКЛЕПЫ 9. СКЛЕП КАМГУЛА
- Каменные ящики Н Архыз
- Курганы: 1 Курганы на могильнике КАРТ-ДЖУРТ №2; 2- Хурзук

Рис. 1 Карта памятников XIV—XVIII вв.

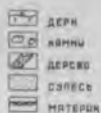
План погребения 89

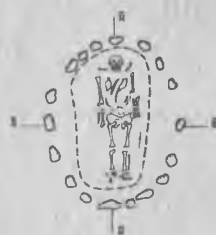
Разрез по линии А-А

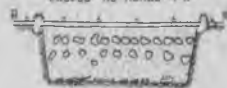
Разрез по линии Б-Б

План погребения 96

Разрез по линии А-А

Разрез по линии Б-Б

Рис. 2. Погребения в грунтовых ямах

Рис. 3. Погребение с выкладками

Рис. 3а. Курган.

Рис. 4. Общий вид колоды (реконструкция)

Рис. 5. Погребения №№ 48, 58 после расчистки

Рис. 6. Склеп Қамгута. (По Д. А. Вырубову).

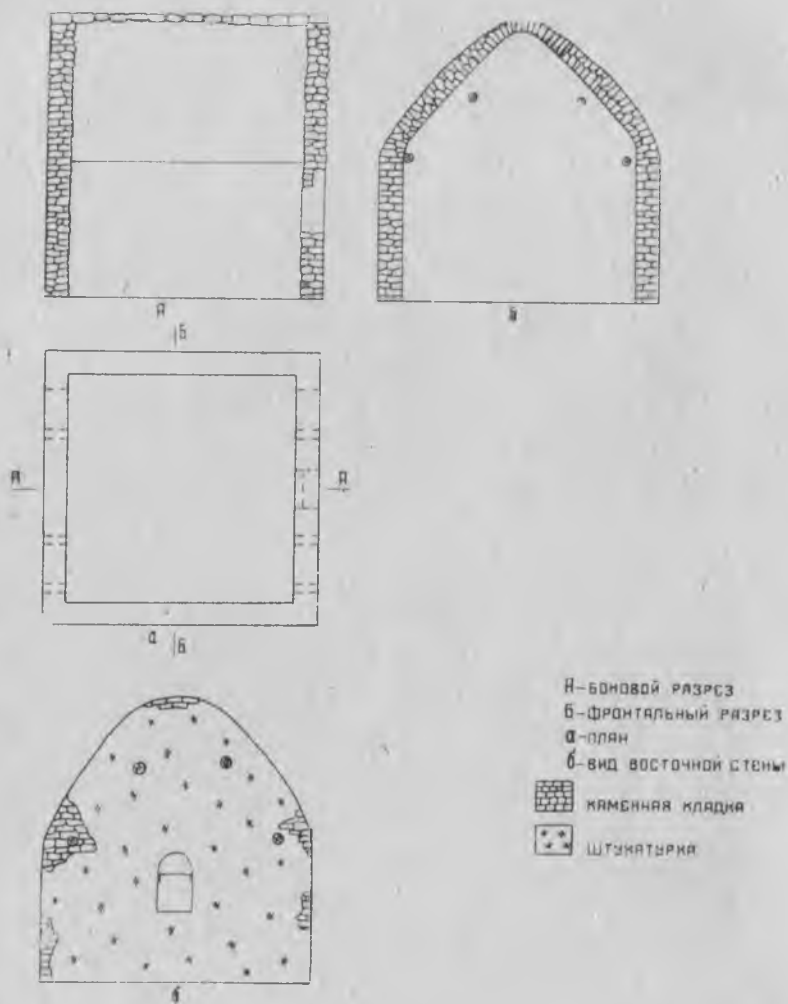

Рис. 7. Склеп 2

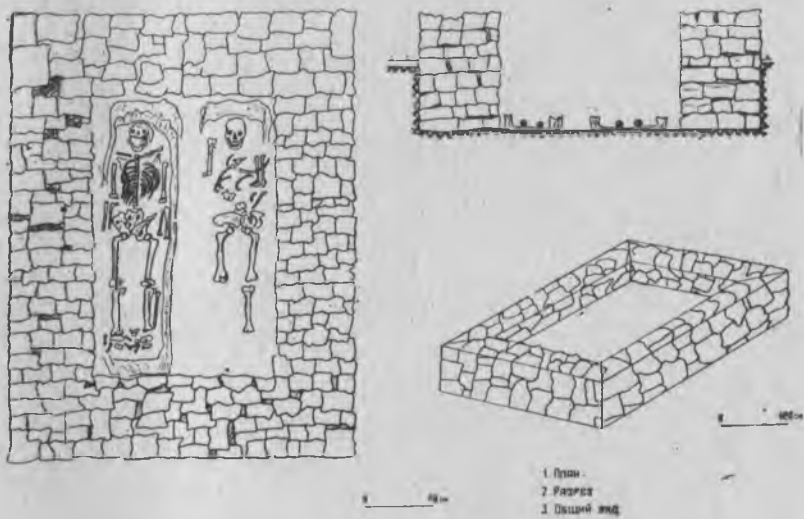
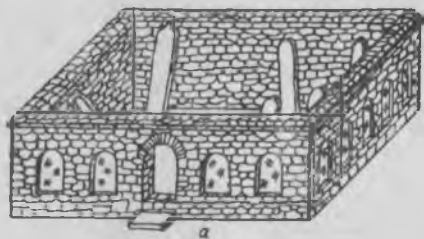

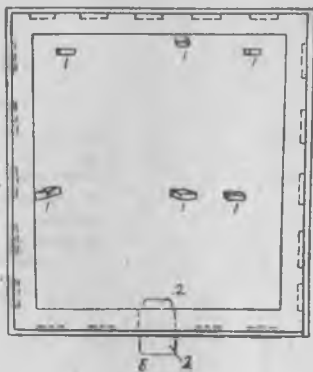
Рис. 8. Склеп с парным захоронением

Рис. 9. Двухъярусный склеп. (Гошаях бичени кешенеси).

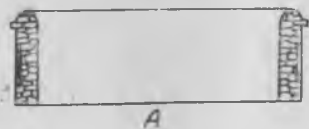

а

б

- а - общий вид
- б - план
- 1 - надгробные столбы
- 2 - ступеньки
- А - боковой разрез
- каменная кладка
- штукатурка

А

Рис. 10. Склеп № 5

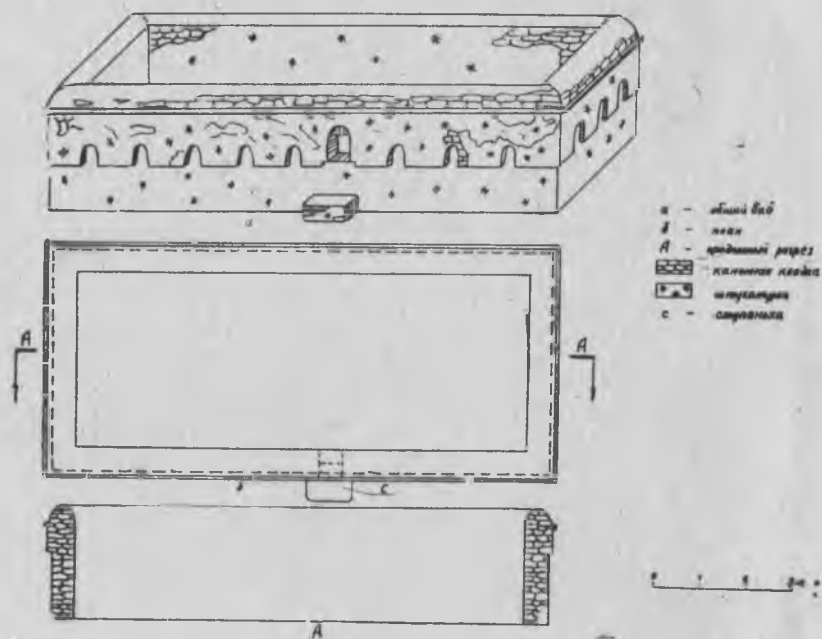

Рис. 11. Склеп № 4

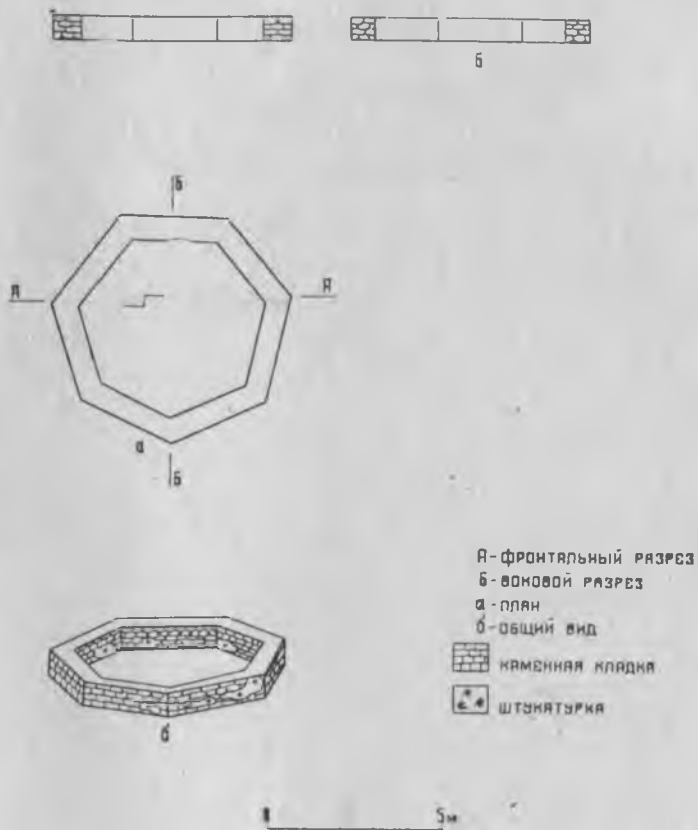

Рис. 12. Многоугольный склеп

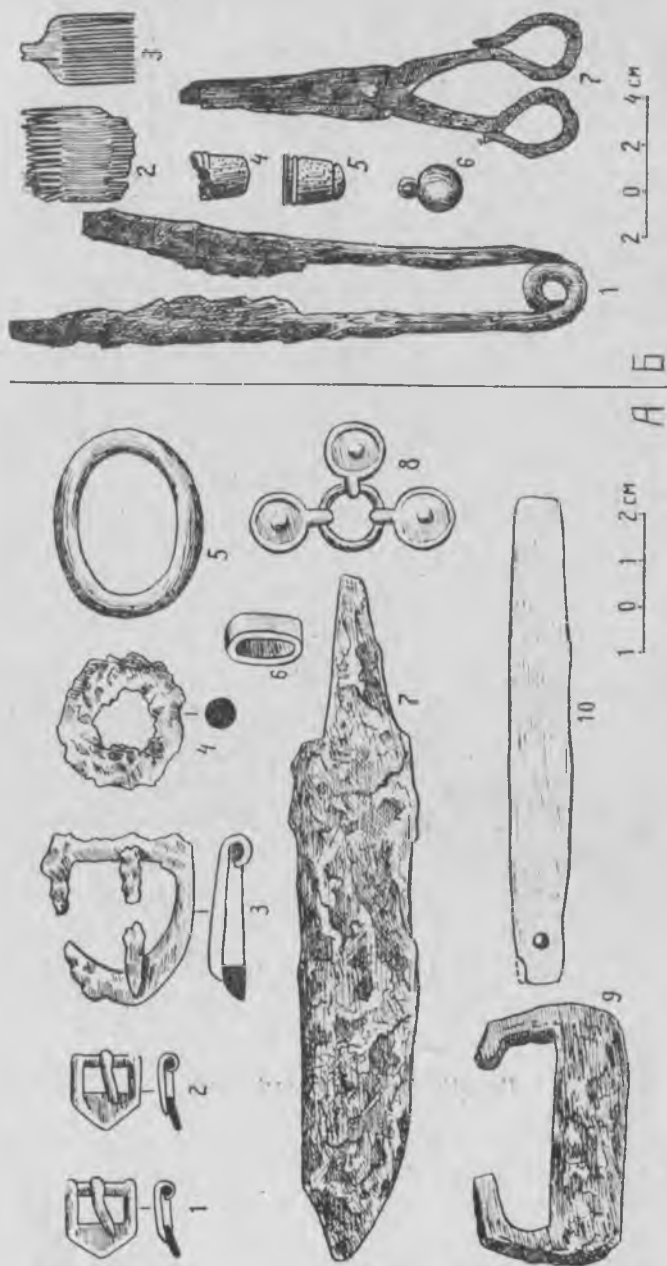

Рис. 13. Некоторые бытовые предметы XIV—XVIII вв.

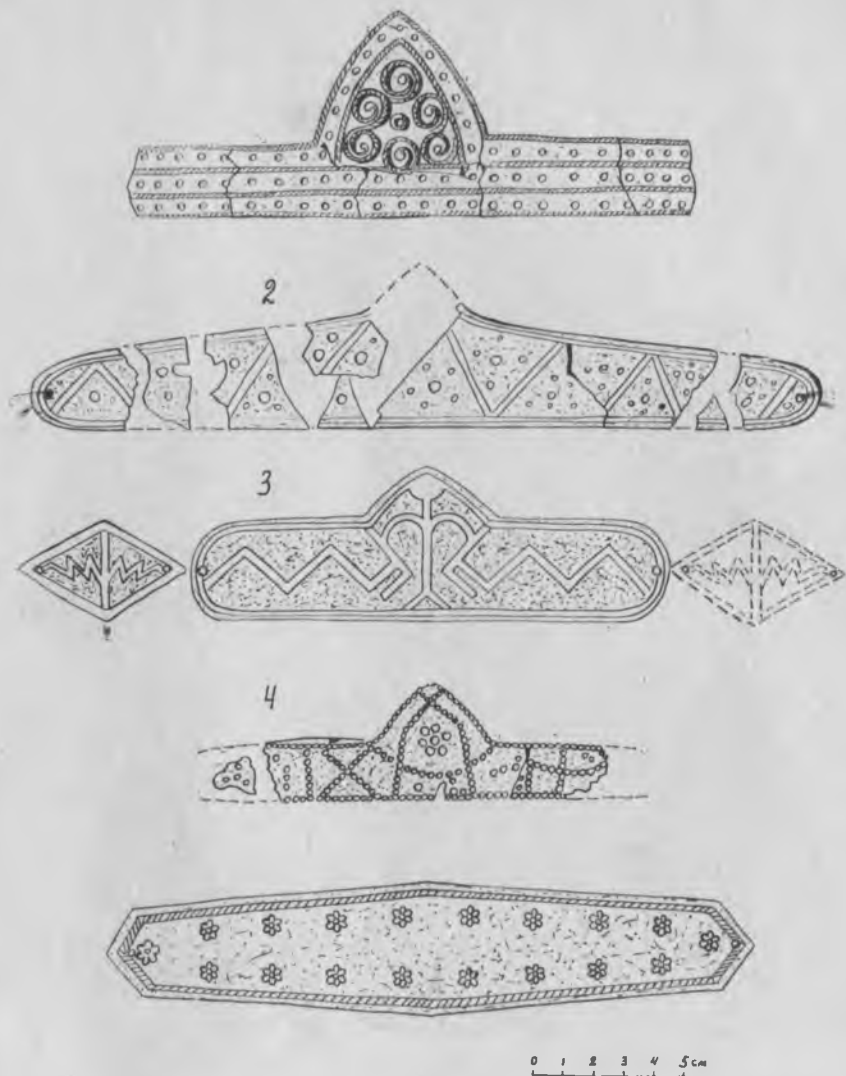

Рис. 14. Венчики

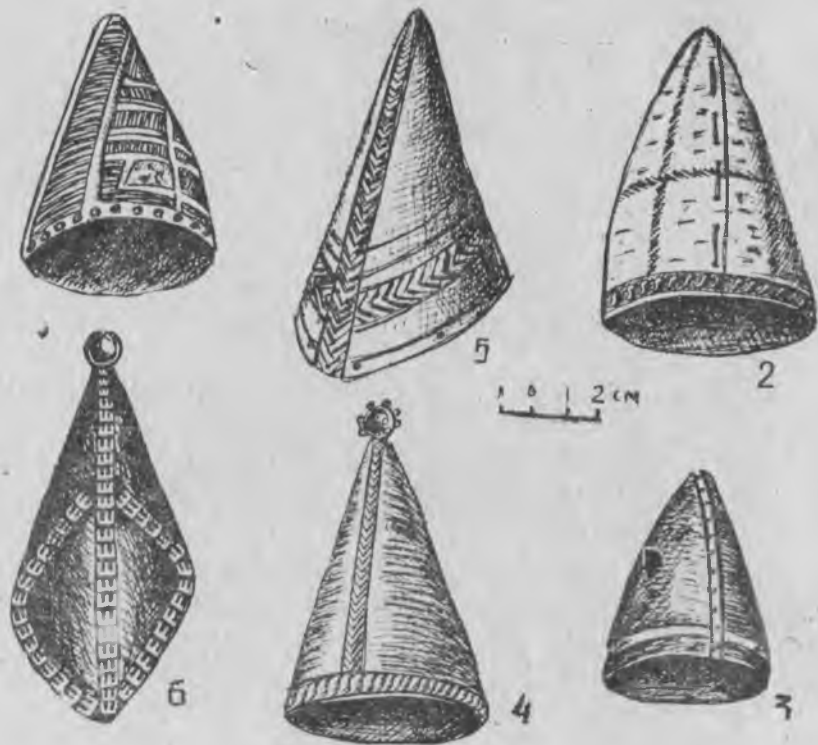

Рис. 15. Навершия.

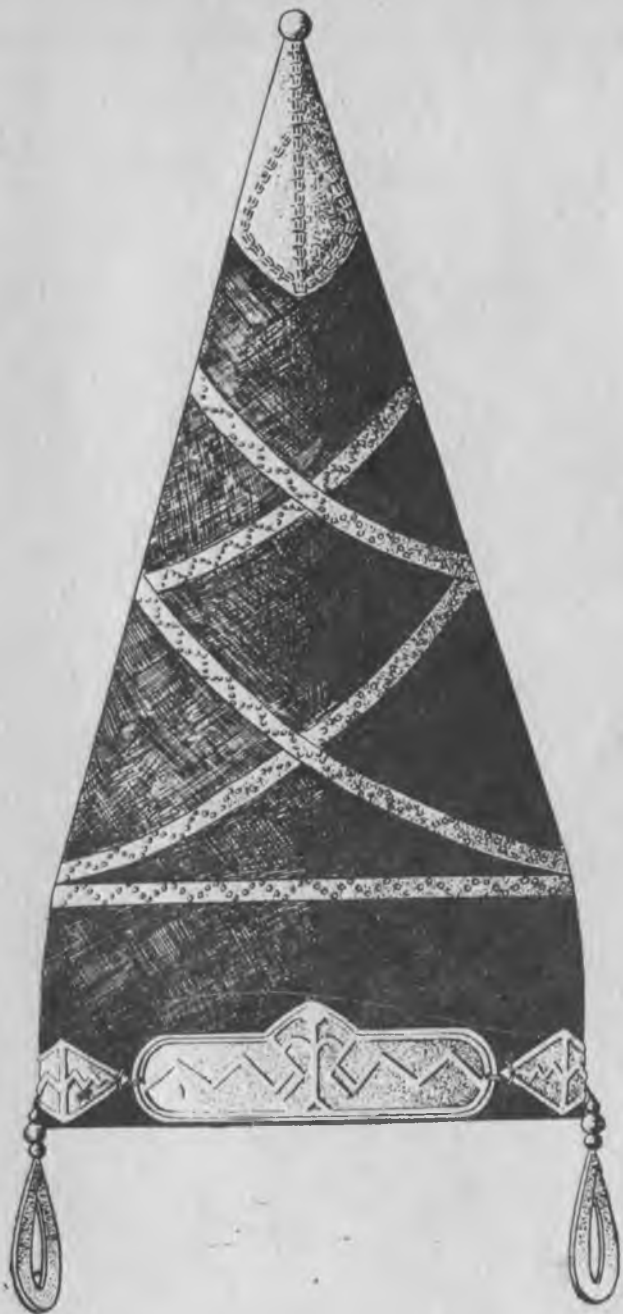

Рис. 16. Средневековая женская шапочка (реконструкция)

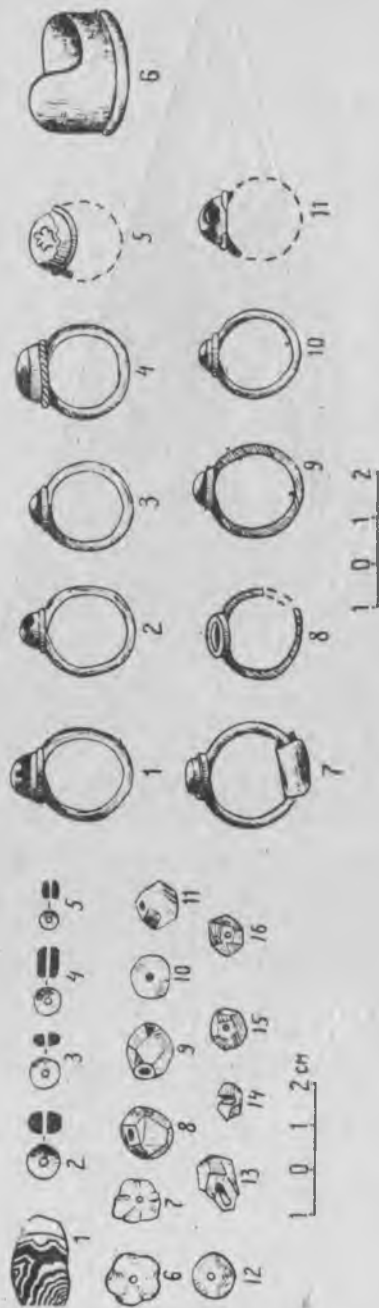

Рис. 17. Перстни и бусы

Карт-Джурт. Могильник №2

- 1 - Нагрудное украшение
- 2 - украшение от 2 оловяного удара
- 8 - греб. эм. с футляром
- 10-16 - подвески
- 3 - пуговица
- 4 5 - ПЕРСТНИ
- 6 7 - НАПЕРСТКИ
- 9 12 - СЕРЬГИ

1 0 1 2 см

Рис. 18. Подвески, застежки, серьги и другие вещи из могильника № 2.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ У АУЛА КУМЫШ

Аул Кумыш (Карачаевский район, КЧАО) давно известен археологическими памятниками. Так, с северной окраины аула возле балки, по которой проходит шоссе Карачаевск—Зеленчук, возвышаются остатки средневековых крепостных построек. Здесь же, в скальных срезах, найдены пещерные захоронения аланского времени. В районе аула обнаружен также склеп, содержащий предметы VI—VIII вв.¹ Таким образом, проведение археологических разведок в районе аула Кумыш уже заранее можно было считать продуктивным. Летом 1976 г. такие работы проведены Горнокавказской экспедицией Института археологии АН СССР².

Аул Кумыш расположен в довольно широкой долине р. Кубани, текущей сейчас в узком и скалистом каньоне. К востоку от селения простирается местность Кумыш-Башы, представляющая горную котловину, покрытую возвышенностями разной высоты и конфигурации. В нее врезаются глубокие скалистые балки, нарушающие монотонность пейзажа. В свою очередь, с северо-запада котловину замыкает мощная гора Джюркота (Инджюр-къота).

В долине Кумыш-Башы удалось отметить многочисленные курганные группы (один из курганов был вскрыт и дал материал эпохи раннего железа) и обнаружить четыре пункта с подъемным материалом в виде средневековой и более ранней керамики, обломков каменных бытовых предметов (песта, терочника) и листочка бронзы, свернутого конусом. Однако самым интересным археологическим объектом является наскальные рисунки, находящиеся среди скал горы Джюркота. Надо отметить, что со стороны, обращенной к котловине Кумыш-Башы, ее платовая вершина обрамлена скалами. Они представляют отвесы, достигающие местами значительной высоты —

примерно 100 м. В скалах имеются промежутки (разрывы), которые и позволяют проникнуть на плато. У основания сложены они песчаниками и кварцевыми конгломертатами, а выше — мощной свитой светлых глинистых известняков, которые колятся па квадры почти прямоугольной формы (рис. 1). Среди выходов песчаников были найдены наскальные изображения. Ниже более детальное описание их местонахождения.

В центральной части горы, на весьма значительной высоте (порядка 600—700 м), расположены два небольших грота, с которыми связаны описываемые изображения (рис. 1, 2). Отрезок скал с гротами (твердый светлый песчаник) протянулся с северо-запада на юго-восток. Первый северо-западный грот представляет собой сильно вытянутую и выветрившуюся нишу, расположенную на высоте 1,50 м от основания склона (рис. 2). Грот углублен до 3,40 м, ширина его — 2,60 м, высота в средней части — 1,55 м, к устью скала расширяется, образуя прикрывающий его навес. Закопченные стены грота содержат отдельные, сильно стершиеся, знаки и много современных надписей.

Второй грот (юго-восточный) расположен на расстоянии 9 м от первого. Он имеет правильную треугольную форму, находится на высоте 1,50—1,90 м от уровня склона, длина (глубина) его — 3 м, высота более 3 м (точно не установлена, так как потолок грота переходит в скальный навес), ширина грота в устьевой части достигает 6,40 м. Стены и потолок его также закопчены. Возле наиболее пониженной боковой части грота заметны изображения двух лошадей в натуральную величину (вероятно, контуры их были обведены), а выше — неясные знаки, общие очертания которых напоминают те, что были зафиксированы Т. М. Минаевой возле скальных камер могильника Гнакызы у сел. Каменского (Кызыл-Кала)³.

В самом гроте среди стершихся изображений обнаружены две тамги в виде прямоугольника с черточкой («хвостиком»), отходящей вниз от узкой стороны (рис. 2,1; 3,1). Внутренняя полость грота содержит также новейшие надписи.

Наибольшее скопление отдельных начертаний и рисунков обнаружено на скальном основании — между гротами и под вторым гротом. Здесь песчаник покрыт плотной красноватой корой выветривания — «загаром».

Интерес представляет целая группа рисунков, расположенная на 0,60 м ниже пола второго грота (рис. 2,2; 3,2). Здесь хорошо заметны тамги в виде скобы и круга с перекрестием (они врезаны в скалу тонким орудием), затем более грубые штрихи, прямоугольник, разделенный линией и квадрат, пересеченный

перекрестием. Выше их пунктирными ударами изображено животное (какое — ?). Далее, по направлению к гроту 1, следует целая серия штрихов, завершенная снизу другой, за ними между двумя глубокими врезами помещен квадратик (3х3 см) с 8-ю штрихами внутри него. (рис. 3,3). Обращают внимание также тонкие линии, еще один круг с перекрестием и пять глубоких насечек (возможно, ими пытались изобразить пальцы руки). Но наибольшее впечатление производит тонко гравированное изображение лошади с хорошо прорисованным корпусом, ногами, которые завершаются круглыми углублениями — копытами. Голова у коня сбита, хвост свободно свисает, волосы его показаны косыми черточками. На крупе лошади прорисована тамга в виде скобы с опускающейся черточкой в центре. Всадник и седло выгравированы намного примитивнее — условными линиями (рис. 3,2). Общая величина этого рисунка 35х33 см. За описанным изображением следует глубокая черта, а за ней менее четко видимые начертания с фигурой второго всадника, держащегося за поводья. Рисунок сделан более схематично, общая величина его — 22х19 см.

Под описанными всадниками следуют 79 глубоких штрихов, которые вытянулись один за другим в длину на 1,90 м. Два из них соединены поперечной черточкой, наподобие буквы И, но с ее обратным расположением.

Далее, по направлению к первому гроту, выбита тамга в виде круга с Т-образным завершением (рис. 2,3; 3, 3,3), затем прямоугольный знак с точками (рис. 2,4; 3,4) и схематическое изображение женской фигуры удлинённых пропорций и дугообразных врезов возле нее (рис. 2,5; 3,5). Между гротами находится комплекс геометрических начертаний с тамгой того типа, что изображена на крупе большой лошади (рис. 2,6; 3,7).

Описанные изображения могут быть разделены на три категории:

1. 79 врезов в виде глубоких штрихов. Они покрыты сильным скальным загаром, что свидетельствует об их более глубокой древности, чем основной массы рисунков (интенсивность загара зависит от длительности солнечно-теплового воздействия на скалу)⁴. Подобные знаки, которые условно можно назвать «счетными», уже встречались на скалах бассейна р. Кубани. Подобные начертания обнаружены на горе Уруштен и в урочище «З-я рота» (бассейн Малой Лабы, Кавказский гос. заповедник)⁵, на скальных поднятиях у станиц Ключевой, Самурской, Даховской и др.⁶. Известны они на каменных блоках могильных сооружений Грузии (Триалети)⁷, на отдельных валунах курганных кромехов и менгиров Северной Осетии⁸ и еще восточнее — в скалистых районах предгорного Дагестана⁹. «Счетные знаки»,

выполненные разной техникой — гравировкой и мазками краски, разных вариантов — в виде штрихов, черточек между параллельными линиями и перекрестий, несмотря на все эти различия, обычно датируются эпохой бронзы. Перечисленные здесь памятники с аналогичными начертаниями также могут быть отнесены к этому же времени — разным хронологическим отрезкам II тыс. до н. э. Сказанное позволяет предполагать, что кумышские «счетные знаки» обладают значительной древностью, однако их точная датировка затруднительна, так как возле наскальных изображений и в описанных гротах не был найден археологический материал. Предварительная датировка их была бы возможна, исходя из приведенных аналогий, в пределах эпохи бронзы — раннего железа, но при этом может смущать лишь тот факт, что композиционно «счетные знаки» хорошо сочетаются с соседними рисунками (тамгами, фигурами всадников и прочими гравировками). Не исключено, что внимание средневековых художников было привлечено именно этими древними знаками и, бережно сохранив их, они нанесли свои рисунки. Как правило, группы с наскальными изображениями являются своеобразными «картинными галереями» с произведениями разных эпох. Не определяя точную дату кумышских «счетных значков» (может быть даже раннее средневековье), еще раз замечу, что на местных скалах они являются древнейшими.

II. Изображения всадников, фигура женщины (рис. 3, 2, 5). Эти рисунки отнесены к аланскому времени, оговорившись, что наиболее древней гравировкой является большой рисунок всадника (с тамгой на крупе коня), которому общими контурами, но довольно неумело подражает меньшее изображение. Манера трактовать фигуры животных с ногами, заканчивающимся одним когтем, зубцами, кружок, угловатым острием характерна для скифского звериного стиля, но она сохраняется долго, даже на художественных изделиях аланского времени¹⁰. На публикуемых рисунках копыта большого коня изображены в виде углубленных кружков. Здесь отмеченная выше особенность несколько смягчена. Металлические изображения одиночного всадника, иногда заключенного в кольцо (круг) часто встречаются среди аланских древностей и расцениваются как амулеты VIII—IX вв.¹¹. Кумышские рисунки всадников по своим пропорциям довольно близки им, вероятно, и одновременно им.

Фигуры женщины, с подчеркнутыми признаками пола, также находят некоторое сходство с изображениями аланских амулетов, имеющих ромбовидную форму¹². Таким образом, наиболее яркие в художественном отношении рисунки, оставленные на скалах близ аула Кумыш, можно относить к аланскому време-

ни, но без уточнения такой достаточно пространной датировки.

III. Тамгообразные изображения на скалах Джюркота являются наиболее многочисленной категорией изображений. Следует отметить, что тамги более всего характерны для населения западной оконечности Кавказа, они лишь спорадически встречаются среди средневековых петроглифов и в быту горцев в его центральной и восточной части¹³ и в Закавказье¹⁴. Население Западного Кавказа широко пользовалось тамгами. Ими таврили коней и скот, покрывали личные предметы, отмечали посещаемые места, употребляли вместо личной подписи. Недавно Т. М. Минаева опубликовала целую серию тамг, найденных ею возле аланских пещерных захоронений¹⁵. Некоторые из них напоминают обнаруженные нами. Вполне возможно, что аланы переняли от местных народов обычай отмечать тамгами не только предметы, но и свои усыпальницы. Было бы интересно создать сводку всех тамг, обнаруженных на памятниках Карачаево-Черкесии (включая знаки на древних тканях и вещах — керамике, изделиях из металла и кости), как это сделано для сарматских знаков Причерноморья¹⁶ с тем, чтобы в дальнейшем сравнить их с этнографически зафиксированными знаками местных народов (адыгов, карачаевцев, ногайцев). Это позволило бы более успешно решать некоторые вопросы, связанные с этногенезом местного населения, выявить наиболее архаические тамги, уходящие в более древний скифо-сарматский (скифо-меотский) мир, определить территорию расселения отдельных аланских и даже местных родовых объединений, их передвижения и т. д.

Думаю, что небольшой опубликованный материал привлечет внимание специалистов — археологов, историков, этнографов и искусствоведов.

¹ Т. М. Минаева. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, сс. 88—90, 133—135.

² В работах у аула Кумыш принимали участие М. И. Каленкина, И. М. Давыдов, А. И. Лопатин, Н. А. Багровников, С. Н. Алексеев.

³ Т. М. Минаев. Указ. соч., с. 84, фото 17 (внизу).

⁴ В. А. Обручев. Основы геологии. М.-Л., 1956, сс. 86—89; В. И. Марковин. К методике установления хронологии наскальных изображений по геологическим данным. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М.

⁵ П. У. Аутлев, П. А. Дитлер. «Камни-писаницы». Уруштена. Пленум ИА АН СССР. Тезисы докладов секции археологин Кавказа. М., 1966; с. 3; П. У. Аутлев. Разведки по Псекупсу, Тухе, Тугунсу и Малой Лабе. АО, 1969. М., 1970, сс. 81, 82; А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, сс. 216, 217, 223; рис. 72.

⁶ Е. Д. Фелицын. Западно-кавказские дольмены. МАК, т. IX. М., 1904, с. 38; рис.-вклейка; В. Сысоев. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году. В том же издании, сс. 122, 123, табл. XVII.

⁷ О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 годах. СА, № 2, 1964, сс. 114—119, рис. 14, 15, 17, 18; В. И. Марковин. Памятники искусства и культуры древнего Кавказа. СЭ, 1970, № 3, сс. 125, 126, рис. 1 (В статье указана литература вопроса).

⁸ В. И. Марковин. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии. МАДИСО, т. II. Орджоникидзе, сс. 66, 68, рис. 4.

⁹ В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, с. 157, рис. 9.

¹⁰ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 324, табл. 22а, 3; В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник. МАДИСО, т. I (Археологические раскопки в районе Змейской, Северной Осетии). Орджоникидзе, 1961, сс. 84, 89, 121, рис. 13, 16, табл. XI.

¹¹ В. А. Кузнецов. Алания в X—XII вв. Орджоникидзе, 1971, рис. 5; Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 348, табл. 37, 10; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 1962, № 106, М., рис. 13.

¹² А. П. Круглов. Терская экспедиция 1934—1935 годов. Архив ЛО АН СССР, дело КАИМК № 299 за 1935 год.

¹³ А. М. Миллер. Из поездки по Абхазии в 1907 г. Материалы по этнографии России, т. I. СПб., 1910, с. 77, рис. 32; А. П. Фитуни. История народных легенд о кладе Александра Македонского в Ширване. Известия общ. обследования и изучения Азербайджана, № 4. Баку, 1927, сс. 196—200; И. М. Джафарзаде. Наскальные изображения Кобыстана. Труды ИИ Аз. АН, т. XIII. Баку, 1958, сс. 22, 23, рис. 4, 5.

¹⁴ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа СПб., 1895, с. 399; В. П. Пожидаев. Хозяйственный быт Кабарды. Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды, т. III, Воронеж, 1925, сс. 55, 56; Его же. Горцы Северного Кавказа. М.-Л., 1926, с. 78, рис. 35; Его же. Кабардино-Черкесская тамга и кавказский орнамент. Ученые записки КНИИ, т. IV. Нальчик, 1948, с. 239 и сл.; Е. Р. Бинкевич. История черкесского жилища. М., 1946 (рукопись в архиве ИЭ АН СССР).

¹⁵ Т. М. Минаева. Указ. соч., с. 79 и сл. фото 17, рис. 14, 22.

¹⁶ Э. И. Соломонкин. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Рис. 1. Местонахождение наскальных рисунков у аула Кумыш
1 — общий вид скал горы Джюркота (Инджюр—кхота;
2 — скальные обнажения с гротами

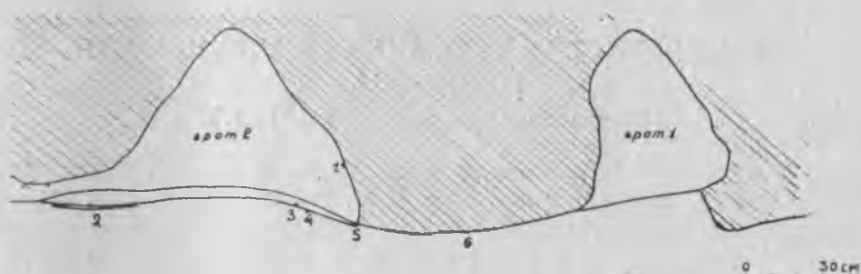

Рис. 2. Скальные обнажения с гrotами (общий вид и план)
Цифрами обозначены отдельные группы рисунков

группа 2

Рис. 3. Наскальные изображения возле аула Кумыш (цифрами обозначены отдельные группы рисунков, буквами — их детали).

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА

(По материалам раскопок 1977 г.)

В 1977 году экспедиция продолжила раскопки Хумаринского городища, начатые еще в 1974 году. На его территории было заложено 2 раскопа (раскоп «1» — на западном склоне цитадели, раскоп «А» — в восточной части городища). В раскопе «1» открыты остатки северной и восточной оборонительной стен городища, а также часть мощной крепостной стены цитадели, проход и лестница. В этом раскопе обнаружены ценные археологические находки — прежде всего отдельные рисунки, знаки и надписи древнетюркского рунического письма, нанесенные на остатки стен и строительный камень и, как массовый материал, керамика.

В раскопе «А» открыты остатки полуземлянки, турлучной постройки, хозяйственные ямы, собрано большое количество керамики. Культурный слой раскопа «А» хронологически делится на два периода: нижний — IV—VII вв. и верхний — VIII—X вв. Слой VIII—X вв. соответствует времени наибольшей застройки, интенсивной жизни и гибели крепости. Слой IV—VII вв. связан с аланами.

Наиболее массовым материалом из раскопа 1977 г. является разнообразная керамика, которая служит основным источником для суждения о ремесле и этническом составе обитателей городища. Она хронологически делится на два периода. Керамика, собранная из нижнего слоя раскопа «А», относится к первому периоду. Керамика, собранная на верхних слоях раскопа «А» и в раскопе «1», относится ко второму.

Данная публикация посвящена анализу керамики второго, более позднего периода — времени постройки и интенсивной жизни Хумаринской крепости.

Керамический материал очень выразителен, он близок керамике салтово-маяцких памятников Нижнего Подонья, Приазо-

вья, Восточного Крыма и Ставрополя, хорошо известных по работам М. И. Артамонова¹, И. И. Ляпушкина², А. Л. Якобсона³, С. А. Плетневой⁴, А. В. Гадло⁵ и других.

С. А. Плетнева при анализе керамического материала использовала метод функционально-технической классификации. Он позволил ей получить исчерпывающую информацию по ряду вопросов — об этнических связях, бытовом укладе, уровне развития производства⁶. При классификации керамики Хумаринского городища также применялся указанный принцип функционально-технического анализа поскольку он более всего соответствует целям данного исследования.

В керамике Хумаринского городища можно выделить следующие функциональные группы:

1. Посуда, которая использовалась в домашнем быту для приготовления пищи на огне.

2. Столовая посуда, которая использовалась во время потребления пищи, в какой-то мере являлась парадной.

3. Посуда, которая использовалась для хранения запасов продовольствия, воды, а также использовалась для транспортировки жидких и сыпучих продуктов (амфоры)⁷.

Между этими группами, разумеется, не существовало резких границ, но здесь в интересах исследования, они будут несколько искусственно разделены. К сожалению, материал, который имеется в нашем распоряжении, не позволяет внутри каждой из перечисленных групп выделить отдельные подгруппы соответственно технологической характеристике, размерам и формам, так как сосудов целых или достаточно полных для воссоздания формы, имеется всего лишь несколько. В основном, керамика представлена фрагментами, но тем не менее, на основании хорошо изученных форм аналогичной посуды, найденной на других памятниках салтово-маяцкой культуры, можно в какой-то степени классифицировать и хумаринский материал.

Кухонная керамика

Керамика для приготовления пищи в материалах раскопок Хумаринского городища представлена особенно богато и она составляет более 40% среди всей собранной керамики. Ее набор представлен горшками и сковородками, т. е. именно той посудой, назначение которой непосредственно связано с приготовлением пищи.

Преобладающей частью кухонной керамики являются горшки с рифлением. Форма их довольно устойчива. Диаметр горловины этих сосудов, как правило, больше диаметра дна, а высота

сосудов больше диаметра горловины. Их размеры варьируют в пределах: высота от 10 до 40 см, диаметр дна от 10 до 20 см, диаметр горловины до 20 см (наиболее часто встречается 15—18 см), толщина стенок колеблется от 0,5 до 1,5 см. Для всех горшков характерны округлые очертания плечиков, плавно переходящие в тулово, ко дну стенки постепенно сужаются. Как правило, горшки имеют очень невысокую шейку и четко выраженный венчик, более или менее плавно отогнутый наружу. Края венчиков — преимущественно закругленные, иногда с небольшим утолщением, но встречаются и плоские, как бы срезанные (рис. 1).

Керамическое тесто содержит в качестве примеси значительное количество крупного кварцевого песка. Специфическим признаком посуды, найденной на Хумаринском городище, является наличие в тесте блесток слюды. Обычно (кухонные) горшки имеют грубоватый слоистый в изломе черепок серого или серо-черного цвета. Некоторые сосуды оранжево-черного цвета (пятнистые). Черепок у них в изломе — черный. С наружной стороны кухонная посуда часто сохраняет следы закопченности. Среди описываемого вида горшков совершенно отсутствуют лепные сосуды, все они изготовлены на ручном гончарном круге, о чем свидетельствуют их днища, имеющие по краям характерные бортики, следы примазки горшков к подставке, на которой их формовали.

Поверхность сосуда всегда покрыта рифлением, которое носилось зубчатым штампом. Его можно рассматривать и как стремление сделать сосуд более удобным в обращении за счет увеличения трения его поверхности (чтобы он не скользил в руках), и как попытку улучшить термические свойства сосудов посредством частичного утоньшения стенок (рис. 2).

Характер орнаментации довольно единообразен. Большинство сосудов покрыто линейным орнаментом, сплошь по всему корпусу. Часто этот вид орнаментации сочетается с волнистым рифлением — обычно в верхней части тулова. Иногда нижняя часть волны дублируется дугами, обращенными концами вверх. На ряде горшков — рифление мелкое, зональное, но есть случаи и глубокого, широкого. Наносилось оно гребенчатым штампом в три-семь рядов. Во многих случаях сплошное или зональное рифление заменяют глубокие концентрические бороздки шириной до 0,3 см, располагающиеся на некотором расстоянии друг от друга. Расстояние не выдержано и часто не параллельно, следовательно, оно наносилось не штампом, а, видимо, тонкой палочкой. Встречаются случаи орнаментации сосудов косыми насечками по горлу длиной до 2,5 см. Но особенно часто

насечки наносились по краю венчика. В некоторых случаях можно предположить, что они сделаны ногтем путем нажатия. В некоторых случаях по венчику идут слегка заметные косые вдавления, напоминающие ложный «витой» жгут, но этот вид орнамента на кухонных горшках встречается редко.

Интересным видом орнамента, встреченным пока только в двух случаях, является орнаментация по «срезанному» краю венчика: это врезная многолинейная волна и на другом сосуде — оттиски гребенчатого штампа (рис. 3).

Вообще же орнаментация по краю венчика на кухонных горшках Хумаринского городища встречается очень часто. В основном, это, как уже было сказано, косые насечки, вдавления, оттиски штампа. Подобный вид декора кухонных горшков характерен не только для Хумаринского городища. Он, обычно, встречается в Подонье⁸ и очень часто в виде косых насечек и отпечатков зубцов гребенки. Наряду с этим в материалах Подонья встречается орнаментация внутренней стороны венчика⁹ (орнамент — линейный, волнистый, отпечатки зубцов гребенки), чего нет на Хумаринском городище.

Интересным представляется сосуд, изображенный на рис. 1. Это фрагмент венчика кухонного горшка с остросереберным валиком и косыми насечками по венчику. В. А. Кузнецов считает подобные сосуды характерными для аланской керамики VIII—IX вв. Пятигорья, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии¹⁰.

Территория распространения гончарных горшков с рифлением охватывает огромное пространство южно-русских степей — от Волги до Дуная. На юге они известны из раскопок городища Казар-Кала¹¹ (в Северо-Западном Дагестане), а также по материалам обследования степных районов Северного Кавказа¹². Исследования, проведенные С. А. Плетневой, позволили установить, что гончарные горшки с рифлением — принадлежность только южного (степного, зливкинского) варианта салтово-маяцкой культуры¹³. К этому же варианту мы можем отнести и кухонные горшки с рифлением с Хумаринского городища.

Другим видом кухонной керамики в материале Хумаринского городища являются сковороды. Их всего две. Одна из них изготовлена из плотного тонкоотмученного глиняного теста, характерного для столовой посуды (имеет темно-серый цвет). Аналогичная по форме и тесту сковорода известна по материалам Ставропольских селищ¹⁴, обломки которой покрыты горизонтально-линейным рифлением. Подобного же типа сковородки, иногда украшенные линейным орнаментом, известны среди материалов Саркела¹⁵.

Другая сковорода в технологическом отношении ничем

не отличается от кухонных горшков. Ее тесто содержит в своем составе в качестве примеси крупнозернистый песок. Цвет сковородки оранжевато-серый, пятнистый и аналогичен некоторым горшкам, дно слегка покрыто нагаром.

В Подонье известны сковородки, изготовленные на круге из глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы, цвет их серый. Они имеют невысокие, прямые, слегка отогнутые наружу, стенки и плоское дно. Высота 3—5 см, диаметр 25—30 см. С внешней стороны стенки в некоторых случаях покрывались у них линейным орнаментом, а по срезу наносились насечки или оттиски зубцов гребенки, иногда орнаментировались и с внутренней стороны дна¹⁶.

Столовая керамика

Обломки столовой посуды в материалах Хумаринского городища составляют около 30% всей керамики. В основном, она представлена фрагментами сосудов, поэтому их нелегко дифференцировать и дать описание всех форм этой группы. По хорошо сохранившимся верхним частям сосудов можно выделить следующие формы: кувшины (или кувшинообразные сосуды), кружки, корчаги, горшочки и миски.

Объединение всех этих форм в одну группу и ее наименование условны. Как и при анализе первой группы керамики — кухонной, так и здесь мы используем метод функционально-технологической классификации. Посуда всех указанных форм использовалась, в основном, для приема пищи. Типологическое объединение ее состоит в том, что вся эта керамика изготовлена из хорошо проработанного теста с тонко измельченными примесями (песок, известковая крошка). Черепок в изломе плотный, серого цвета, обжиг качественный, равномерный. Столовая посуда имеет серый цвет, но часто встречается серо-черного и серо-коричневого оттенков. Поверхность ее покрыта лощением — или сплошным, или в виде полос (оно, в основном, имело орнаментальное значение). Комбинации лощеных полос на поверхности сосудов были чрезвычайно разнообразны: группы прямых вертикальных и горизонтальных линий, пересекающиеся штрихи, образующие сетчатый узор и треугольники.

Почти вся столовая керамика изготовлена на гончарном круге. Однако встречаются единичные лепные горшки. Один из них найден в верхних слоях, и, вероятно, является более поздним кочевническим (гузским).

Особенно часто среди фрагментов столовой керамики встре-

чаются обломки кувшинов так называемого салтовского типа, хорошо известных по памятникам Северного Донца, Подонья, Приазовья, Восточного Крыма и Ставропольской возвышенности¹⁷. Среди материалов городища можно выделить только два почти целых кувшина, однако отсутствие днищ у них не позволяет говорить о форме. Однако известно, что в древностях салтово-маяцкой культуры их формы варьируют от шаровидно-приземистых до яйцевидно-удлиненных. Хумаринские же кувшины имеют сравнительно узкое цилиндрическое горло с хорошо выраженным сливом, которое отделяется от тулова тремя горизонтальными каннелюрами, идущими параллельно друг другу. Внешняя сторона горла и тулова покрыта вертикальными полосами лощения, внутренняя сторона горла залощена (рис. 4).

Ручки описываемых кувшинов имеют в сечении характерный овальный контур. Они прикреплены к тулову, не посредством штыря, входящего в стенку сосуда, как это практиковалось в аланской керамике, а особым образом — примазывая к телу сосуда расплюснутых концов глиняного катышка, из которого целиком формовалась ручка.

Другим видом столовой керамики, фрагменты которой часто встречаются на Хумаре, являются корчаги. Правда, фрагменты, имеющиеся в нашем распоряжении, еще менее выразительны, однако, имеется два купных фрагмента тулова от сосудов, которые с полной долей вероятности можно причислить к корчагам.

Оба фрагмента имеют по небольшой ручке, круглой в сечении. Диаметр тулова 30—40 см. Тесто отличается более лучшим качеством, обжиг равномерный, черепок звонкий. Один из фрагментов черно-серого, а второй оранжево-коричневого обжига. Внешняя поверхность у них залощена, а возле ручек — орнаментирована; ниже и выше мест их крепления к телу сосуда нанесен ряд горизонтальных вдавленных линий, между которыми расположена волнистая композиция, состоящая также из ряда вдавленных линий, нанесенных зубчатым штампом.

Другие виды столовой керамики — горшки, кружки и миски — представлены единичными фрагментами. Орнаментального декора они не имеют, отсутствует также и залощенность. В технологическом отношении они ничем не отличаются от кувшинов и корчаг и выделены нами лишь функционально.

Вся столовая керамика, несмотря на индивидуальное различие, является проявлением одного ремесленно-художественного направления. Она связана едиными приемами пригото-

ния глиняного теста, способами, формами, общими приемами орнаментации. Ее объединяет одинаковая техника, нанесения полос лощения и равномерный, довольно качественный обжиг.

Тарная керамика

В группу тарной керамики мы относим красноглиняные стройные кувшины. Эти сосуды были изготовлены из рыхлого теста, в котором значительна примесь песка, черепок в изломе слоистый. Они яркого кирпичного цвета с красноватым оттенком. Некоторые фрагменты с внутренней стороны покрыты тонким слоем смолы, предохраняющей содержимое кувшинов от высыхания.

Пифосообразные сосуды, так же как и красноглиняные кувшины, в группе тарной керамики представлены сравнительно слабо, хотя имеется несколько фрагментов венчиков и днищ, которые позволяют говорить о их форме и размере.

Изготовлены пифосообразные сосуды из очень рыхлого и грубого теста, в которое в качестве примеси в большом количестве добавлен крупнозернистый песок. Толщина стенок — 1,5—3 см. Цвет сосудов — серый. По форме они напоминают кухонные горшки. Шейка выражена очень слабо, ее почти нет, так что венчик непосредственно переходит в тулово. Диаметр венчика достигает 50—60 см. Поверхность сосудов обычно орнаментирована: по венчику наносилась ложновитая (веревкообразная) композиция, а по тулову горизонтальное рифление (рис. 5).

Более полно в группе тарной керамики представлены амфоры. К сожалению, в основном это фрагменты, но одну из амфор удалось почти полностью реконструировать, а от множества других сохранились верхние части с венчиком и ручками, сохранились также и круглодонные днища, поэтому можно довольно полно и четко воспроизвести форму данных сосудов (рис. 6).

Из обломков амфор, найденных на Хумаринском городище, можно восстановить два типа сосудов, хорошо известных в литературе, но датировка которых весьма приблизительна, поскольку она основана лишь на типологическом сопоставлении. Мы имеем в виду амфоры с «борозчатостью» (их еще часто называют желобчатыми, реберчатыми) и амфоры с «зонами мелкого частого рифления». Это круглодонные, яйцевидной формы сосуды с крутыми плечиками, коротким горлом и пухлым венчиком, с ручками, имеющими выступ-гребень. Они изготовлены из хорошей чистой глины, тесто плотное, с примесью мелкодробленого шамота, обжиг качественный, равномерный (рис. 7).

Встречаются фрагменты амфор, покрытые белым ангобом. Они обладают звонким и тонким черепком, сделаны из глины светлого тона (иногда красноватого оттенка), которая хорошо отмучена, но содержит примесь шамота. Некоторые фрагменты подобных амфор декорированы зонами рифления.

В значительном количестве представлены фрагменты амфор красно-кирпичного цвета. Они сформированы из тонкой красной глины сочного интенсивного цвета, в которой содержатся редкие, микроскопически малые белые включения и блестки слюды, обжиг ровный, тесто плотное хорошо отмученное.

Интересен фрагмент светло-оранжевой амфоры с характерной примесью в тесте мелкопеска и желтовато-золотистой слюды (тип фанагорийской античной глины), на котором сохранился тамгообразный знак в виде трезубца, подобный знакам, встреченным на камнях в кладке стен Хумаринского городища.

При классификации хумаринских амфор, проведенной нами, когда производился учет характера теста, цветовой окраски черепа, примесей, применяемых в качестве отощителя и формы (во всех возможных для этого случаях), выделено 5 групп амфорной тары.

1. Амфоры, имеющие пористое тесто с вкраплениями кварца, кальцита, толченой раковины.

2. Амфоры с хорошо отмученным плотным тестом с вкраплением кварца.

3. Амфоры с хорошо отмученным плотным тестом и с примесью слюды.

4. Амфоры, тесто которых содержит большое количество разнообразных примесей.

5. Амфоры с очень плотным хорошо отмученным тестом, глина у них светлого тона и покрыта белым ангобом.

Петрографический анализ подтвердил число выделенных групп и дал следующую картину:

1. Фрагменты, основными компонентами которых являются кварц и кальцит. Присутствуют 10% разнозернистого кварца, 3—10% тонкозернистого кальцита. встречается наибольшее количество алевролита.

2. Фрагменты, содержащие 5—10% крупнозернистого кварца, 5—10% алевролита, незначительное количество кальцита, присутствуют полевые шпаты.

3. Фрагменты, содержащие 10% красной роговой обманки, 5% кварца, 1% плагиоклаза, 1—5% слюды и кальцита.

4. Фрагменты, содержащие 5—10% кварца, 1—5% тонкозернистого кальцита, 10% алевролита, 5—10% шамота.

5. Фрагменты, глина которых белого цвета содержит кварц (10%), шамот (10%) и незначительное количество алевролита¹⁸.

В результате сопоставления данных петрографического анализа амфор Хумаринского городища с данными по другим памятникам, удастся установить, что IV группа наших амфор соответствует I группе «крымских» амфор¹⁹, следовательно, можно предположить, что центром их производства являлся Крым.

К сожалению, петрографический анализ, произведенный Г. М. Ковнурко, не охватил в должной мере достаточное количество амфор Крыма и Приазовья, поэтому амфоры остальных групп Хумаринского городища не находят в них аналогий.

Однако все наши фрагменты амфор, как это уже выше указывалось, представлены в основном двумя типами амфор — борозчатыми и «зонами рифления», т. е. так называемыми амфорами «салтовского» типа, время бытования которых укладывается в рамки VIII—X вв.

Итак, обзор керамики Хумары свидетельствует о том, что она в целом представляет комплекс, типичный для многочисленных салтово-маяцких памятников Нижнего Подонья, Восточного Крыма, Тамани и Ставрополя. Амфоры и красноглиняные кувшины завезены в Хумару из ремесленных центров Крыма. Надо отметить, что в целом амфоры для центральных районов Северного Кавказа и Дагестана не типичны. Вся остальная керамика является продуктом производства хазаро-болгарских племен, прочно бытовавших в Хумаре в VIII—X вв. н. э.

**Х. Х. Биджиев. Средневековая керамика Хумаринского городища.
(По материалам раскопок 1977 г.)**

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, 131. Л., 1935.

² И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, сс. 107—1167.

³ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, 1958, с. 458 и след.

⁴ С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА 75, 1959, сс. 212—273. Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, сс. 5—72; От кочевий к городам. МИА, 142. М., 1967, сс. 103—134.

⁵ А. В. Гадло, А. В. Найденко, О. А. Кудло, В. И. Гусаров. Разведки по Егорлыку, «АО 1972», 1973, с. 118.

⁶ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, с. 103.

⁷ В дальнейшем эту группу керамики будем называть тарной керамикой.

⁸ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., с. 108.

⁹ Там же.

¹⁰ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, 99, 1964, с. 36; Он же. Змейский катакомбный могильник. Материалы по археологии и древней истории Осетии, т. I. Орджоникидзе, 1961, с. 108; См. также Арх. работы ГАИМК на новостройках в 1932—1933 гг., в II. М.-Л., 1935, рис. 14, 1—3.

¹¹ А. В. Гадло. Городище Казар-Кала. КСИА, 144. М., 1975, сс. 65—66.

¹² А. В. Гадло. Археолого-этнографические исследования 1972 г. в западных районах Ставропольского края. В сб. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 14. Ставрополь, 1976, с. 157; А. В. Гадло, А. В. Найдено, О. А. Кудло, В. Н. Гусаров. Разведка по Егорлыку, с. 118.

¹³ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 112.

¹⁴ Об этом сообщил нам О. А. Кудло, за что выражаю ему свою благодарность.

¹⁵ С. А. Плетнева. От кочевий к городам с. 122, рис. 30, 4.

¹⁶ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., с. 110.

¹⁷ М. И. Артмонов. Указ. соч.; И. И. Ляпушкин. Указ. соч.; А. Л. Якобсон. Указ. соч.; С. А. Плетнева. Указ. соч.; А. В. Гадло, А. В. Найдено и др. Указ. соч.

¹⁸ Анализ амфор произвел Н. П. Саволайнен, за что приношу ему глубокую благодарность.

¹⁹ Г. М. Ковнурко. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья. КСИИ, в. 113, 1968, сс. 119—121.

Рисунки к статье Х. Х. БИДЖИЕВА
СРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА
ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА
(по материалам раскоп 1977 г.)

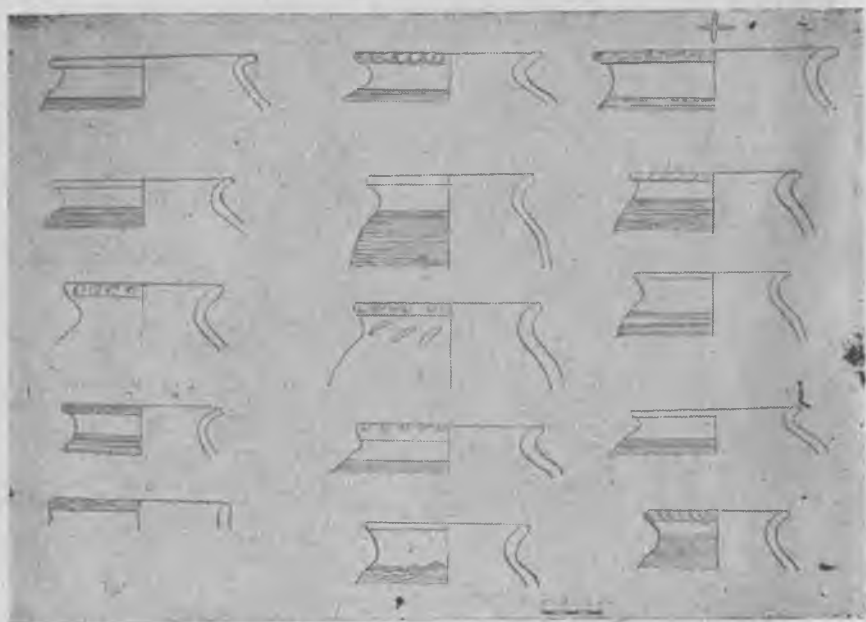

Рис. 1. Горшки

Рис. 2. Горшки

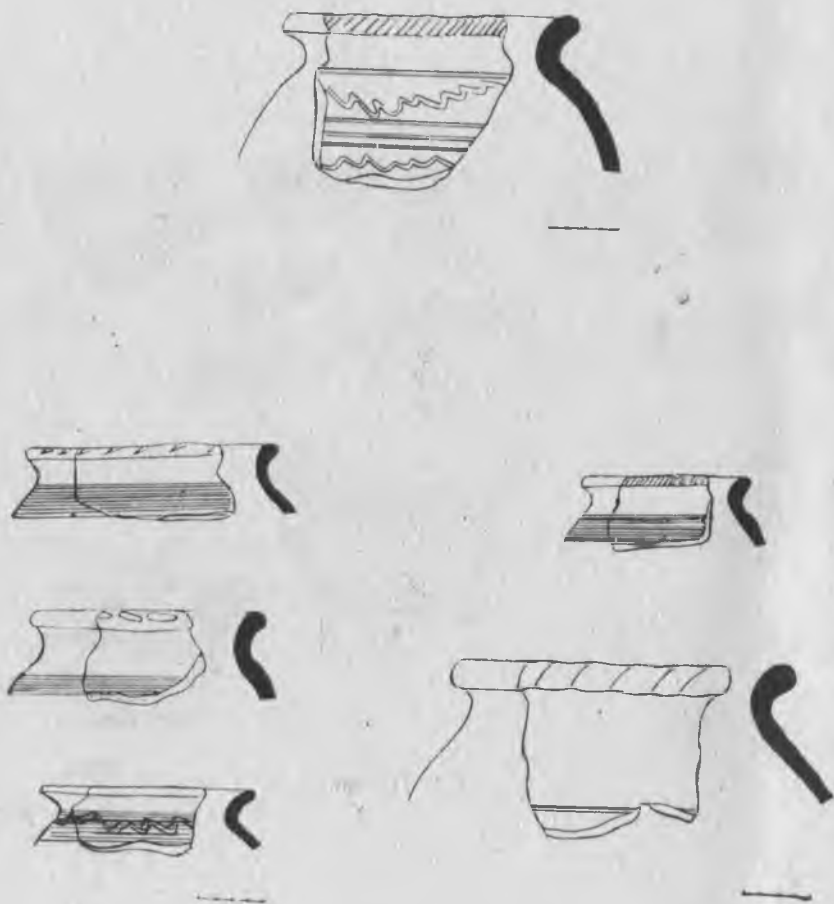
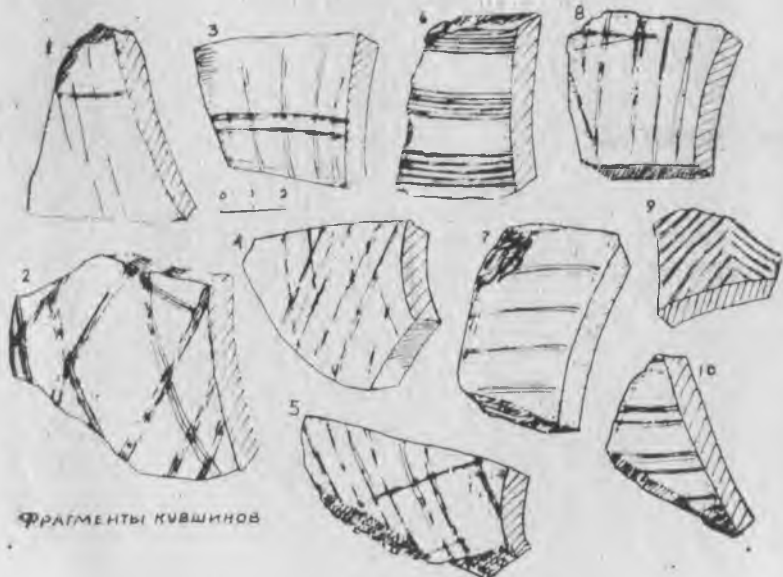
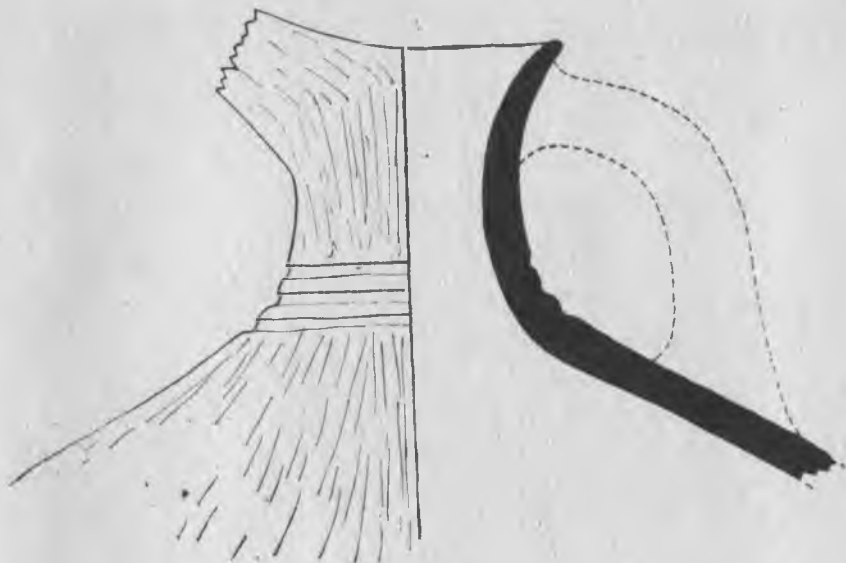

Рис. 3. Горшки

ФРАГМЕНТЫ КУВШИНОВ

Рис. 4. Кувшины

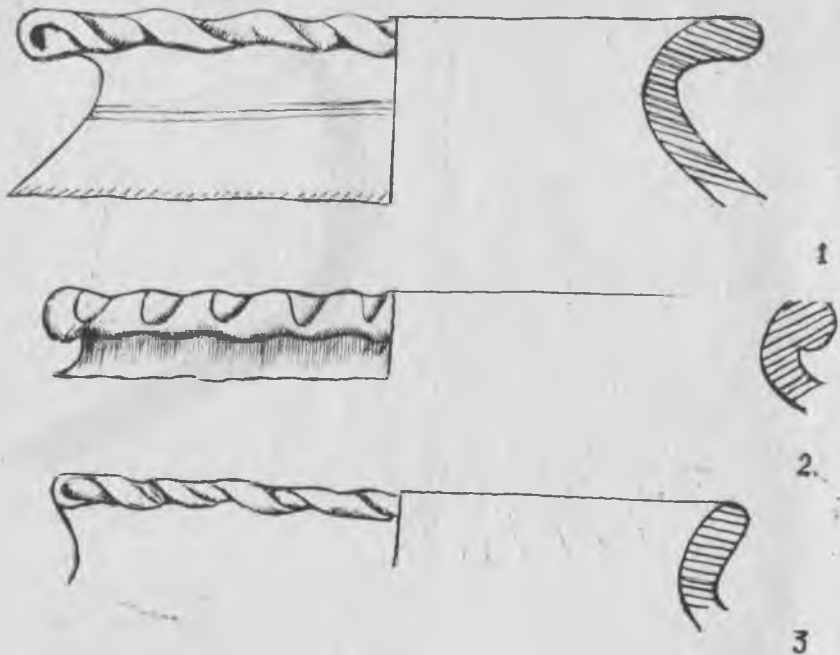

Рис. 5. Пифосообразные сосуды

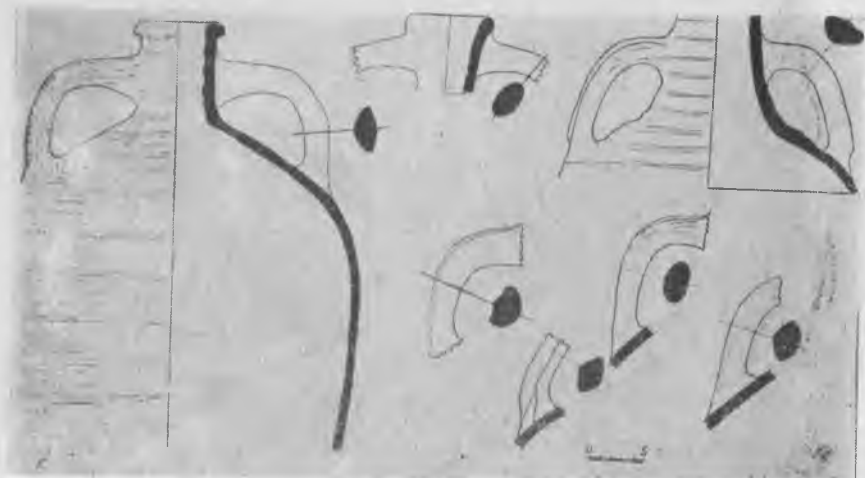

Рис. 6. Амфоры

Рис. 7. Амфоры

**АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА, ВЫП. I.
НАЛЬЧИК, 1974**

Рецензируемый сборник открывается статьей Р. Ж. Бетрова «Курган эпохи бронзы у сел. Старый Черек», в которой опубликованы пять погребений II тыс. до н. э. Материалы, добытые автором в Старо-Черекском кургане, дополняют представления о памятниках северокавказской культуры на территории Кабардино-Балкарии.

Важные проблемы ставятся в статье И. М. Чеченова «К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры» Автор предлагает следующие локальные варианты: Пятигорский, Терско-Сунженский и Горный. Однако, в содержательной в целом статье, есть недочеты и противоречия. Так, неустойчивость ориентировки нельзя считать одним из определяющих признаков Терско-Сунженского варианта (с. 36), она характерна и для других локальных вариантов. Коллективные захоронения встречаются не только в Терско-Сунженском (с. 63), но и в Пятигорском локальном варианте. Бронзовые изделия (с. 39), характерные для сунженской группы, выделены автором недостаточно четко. Металлические же изделия Терской группы совершенно не охарактеризованы (с. 40). На странице 42 сказано, что в высокогорных районах Карачая нет ни одного поселения и могильника кобанского времени. Это неверно. У аула Учкулан, на левом берегу р. Хузрук, в 1958 г. экспедицией Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института исследованы поселения и могильник кобанского времени. В Домбае известны подкурганые захоронения кобанского времени. Несколько севернее, у аула Кызыл-Кала, в 1960 г. экспедицией КЧНИИ открыт могильник VI в. до н. э.¹. При характеристике памятников Горного варианта (с. 44) не показаны хронологические различия в памятниках кобанской и позднекобанской культуры. Выделяя четыре группы памятников Горного локального варианта (с. 45), автор должен был иметь в виду и Карачай. Поэтому, очевидно, нужно выделить не Балкарскую группу, а Карачаево-Балкарскую.

В. М. Батчаев в статье «К вопросу о генезисе зооморфных узоров в карачаево-балкарском орнаменте» показывает связь зооморфной орнаментаки, представленной на войлочных коврах и вышивках карачаевцев и балкарцев, с искусством кобанской культуры. Выводы автора не вызывают возражений. Следовало бы только более убедительно обосновать положение о

том, что прямолинейно-геометрический орнамент уходит своими корнями хотя бы в эпоху неолита.

Б. М. Керевов выступил со статьей «Некоторые вопросы изучения памятников сарматского периода Центрального Предкавказья». К сожалению, в ней мало сказано о плодотворной работе М. П. Абрамовой и о собственных исследованиях Б. М. Керевова. Статья, на наш взгляд, важна для историографического изучения Центрального Кавказа сарматского времени.

Сложные проблемы этногенеза карачаевцев и балкарцев рассматриваются в статье В. А. Кузнецова: «Аланы и тюрки в верховьях Кубани (о новой концепции истории алан Северного Кавказа)».

С 1959 года в среде некоторых исследователей бытует мнение о том, что часть аланского племени была изначально тюркоязычной. Эти положения сформулированы У. Б. Алиевым, К. Т. Лайпановым и наиболее подробно Х. И. Хаджилаевым. Х. И. Хаджилаев, в частности, считает, что ираноязычного населения в верховьях Кубани не было, а жившие в верховьях Кубани аланы были тюрками.

В. А. Кузнецов подробно разбирает положения работы Х. И. Хаджилаева и опровергает их. Он отмечает, что с V в. в верховьях Кубани появляются свойственные аланам катакомбные могильники, которых в настоящее время в Карачаево-Черкесии выявлено более 30. Здесь он сопоставляет скальные и катакомбные могильники. Таким образом, автор убедительно показывает, что наряду с ираноязычными аланами в верховьях Кубани жили тюрки. Это были тюркоязычные болгары, принявшие впоследствии участие в карачаево-балкарском этногенезе.

В статье А. П. Рунича «Укрепления раннего средневековья в Кисловодской долине», описывается самое крупное городище Рим-Гора, расположенное в 17 км к западу от Кисловодска, на которой зафиксировано четыре лестницы, три караульных помещений, тюрма, и фундаменты нескольких крупных зданий. Датируется оно X—XII вв. Интересны городища Клинь-Яр первое и Клинь-Яр второе. На городище Уллу-Дорбунла (в 30 км к юго-западу от Кисловодска) найдены три стены, остатки многочисленных построек, склеповой могильник X—XII вв. Материалы статьи свежи и интересны, выводы автора убедительны. Хочется только уточнить датировку Рим-Горы. Н. Е. Макаренко обнаружил на городище могильник VIII в. Экспедицией КЧНИИ в 1961 году найдены обломки глиняных сосудов не только X—XII, но и VI—VII вв. Таким образом, правильнее было бы датировать Рим-Горское городище VI—XII вв.

Перу И. М. Мизиева принадлежит статья «Могильник у селения Ташлы-Тала». Автор датирует могильник XV—XVIII вв.

Судя по рисункам, представленным на таблице, как нам кажется, не исключается, что он функционировал и XIV в. Автор правильно указывает, что могильник принадлежит балкарцам.

А. Х. Нагоев в своей статье «К вопросу о расселении кабардинцев» совершенно правильно указывает, что ранние археологические памятники кабардинцев датируются XIV—XVII вв. Максимальное расселение кабардинцев падает на конец XIV в., на XIV—начало XVI вв. Жаль, что в статье отсутствует таблица с рисунками вещей, характерных для XIV—XVII вв.

Первой в этнографическом разделе сборника помещена статья Г. Х. Мамбетова «О производственных объединениях по совместному содержанию скота у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX—начале XX века». Традиционное скотоводство включает в себя, с одной стороны, элементы материальной культуры, а с другой стороны, — тесно связанные с нею организационные формы ведения хозяйства, а также элементы духовной культуры. Исходя из этого, автор систематизировал сведения об особенностях выпаса и содержания скота кабардинцами и балкарцами. В статье большое место уделено детальному описанию производственного быта и кошевому застольному этикету. Освещение этих вопросов представляется весьма ценным, так как в работах кавказоведов (как дореволюционных, так и советского периода) они затрагивались вскользь в связи с изучением социально-экономического развития горцев.

Желательно было бы несколько подробнее рассмотреть форму кошевых объединений у балкарцев, а также сосредоточить внимание на анализе разновидностей испольного выпаса скота, известного у них под общетюркским названием «ортак».

По кошевому объединению можно привести довольно значительный сравнительный материал из быта народов Кавказа — осетин, карачаевцев, абхазцев и Центральной Азии — туркмен, курдов, юрков и т. д.

Необходимо отметить также, что при всей общности организации отгонного скотоводства у кабардинцев и балкарцев, было бы неверно игнорировать своеобразие рельефа и климата, этническую и культурно-историческую ситуацию, способствовавшие выработке особых форм пастушества. В отличие от кабардинцев, балкарцы издавна практиковали трансгуманцию — круглогодичный выпас скота села и связанные с ним миграции скота с летних пастбищ, зимние и весенние. У балкарцев мы наблюдаем также реликты номадизма (полукошечное скотоводство, при котором со стадами движутся не только пастухи, но иногда и их семьи, имеющие прочную оседлость в общинах).

Наконец, можно спорить с утверждением автора о том, что в 20-х гг. нашего столетия у горцев, якобы, не было, самосто-

ятальных кошей, принадлежащих одному владельцу» (с. 147). В действительности же, вплоть до 30-х годов среди горцев Северного Кавказа еще бытовали кошевые объединения, поскольку сохранялось и кошевое хозяйство, в котором по традиции практиковали наем пастуха — «держателя палки», аренду земли и скота.

Дискуссионны, на наш взгляд, некоторые трактовки адыгского историко-лингвистического материала, данные И. Х. Калмыковым в статье «О некоторых терминах, характеризующих развитие жилого дома и становление моногамной семьи у адыгских народов». Это особенно относится к анализу терминов «жылэ» и «къяужэ». Автор связывает возникновение термина «жылэ» с периода патриархального рода, а «къяужэ» относит к периоду развития патриархального строя. (с. 148), но этнографические и чисто лингвистические примеры, которых он приводит, недостаточно убедительны, так как семантически термин «къяужэ» возводится к слову «сын» и переводится, то как «отделившийся или ушедший со своими подвластными» (с. 149), то как «поросль», в то время, как сам компонент «къяуэ» увязывает с понятиями «балка» и «сын» (с. 150).

Здесь вряд ли целесообразно проводить прямую связь между лексемой «чыл», и обозначающей «балаган, шалаш» (с. 150), и примитивными строениями первобытных людей, и тем самым это понятие выводить из матриархата. Скорее всего адыгский термин «чыл» произведен от «чы» (прут) и отсюда «чылэ» могло означать «селение из шалашей», т. к. построены были из прутьев.

Слово «хъэблэ» (квартал) автор связывает с началом разложения большой патриархальной семьи и возникновением квартальных группировок (с. 149—150). Пожалуй, эти понятия мало связаны друг с другом. Поскольку адыгский термин возник из арабского хъабл (околоток), «несколько соседних домов»², можно предположить термин «хъэблэ» своим появлением обязан организации новых населенных пунктов адыгов (черкесов) в Закубани в начале XIX века и служил для обеспечения переходной ступени от семейной общины к сельской³. С несомненной очевидностью, к этому времени среди адыгов уже восторжествовала моногамная семья.

Что касается термина «аул», то его появление на Северном Кавказе, видимо, связано заимствованиями русским населением из тюркского языка. Следовательно, термин «аул» к становлению моногамной семьи у адыгских народов мало причастен.

Ценную информацию содержит статья Е. Н. Студенецкой «Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатели на-

ционального своеобразия и межнациональных связей». Рассмотрение состава пищи у карачаевцев и балкарцев привело автора к выводу, что «национальное своеобразие, проявляющееся в пище, складывается в процессе исторического развития», и что «оно» обуславливается рядом причин — хозяйством, природными условиями, религиозными представлениями» (с. 163).

Иногда из-за недостаточно глубоких полевых исследований автор приходит к неожиданным выводам. Так, верно отмечая, что у «всех» скотоводов при разделке туши и особенно приготовления и подачи мяса строго соблюдалось деление на более почетные и менее почетные части» (с. 161), автор приходит к ошибочному выводу, что сваренная голова овцы «у русских использовалась главным образом для приготовления студня или варки дешевых щей и на стол не подавалась, кавказские горцы, многие скотоводы Азии считают почетной частью» (с. 161). В этнографической действительности положение дел обстоит иначе: голова (часть головы) у горцев вообще не считается порцией, которую можно было бы подать на стол старшему. Она служит всего-навсего ритуальной костью, атрибутом почитания старшего стола.

Положительной оценки заслуживает замечание исследователя, что заимствования и взаимовлияние не приводят к вытеснению традиционной кулинарии, а наоборот, обогащают ее (с. 164). Об этом красноречиво свидетельствуют наблюдения автора, сделанные в 30—60-х годах на Северном Кавказе.

С. Кирджинов в небольшой статье «К вопросу об этике адыгов в семейном и общественном быте» останавливается на таких вопросах этикета, как проявление вежливости в обращении со старшими, формах ее подчеркивания в быту и в пути следования, формах обращения и приветствия. Здесь уместно заметить, что элементы адыгского этикета, отмеченные в статье, с небольшими отклонениями, присущи для горского быта Кавказа в целом.

З. Налоев выступил в сборнике с интересной статьей «К общественному статусу джегуако», в которой рассмотрены вопросы «уникально-общественного положения» народных артистов, поэтов-импровизаторов, установившихся в древнем обществе (с. 173—188).

Чтобы выяснить загадку «о неприкосновенности и полной свободы» народных поэтов, автор, обратившись к истокам адыгской народной культуры, продолжателями которой являются «джегуако» (с. 177), рассматривает этнографические материалы, относящиеся к характеристике плясовой фигуры ажагафа (ряженного в маске козла) и обрядового зрелища, устраи-

ваемого у постели раненного (шопшако), карнавальные праздники и обряды, связанные с молением дождя (ханцгуаше) и (тхашхондж). В процессе исторического развития на смену одним карнавальным мироощущениям приходили другие.

Перу этнографа С. Х. Мафедзева принадлежат две статьи сборника. В первой из них рассматриваются «Адыгские детские игры в XIX — начале XX века». Накопление обширного конкретного материала, собранного автором в Кабарде, Адыгее и Черкесии, дало возможность написать работу, представляющую значительный интерес для исследователя народной педагогики у горцев-адыгов. Разбирая этнографические материалы, С. Х. Мафедзев приходит к выводу, что по-своему характеру, целям и задачам детские игры адыгов «можно разделить на три группы: игры-забавы, подвижные игры и игры-импровизации», (рис. 190). Описанные в статье подвижные игры адыгских детей содержат много общего с играми детей соседних народов (сусу, баринэ, бжъхъыринэ, де кыгъэх, къру-къру, жмурки, альчики, борьба, мяч, арых (арах), чын (юла). Можно привести ряд аналогий и к играм-импровизациям, бытующим как среди русского населения, так и горцев Кавказа. Несомненно, детские игры, благодаря своей большой познавательности, «знакомили малышей с окружающей средой, бытом и жизнью, обычаями и нравами общества» (с. 207). Задача заключается в том, чтобы как можно шире использовать все ценное, что содержит в себе народная педагогика.

Вторая статья С. Мафедзева «О конно-спортивной игре «шухъхэзыр» у адыгов — небольшая по объему — знакомит читателей с одной из древних игр адыгов «конь готовый» или «готовый всадник». Приходится лишь сожалеть, что, указав архаичность и важность конно-спортивных игр для выработки военного духа горца-адыга, исследователь не приводит аналогии, которыми так богаты этнография Кавказа, Поволжья, Средней Азии и Казахстана.

В статье Л. Г. Канчавели «Некоторые закономерности ладового развития архаических песен адыгов» сообщаются сведения о развитии ладового мышления в адыгской песенной культуре — песне — плясках, связанных с производственно-магическими действиями ритуала, связанные с поклонением божеству грома Шибле (Еле, Яле) и обращенные к Ханцгуаше, а также в напевах «Оурудадэ», «Нсэщэорэд», «Лъэпш и уэрэд», бытующих в тесной связи с обрядностью, но в значительной мере отделившихся от магической роли. Наблюдения автора приводят к выводу, что ладовое строение различных напевов «обусловлено различным временем их возникновения» (с. 21).

С интересом читаются и статьи раздела «Критика и библи-

ография». Г. Д. Гогошвили печатает перевод сведений о Кабарде, содержащихся в дневнике поэта и политического деятеля XIX в. Г. З. Орбелиани. Сведения грузинского поэта-путешественника, переведенные на русский язык, содержат новые ценные материалы для исследователей истории и этнографии Кабарды.

Весьма обстоятельной представляется рецензия В. Х. Тменова на книгу И. М. Мизиева «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая» (Нальчик, 1970). Положительно оценивая работу в целом, автор счел нужным обратить внимание на некоторые дискуссионные моменты, содержащиеся в гипотезах И. Мизиева.

О книге Г. Х. Мамбетова «Из истории развития транспорта и средства связи Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1971) написал рецензию Д. А. Напсо. Подробно анализируя содержание книги, рецензент отмечает, что изучение истории развития транспорта и средств связи «представляет большой научный и практический интерес» (с. 246).

В заключение отметим, что выход в свет специального издания археологов Кабардино-Балкарии свидетельствует о больших успехах, достигнутых учеными республики. Нет никаких сомнений в том, что рецензируемый сборник имеет актуальное научно-познавательное значение.

¹ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, сс. 58, 60, 61.

² Дж. Н. Кокков. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, с. 273.

³ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 190.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд.
 АО — Археологические открытия (ежегодник).
 ВДИ — Вестник древней истории (журнал).
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
 ЗКОРГО — Записки Кавказского отдела Русского географического общества.
 ЗОСИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
 ИА — Институт археологии АН СССР.
 ИАК — Известия Археологической комиссии.
 ИКОРГО — Известия Кавказского отдела Русского географического общества.
 ИОЛИКО — Известия Общества любителей изучения Кубанской области.
 ИЭ — Институт этнографии. АН СССР.
 КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт.
 КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР.
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
 КСИЭ — Краткие сообщения ИЭ АН СССР.
 КЭС — Кавказский этнографический сборник.
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
 МАК — Материалы по археологии Кавказа.
 МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 МНС — Материалы научной сессии о происхождении балкарцев и карачаевцев.
 СА — Советская археология.
 СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
 ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах.
 СССК — Сборник сведений о Северном Кавказе.
 СЭ — Советская этнография.
 ТГИМ — Труды государственного исторического музея.
 ТИЭ — Труды ИЭ.
 ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
 УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Г. Е. Афанасьев. К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины — Малокарачаевского района (вторая половина V — первая половина VIII вв.)	4
Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Раскопки Хумаринского городища в 1975 году.	14
Х. Х. Биджиев. Раскопки городища Хумара в 1977 году (Предварительная публикация)	34
Х. Х. Биджиев. Погребальные памятники Карачая XIV — XVIII вв.	63
В. И. Марковин. Средневековые наскальные изображения у аула Кумыш	146
Х. Х. Биджиев. Средневековая керамика Хумаринского городища (По материалам раскопок 1977 г.)	154
Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, вып. 1. Нальчик, 1974	170
Список сокращений	177

**ВОПРОСЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

Редактор В. И. Марковин.
Технич. редактор А. В. Алейников.
Корректор Н. С. Прыткова.

Сдано в набор 21.IX.79 г. Подписано к печати 27.V.80 г.
ВУ 96643. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага типографская № 3.
Литературная гарнитура. Печать высокая. Физ. п. л. 11,25.
Тираж 500 экз. Заказ № 5409. Цена 48 коп.

Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
экономики, истории, языка и литературы,
г. Черкесск, Дом Советов.

Карачаево-Черкесская укрупненная типография,
г. Черкесск, ул. Первомайская, 47.

